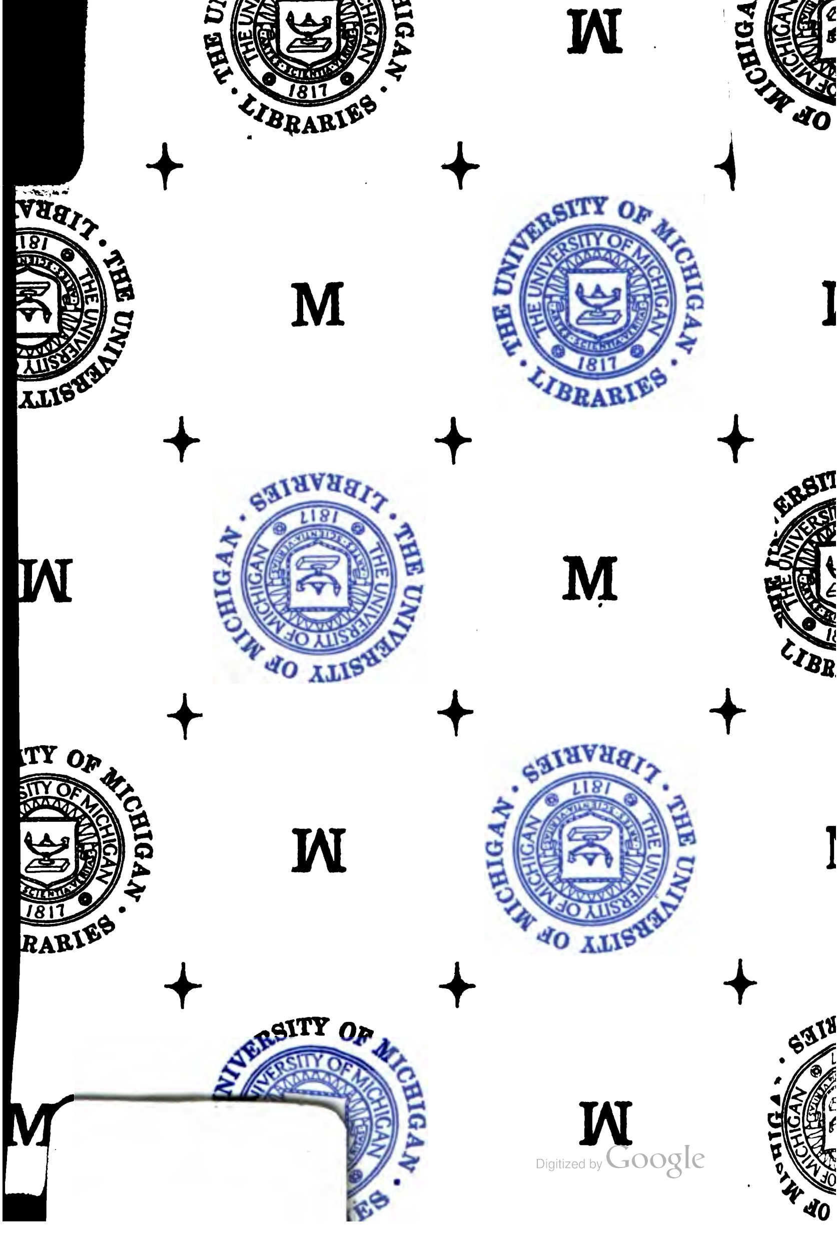
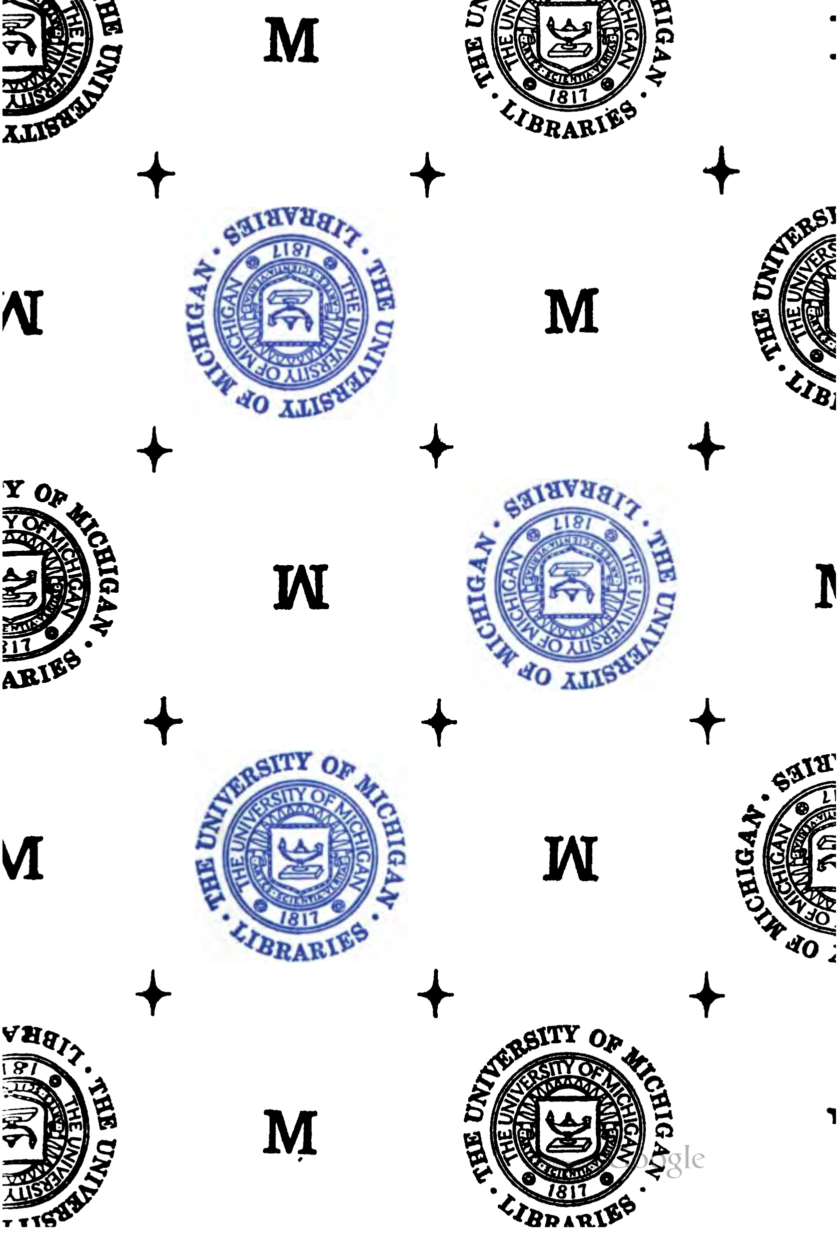

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
LIBRARIES
1817
M
Digitized by Google

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
LIBRARIES
1817
M

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ
РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ. Февраля 18-го дня 1848 года.

Ценсоръ *И. Срезневскій*

Khmel'nitskii, Nikolai Ivanovich.

СОЧИНЕНІЯ

ХМѢЛЬНИЦКАГО.

ТОМЪ I.

Изданіе Александра Смирдина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

1849.

Цѣна за три Тома три руб. сер.

ОГЛАВЛЕНІЕ

къ

сочиненіямъ

ХМѢЛЬНИЦКАГО.

Томъ I.

Стр.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

О

НИКОЛАѢ ИВАНОВИЧѢ ХМѢЛЬНИЦКОМЪ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

О

НИКОЛАѢ ИВАНОВИЧѢ ХМѢЛЬНИЦКОМЪ.

—

Николай Ивановичъ Хмѣльницкій принадлежалъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ людей, объ которыхъ нельзя говорить исключительно, какъ объ литераторахъ, потому-что, не смотря на все значеніе его литературныхъ трудовъ, онъ былъ столько-же замѣчателенъ, какъ человѣкъ и какъ гражданинъ. Мы не предположили себѣ цѣлію разбирать его литературные труды, уже давно разобранные и оцѣненные публикою, или говорить объ его отличіяхъ на службѣ, — нѣтъ, мы бы хотѣли въ бѣгломъ очеркѣ познакомить читателя съ человѣкомъ, вполнѣ заслуживающимъ вниманіе и любовь.

Николай Ивановичъ Хмѣльницкій родился въ Петербургѣ, 11-го Августа 1789 года.

Не восходя до великаго гетмана Богдана, его родоначальника, слава котораго слишкомъ близка сердцу каждаго русскаго, не лишнимъ считаю сказать, что отецъ Николая Ивановича, Иванъ Парфентьевичъ Хмѣльницкій, былъ также однимъ изъ замѣчательныхъ лицъ своего времени. Получа званіе доктора Кенигсбергскаго Университета и въ послѣдствіи, служа вѣрой и правдой великой Монархинѣ, онъ достигъ почетной степени въ гражданской іерархіи и заслужилъ особенное вниманіе Екатерины II. *Она*, въ вознагражденіе за потерю родовыхъ имѣній, принадлежавшихъ нѣкогда роду Хмѣльницкихъ, дала ему средства выстроить въ Петербургѣ домъ, (нынѣ принадлежащій г. генералъ-маіору Я. И. Ростовцову). Какъ ученый, Иванъ Парфентьевичъ былъ не менѣе замѣчателенъ: въ 1726 году въ Гамбургскихъ Вѣдомостяхъ напечатаны имъ диссертаціи на латинскомъ языкѣ: «объ основаніяхъ философіи» и «возраженіе на Шлегеля». Кромѣ этихъ ученыхъ трактатовъ, мало извѣстныхъ русской публикѣ, Иванъ Парфентьевичъ много переводилъ и писалъ на русскомъ языкѣ. Труды его съ любовію принимались Русскою Академіею и выдерживали по четыре изданія.

Это небольшое отступленіе, по видимому, мало идущее къ воспоминаніямъ о Николаѣ Ивановичѣ Хмѣльницкомъ, мы сдѣлали съ умысломъ. Достоинства отца имѣли чрезвычайное вліяніе на сына, вліяніе, которое Николай Ивановичъ, при всей врожденной скромности, не могъ скрыть, и всегда говорилъ: «что каждый изъ насъ долженъ поддерживать отцовское имя и стараться, если не превзойти его, то, по крайней мѣрѣ, стать съ нимъ въ уровень!...»

По природѣ своей, добрый, снисходительный и умный, Николай Ивановичъ не любилъ хвастать прекрасными свойствами своей души и часто надѣвалъ на себя маску холоднаго человѣка; словомъ, это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, котораго, не зная коротко, нельзя было полюбить; но если, по счастію, кто нибудь однажды проникалъ въ его душу, то находилъ въ немъ все: друга — самаго горячаго и искренняго, филантропа—ни въ чемъ не похожаго на тѣхъ патентованныхъ свѣтскихъ фарисеевъ, которые, подавая чужой грошъ нищему, выставляютъ себя на показъ, какъ благодѣтеля рода человѣческаго. Но это всторону.

Semper metuendum, quicquid irasci potest....

Николай Ивановичъ Хмѣльницкій жилъ и дѣйствовалъ не далеко отъ насъ, но между тѣмъ, съ того времени много воды утекло и многое нужно привести на память, чтобы стать въ уровень съ временемъ, въ которое онъ жилъ и дѣйствовалъ. Наше отечество такъ шагаетъ впередъ, что десять, двадцать какихъ нибудь лѣтъ составляютъ эпоху. Давно-ли, напримѣръ, на искусства и поэзію, на музыку и живопись смотрѣли у насъ, какъ на бездѣлушки, способныя разсѣять, но отнюдь не занять порядочнаго человѣка. Даже Державинъ, мечтавшій, что вполнѣ постигаетъ всю важность своего призванія, какъ поэта, долженъ былъ въ угоду вѣка и общихъ мнѣній, сравнить *поэзію* съ *лимонадомъ*. Нынче, благодаря Бога, мы ростемъ въ другихъ понятіяхъ. Мало по малу искусства у насъ начинаютъ принимать права гражданства и становятся въ рядъ потребностей жизни. Теперь, благодаря духу времени, и у насъ даже найдется не мало людей, которые съ гордостію скажутъ: «я литераторъ! я живописецъ! я музыкантъ!» — и каждый пойметъ, что эти люди совсѣмъ не ничтожнѣе почтеннаго чиновника Губернскаго Правленія. Лѣтъ тридцать назадъ, даже менѣе, званіе артиста имѣло у насъ значеніе

нуля и каждый, во что бы ни стало, долженъ былъ дослужиться до извѣстнаго ранга, чтобы имѣть право заняться чѣмъ нибудь, кромѣ службы, да и то какъ бы для отдохновенія и забавы. Наше благодѣтельное правительство, еще со времени Екатерины Великой, постигло всю важность развитія свободныхъ искусствъ. При *Ней* были основаны Академія Россійская и процвѣла Академія Художествъ; желая всѣми мѣрами возбудить въ народѣ любовь къ искусствамъ, она сама писала, и наконецъ, издала законъ, по которому каждый литераторъ, или иначé сказать, человѣкъ мыслящій, получалъ многія льготы по службѣ.

Какъ ни сильны были старанія Великой Государыни, но вѣкъ не легко было измѣнить. Николай Ивановичъ Хмѣльницкій жилъ еще въ эпоху *чинолюбія*, если можно такъ выразиться. Не смотря на явное призваніе къ литературѣ, онъ чувствовалъ всю необходимость сдѣлаться прежде всего служакою. Надѣленный отъ природы умомъ истинно русскимъ, тонкимъ, воспріимчивымъ и проницательнымъ, онъ не пошелъ на перекоръ времени и общимъ мнѣніямъ, и опредѣлился на службу, сохраняя въ душѣ весь жаръ истиннаго поэта. Взявшись за гужъ,

не говори, что не дюжъ, твердитъ пословица и этой пословицы Николай Ивановичъ держался твердо, постоянно. Хотя служба не была его сферой, но взявшись однажды за нее, онъ положилъ себѣ за правило быть вѣрнымъ присягѣ. При первомъ шагѣ, онъ не кинулся туда, гдѣ *протекція* могла подать ему руку; нѣтъ, онъ опредѣлился въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ переводчикомъ и, скоро замѣченый начальствомъ, нѣсколько разъ былъ посылаемъ курьеромъ къ разнымъ дворамъ.

Голосъ отчизны, угрожаемый опасностію, не могъ не отозваться въ душѣ Хмѣльницкаго; забывъ о всѣхъ личныхъ выгодахъ, имѣя въ виду только общее благо, онъ рѣшился въ 1812 году, въ чинѣ коллежскаго ассесора поступить въ С. Петербургское ополченіе и въ скоромъ времени былъ назначенъ адъютантомъ къ командовавшему тогда ополченіемъ генералу Кутузову, въ послѣдствіи фельдмаршалу, свѣтлѣйшему князю Голенищеву-Кутузову-Смоленскому, а потомъ къ преемнику его, барону Миллеру-Закамельскому.

Въ кампанію 1813 года Николай Ивановичъ состоялъ при начальникѣ штаба одной изъ дѣйствующихъ армій и отличался въ

сраженіяхъ подъ Лейпцигомъ, Дрезденомъ, Гамбургомъ и кромѣ того былъ часто употребляемъ по дѣламъ дипломатической переписки. Въ это время онъ имѣлъ случай познакомиться съ графомъ Милорадовичемъ, который, оцѣня его необыкновенныя способности, полюбилъ его всей душею. Въ 1814 г., по окончаніи войны съ французами, графъ Милорадовичъ былъ назначенъ сперва главнокомандующимъ, а послѣ генералъ-губернаторомъ Петербурга. Полный любви къ отечеству, Милорадовичъ искренно желалъ быть столько же полезнымъ на этомъ новомъ для него поприщѣ, сколько былъ полезенъ въ дѣлѣ военномъ, и потому самъ обратился къ Николаю Ивановичу и предложилъ ему мѣсто правителя своей канцеляріи.

Не многіе, къ несчастію, и въ наше время, смотрятъ на службу такъ, какъ смотрѣлъ на нее Николай Ивановичъ. Обезпеченный родовымъ имѣніемъ со стороны нуждъ житейскихъ и чрезвычайно умѣренный во всѣхъ желаніяхъ, онъ смотрѣлъ на службу, какъ на широкое поле труда и пользы общественной. Его мнѣнія были таковы, что человѣкъ служащій, на какой бы онъ степени ни сто-

ялъ, всегда долженъ и можетъ быть полезенъ государству. Люди истинно умные и съ твердымъ убѣжденіемъ всегда на дѣлѣ оправдываютъ свои теоріи. Такъ и Николай Ивановичъ, будучи далеко не на высшихъ ступеняхъ гражданской іерархіи, сдѣлалъ то, что память его должны благословлять всѣ недостаточные чиновники, ихъ вдовы и сироты — а этотъ классъ людей, къ несчастію, у насъ немалочисленъ!...

Онъ написалъ проэктъ обратить частныя суммы, (до 700,000 тысячъ), лежавшія въ разныхъ присутственныхъ мѣстахъ болѣе десяти лѣтъ, и ни кѣмъ не требуемыя, въ *капиталъ* для призрѣнія заслуженныхъ гражданскихъ чиновниковъ. Проэктъ былъ Высочайше одобренъ, и такимъ образомъ Хмѣльницкій, въ званіи правителя Канцеляріи Генералъ-Губернатора слѣлалъ то, чего Гизо, въ званіи перваго министра, не умѣлъ сдѣлать во Франціи.

Гоголь, заставя своего Хлестакова хвастать, что его зовутъ управлять двумя министерствами, чрезвычайно умно и мѣтко указалъ на легкомысліе тѣхъ, которые думаютъ, что служить и отличаться по службѣ можетъ каждый, сплошь и рядомъ. Не таковы были убѣжденія Николая Ивановича.

Понимая вполнѣ всю важность службы, онъ смотрѣлъ на нее иначе — и вотъ доказательство: съ 1829 по 1839 годъ, — будучи Смоленскимъ гражданскимъ губернаторомъ, онъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ получилъ предложеніе отъ министра (*графа Закревскаго*) принять на себя управленіе однимъ изъ департаментовъ Внутреннихъ Дѣлъ. Каждый, хотя нѣсколько смахивающій на Гоголевскаго Хлестакова, съ радостію бы кинулся на это предложеніе, но Хмѣльницкій, твердый въ своихъ убѣжденіяхъ, отказался отъ выгоднаго мѣста, отзываясь тѣмъ, что не чувствуетъ себя способнымъ стать въ главѣ дѣла, требующаго специальныхъ знаній, которыхъ онъ не имѣетъ.

Во всѣхъ его поступкахъ и дѣйствіяхъ видно было глубокое уваженіе къ службѣ.

Въ бытность свою губернаторомъ въ городѣ Смоленскѣ, онъ обнаружилъ болѣе, чѣмъ когда нибудь, всю дѣятельность своего ума и то жаркое желаніе добра обществу, которымъ онъ всегда руководствовался. Одна сухая перечень того, что онъ сдѣлалъ для Смоленска, достаточно можетъ показать, до какой степени этотъ человѣкъ трудился для пользы общественной. Обратя вниманіе Государя Императора на бѣдствую-

шій городъ, онъ получилъ въ суду 1,000,000 рублей, и эта сумма, такъ сказать, возстановила Смоленскъ «изъ пепла.» Кромѣ этого, Хмѣльницкій успѣлъ на пользу общую склонить частныхъ людей и на ихъ пожертвованія соорудилъ церковь Благовѣщенія Господня, устроилъ городской садъ на «*Облонье*,» срѣзалъ соборную гору, препятствовавшую сообщенію нагорной стороны съ заднѣпровскою. Отличное устройство мостовыхъ, пожарной команды и городской полиціи принадлежитъ ему. Кромѣ всего этаго, Николай Ивановичъ, неупускавшій ничего изъ вида, первый изъ градоначальниковъ обратилъ вниманіе на мануфактурную и ремесленную промышленность: первая губернская выставка мануфактурныхъ издѣлій была въ Смоленскѣ.

Въ 1837 году Николай Ивановичъ былъ переведенъ изъ Смоленской въ Архангельскую губернію, и въ томъ же году, по разстроенному здоровью, вышелъ въ отставку и поселился снова въ Петербургѣ.

Хотя съ этаго времени кругъ его дѣятельности значительно уменшился; но, какъ истинно доброй человѣкъ, онъ и тутъ, подъ ударами одного изъ величайшихъ несчастій для души честной и нравственной, умѣлъ

выказать, можетъ быть, даже болѣе, чѣмъ когда нибудь, все превосходство своей натуры.

Какъ человѣкъ, Николай Ивановичъ принадлежитъ къ тому небольшому числу людей, которые несравненно лучше, чѣмъ они кажутся. Съ первой встрѣчи, изъ перваго разговора съ нимъ, каждой волею не волею сознавался, что онъ уменъ, свѣдущь и образованъ— но не каждый могъ дать ему полную цѣну, потому что онъ былъ чрезвычайно остороженъ и разборчивъ на людей. Строгую вѣжливость и наружную холодность — многіе часто принимали за гордость, а вспышка и раздражительность, слѣдствія, можетъ быть, поэтическаго настроенія—многимъ не нравились потому, что ихъ считали капризами избалованнаго человѣка. На самомъ дѣлѣ, Хмѣльницкій не былъ ни гордъ, ни избалованъ. Стоило только сблизиться съ нимъ, чтобы вполнѣ въ этомъ удостовѣриться. Я часто видѣлъ, какъ онъ подавалъ руку самому ничтожному человѣку и избѣгалъ встрѣчи съ лицами, въ которыхъ всѣ заискиваютъ... Умная рѣчь, какъ бы она ни была противуположна въ своихъ основаніяхъ его мнѣнію, не смотря на горячій споръ его, всегда была имъ ува-

жаема... и онъ повторялъ латинскую пословицу: nullus sapientum preditori credidit.

Добросердечіе его было удивительно: если онъ зналъ, что кто нибудь страдаетъ, онъ самъ страдалъ—и потому спѣшилъ къ нему на помощь... для блага ближняго, онъ не щадилъ ни денегъ, ни своего рѣдкаго ума —и всегда полезнаго совѣта...

Остроту ума, данную ему самой природой, онъ расточалъ только тамъ, гдѣ не могъ никого оскорбить и гдѣ острота принималась за остроту, а ни за что болѣе.

Такъ однажды, про кого-то сказали, что онъ добрый малый...

— Такъ вы *малымъ* довольны... сказалъ Хмѣльницкій и тотчасъ-же просилъ принять это за *остроту*, а не за истину.

Если пословица: «вѣкъ живи, вѣкъ учись» принималась кѣмъ нибудь въ строгомъ смыслѣ, такъ это Николаемъ Ивановичемъ; прочтя едва ли не все, что было до него написано, онъ съ жадностію кидался на каждую новую замѣчательную книгу. Въ послѣднее время Мишель Шевалье особенно ему нравился: въ этомъ смѣльчакѣ-инженерѣ онъ нѣкоторымъ образомъ провидѣлъ благородное стремленіе цѣлой націи.

Выйдя въ отставку и живя на покоѣ, Ник. Иван. никогда не заглядывалъ въ календарь и едва-ли даже не забылъ о томъ, что *онъ* былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ лицъ своего времени.

— Теплый уголъ, стаканъ чаю, да умная книга—вотъ все, что нужно человѣку подъ старость, говорилъ онъ.

И ему дѣйствительно было нужно только то, о чемъ онъ говорилъ.

Въ 1844 году Николай Ивановичъ поѣхалъ за границу, а въ 1846, 8-го сентября скоропостижно скончался 54-хъ лѣтъ и 8-ми дней отъ рожденія. Тѣло его погребено на Смоленскомъ кладбищѣ.

Ничто такъ не выразило его благороднаго характера, какъ *его духовное завѣщаніе*. Въ немъ онъ отказалъ свое родовое имѣніе (*благопріобрѣтеннаго* у него не было) тѣмъ, кого онъ любилъ, тѣмъ, которые нуждались въ его помощи, и у которыхъ, по разнымъ объстоятельствамъ, онъ не хотѣлъ оставаться въ долгу.

Теперь кинемъ взглядъ на литературную дѣятельность Н. И. Хмѣльницкаго. Его, разумѣется, должно разсматривать преимущественно, какъ писателя драматическаго.

Въ двадцатыхъ годахъ появились на сценѣ первыя драматическія произведенія Хмѣльницкаго и возбудили въ публикѣ живѣйшій интересъ. До 1829 года включительно, Хмѣльницкій постоянно и весьма часто дарилъ русскій театръ своими произведеніями, и снискалъ себѣ вполнѣ заслуженную и прочную извѣстность. Теперь, обозрѣвая всю его дѣятельность, мы можемъ спокойно и сознательно опредѣлить и причину его тогдашнихъ успѣховъ, и истинное значеніе его произведеній, какъ для того, такъ и для нашего времени.

Скажемъ, во первыхъ, что для всякой образованной націи недостаточно имѣть геніальныхъ людей, разбросанныхъ по различнымъ отраслямъ науки и искусства, нужно имѣть самую науку, самое искусство, какъ нѣчто прочное, вполнѣ установившееся и опредѣляющее характеръ націи, т. е., какъ достояніе національное. Такимъ образомъ, перейдя отъ общаго положенія къ частному, для націи мало имѣть одного, двухъ хорошихъ драматическихъ писателей, нужно имѣть свой народный театръ, который обозначается суммою произведеній, имѣвшихъ свое временное значеніе и, сверхъ то-

го, имѣющихъ всегдашнее, вѣчное, историческое значеніе. А такими пьесами могутъ быть только тѣ, въ которыхъ, кромѣ художественнаго таланта автора, отразились понятія, потребности, направленіе и нравы общества той эпохи, когда родились его пьесы. Русскій театръ еще такъ недавно вышелъ изъ пеленъ, что было-бы крайне несправедливо и неразумно требовать отъ него полной самостоятельности, требовать, чтобы онъ былъ цѣлымъ, вполнѣ построеннымъ зданіемъ. Такія зданія воздвигаются вѣками, а мы едва имѣли время положить первые камни въ фундаментъ зданія всей нашей образованности. Отрадно видѣть уже и то, что у насъ многому положены прекрасныя начала. Драматическая литература, безспорно высшая отрасль литературы вообще, у насъ развилась слабѣе другихъ своихъ сестеръ; здѣсь не мѣсто разсматривать причины этого явленія. Въ числѣ весьма немногихъ писателей, положившихъ основаніе русскому театру, Н. И. Хмѣльницкій занимаетъ почетное мѣсто. Его пьесы, кромѣ личнаго дарованія автора, носятъ на себѣ рѣзкій отпечатокъ характера и направленія нашей литературы двадцатыхъ годовъ. Въ пьесахъ Хмѣльницкаго отразилось стре-

мленіе нашего общества къ ближайшему знакомству съ западною Европой и къ подражанію ей; всѣ эти пьесы—переводы или передѣлки французскихъ комедій — и, должно отдать справедливость таланту Ник. Иван., переводы добросовѣстные, достойные подлинника, а передѣлки мастерскія, часто превосходящія даже самый подлинникъ. Восторгъ, увлеченія партера, когда онъ составленъ изъ образованнѣйшаго класса общества, какъ это было въ двадцатыхъ годахъ, едва ли не самая вѣрная оцѣнка драматическому произведенію: театръ рукоплещетъ — значитъ, пьеса вполнѣ высказываетъ задушевныя стремленія этой тысячи людей, собравшихся провѣрить свои нравы или понятія на сценѣ. Надо только знать, что это за люди... Извѣстно, что въ двадцатыхъ годахъ было не то, что теперь: лучшая, образованнѣйшая публика посѣщала русскій театръ,—а Н. И. Хмѣльницкій принадлежалъ, по всѣмъ правамъ, къ этой части публики; стало-быть, публика, сочувствуя ему, видѣла въ немъ представителя своихъ стремленій.

И она не ошиблась: Н. И. Хмѣльницкій, руководствуясь врожденнымъ художественнымъ тактомъ и европейски-образованнымъ умомъ, зналъ, съ какими *именно* произведе-

ніями западной литературы должно знакомить нашу публику,—онъ переводилъ Мольера. Странно было бы доказывать великость генія Мольера, единственнаго комика, имѣющаго всемірно-историческое значеніе; невѣрующихъ мы просимъ только указать намъ у какой-либо націи, не комедію столь же геніальную, какъ комедія Мольера, но цѣлый театръ, основанный на такихъ же общечеловѣческихъ началахъ, какъ театръ Мольера. Вспомните время, въ которое жилъ Мольеръ—и вы изумитесь колоссальному дарованію этого человѣка... До сихъ поръ еще типы, имъ созданные, имѣютъ смыслъ и значеніе,—а что говорить о эпиграмматическомъ языкѣ, о завязкѣ его пьесъ, всегда ловкой, быстрой, интересующей и увлекающей зрителей? — Хмѣльницкій изучилъ Мольера и постигъ его величіе, а потому съ такою художническою добросовѣстностью передалъ русской публикѣ два великія произведенія французскаго генія—«Тартюфа» и «Школу Женщинъ.»

Какъ уже мы сказали, Н. И. Хмѣльницкій былъ весьма важнымъ вкладчикомъ при заложеніи фундамента русскаго театра. Такихъ вкладчиковъ было весьма не много: Фонъ-Визинъ, Капнистъ, Хмѣльницкій, Гри-

боѣдовъ, князь Шаховской и, наконецъ, Гоголь (*) вотъ, по нашему мнѣнію, всѣ замѣчательные дѣятели русской драматической литературы: остальные писатели имѣли не-болѣе, какъ временный интересъ и вовсе лишены историческаго значенія. Теперь нужно опредѣлить мѣсто Хмѣльницкаго въ почетномъ ряду этихъ дѣятелей. Здѣсь нѣтъ надобности говорить о каждомъ отдѣльно; укажемъ только на два направленія, рѣзко раздѣляющія этихъ писателей на двѣ группы. Одно направленіе чисто-подражательное, въ которомъ выразилось первое стремленіе нашего общества къ сближенію съ западною образованностью. Въ пьесахъ этого направленія, кромѣ языка, нѣтъ ничего русскаго— и смѣшно было-бы упрекать ихъ за это, они — сдѣлали свое дѣло, исполнили свое назначеніе; время ихъ рожденія еще не было временемъ пробужденія русскаго общества къ самосознанію, къ выраженію элементовъ національныхъ. Это пробужденіе совершилось послѣ и выразилось писателями новой школы.

(*) Мы упоминаемъ здѣсь только авторовъ комедій; трагедія и драма имѣютъ своихъ особенныхъ представителей.

Н. И. Хмѣльницкій принадлежитъ къ первой группѣ—къ подражателямъ французскому театру. Неоспоримый талантъ бельлетриста Хмѣльницкій успѣлъ выказать даже переводя или подражая произведеніямъ французскихъ писателей. Если въ его пьесахъ нѣтъ собственнаго созданія, за то посмотрите, какой удивительный (особенно для тогдашняго времени) языкъ, какой ловкій, блестящій стихъ; да, наконецъ, и въ самыхъ передѣлкахъ Реньяровыхъ комедій, съ какимъ художественнымъ тактомъ умѣлъ Хмѣльницкій отбросить все лишнее, замедляющее ходъ пьесы, изъ пяти актовъ сдѣлать одинъ, кипящій дѣйствіемъ. Эти достоинства, равно какъ и тонкій вкусъ въ выборѣ пьесъ для перевода или подражанія, дѣлаютъ Хмѣльницкаго весьма замѣчательнымъ дѣятелемъ въ ряду изчисленныхъ нами писателей; такъ, что въ своей группѣ (подражательной) онъ занимаетъ первое мѣсто.

При обозрѣніи литературной дѣятельности Хмѣльницкаго, мы должны будемъ раздѣлить всѣ его пьесы на три разряда: переводы собственно, передѣлки и подражанія и, наконецъ, оригинальныя пьесы.

Н. И. Хмѣльницкій, какъ мы уже сказа-

ли, перевелъ двѣ комедіи Мольера: «*Тартюфъ*» и «*Школа Женщинъ.*»

Но между его пьесами болѣе всего подражаній и передѣлокъ съ французскаго. Онъ и началъ свое поприще одною изъ такихъ пьесъ: на С. Петербургскомъ Большомъ Театрѣ 7 мая 1817 года давали въ первый разъ комедію Хмѣльницкаго: «Говорунъ.» Пьеса эта была поставлена превосходно и имѣла блистательный успѣхъ. Кто не знаетъ этой хорошенькой пьески, она еще недавно и съ довольно значительнымъ успѣхомъ была возобновлена на сценѣ Александринскаго театра. Надобно замѣтить, что въ то время, какъ Хмѣльницкій выступилъ на сцену съ своими комедіями, русская труппа была въ блистательномъ положеніи; сами писатели и многія любители театра, люди высшаго сословія, принимали живое участіе въ образованіи актеровъ. Изъ этой школы вышелъ необыкновенный талантъ Сосницкаго; тутъ собирались вмѣстѣ авторы и актеры, толковали, совѣтовались и помогали другъ другу.

Это былъ золотой вѣкъ русскаго театра. Въ главѣ его были люди съ призваніемъ и вкусомъ, истинные художники, каковы кн. А. А. Шаховской и Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ, ко-

торые подарили русскую сцену многими талантами. Мы перестанемъ перечислять всѣхъ пьесъ Н. И. Хмѣльницкаго и тѣмъ болѣе входить въ подробный разборъ каждой пьесы, назовемъ только самыя замѣчательныя: «*Говорунъ*», «*Воздушные замки*», «*Бабушкины попугаи*», «*Суженаго конемъ не объѣдешь*», «*Новый Парисъ*», «*Карантинъ*» — и другія. Всѣ эти пьесы имѣли значительный успѣхъ на сценѣ; многія давались на благородныхъ театрахъ, и это одно изъ весьма важныхъ достоинствъ пьесъ Хмѣльницкаго; каждая его пьеса можетъ быть дана въ хорошемъ обществѣ; ни въ одной нѣтъ грязнаго каламбура, сальной двусмысленности, или грубой шутки, — ни чей тонкій и взыскательный вкусъ не оскорбится при чтеніи любой пьесы Хмѣльницкаго. Множество эпиграмматическихъ стиховъ разсыпано въ этихъ пьесахъ; водевильные куплеты отличаются легкостью и очень часто граціознымъ оборотомъ, который, не поражая уха, не возбуждая грубаго смѣха, нравится эстетически образованному человѣку; это не то, что притянутые за волосы и рѣшительно безсмысленные каламбуры нынѣшнихъ актеровъ-водевилистовъ, которые, за недостаткомъ мыслей, играютъ словами, и за рѣши-

тельнымъ отсутствіемъ драматическихъ писателей, разыгрываютъ роль представителей русскаго театра.

Изъ оригинальныхъ комедій Н. И. Хмѣльницкаго замѣчательны: «*Нерѣшительный*, или *Семь пятницъ на недѣлѣ*» и «*Свѣтскій случай*». Какъ жаль, что въ бумагахъ покойнаго не нашлось ни плана, ни отрывковъ комедіи: «*Арзамазскіе гуси*»—намъ извѣстенъ одинъ отрывокъ, который мы не можемъ не выписать здѣсь: дѣйствіе въ домѣ Арзамасскаго судьи Лихвина, котораго дочь Любушка только что пріѣхала изъ Петербурга, гдѣ воспитывалась въ Институтѣ.

ПОБРОДЯЖКИНЪ (*ходячая газета Любушкѣ.*)

Великодушнаго прошу прощенья.
Но мнѣ, сударыня, позвольте васъ спросить,
Не въ Петербургѣ-ли изволили вы быть
Седьмаго ноября, во время наводненья?

ЛЮБУШКА.

Была, сударь.

ПОБРОДЯЖКИНЪ.

Вотъ страсть! Сто тысячъ говорятъ
Погибло въ этотъ день.

ЛИХВИНЪ.

Сказали пятьдесятъ!

Г-ЖА ЛИХВИНА.

Но правда, двадцать пять.

ЛЮБУШКА.

Небольше тысячи, могу увѣрить въ этомъ.

ПОБРОДЯЖКИНЪ.

Да, можетъ статься, по газетамъ;
Но въ этихъ новостяхъ не безъ прорухъ.

Г-ЖА ЛИХВИНА.

А почему-жъ?

ПОБРОДЯЖКИНЪ *(тихо.)*

Не говорите вслухъ.

ЛИХВИНЪ.

Вотъ хорошо! Вѣдь ей извѣстно это близко,
И смѣту вѣрную она вамъ можетъ дать.

ПОБРОДЯЖКИНЪ.

Ахъ, вы не знаете; на этотъ счетъ молчать
Онѣ обязаны строжайшею подпиской.

ЛЮБУШКА.

У насъ въ несчастіи никто роптать не могъ:
Самъ добрый Государь былъ полонъ сокру-
шенья,
Онъ дѣйствовалъ, какъ Богъ —
И расточалъ благотворенья!
Что долго чувствовать могли мы безъ него,
При немъ мы скоро позабыли.
Что если-бъ такъ вездѣ царей любили,
Какъ мы любили своего!

ПОБРОДЯЖКИНЪ.

Никто непрекословитъ вамъ:

Великъ душой, великъ и по дѣламъ;
А все... ужасная была картина!

ЛЮБУШКА.

Да, признаюсь.

НОВГОРОДЯЖКИНЪ.

А кто несчастію причина?
Блаженный памяти, покойный государь,
Петръ Алексѣевичъ! Былъ умный царь,
Да къ морю черезъ чуръ подъѣхалъ близко.
Какъ въ ямѣ строиться, когда есть материкъ!
Вотъ то-то матушка, и былъ великъ,
А выстроился низко.

Н. И. Хмѣльницкій вмѣстѣ съ А. С. Грибоѣдовымъ и княземъ А. А. Шаховскимъ составили планъ комедіи (для бенефиса М. И. Валберховой) «*Своя семья*», нѣсколько сценъ въ этой комедіи, въ томъ числѣ сцена экзамена Наташи, писаны Н. И. Хмѣльницкимъ. И, сказать мимоходомъ, это лучшая сцена во всей комедіи.

Въ послѣднее время своей жизни Н. И. Хмѣльницкій занимался попытками исторической комедіи: «*Царское слово или сватовство Румянцова*», «*Оберъ кухмейстеръ Фельтенъ*», «*Русскій Фаустъ или Брюсовъ кабинетъ*», и «*Богданъ Хмѣльницкій*», образцы этихъ попытокъ; изъ нихъ самая удачная и имѣв-

шая успѣхъ на сценѣ Александринскаго театра «*Царское слово*».

Мысль — создать русскую историческую комедію — теперь можетъ быть даже слишкомъ рановременна, потому-что вѣдь только съ реформы Петра Великаго въ нашемъ обществѣ являются элементы цивилизаціи; а комедія, по существу своему, можетъ брать данныя только изъ жизни общества образованнаго, или изъ такого общества, въ которомъ образованіе борется съ невѣжествомъ. Непосредственная жизнь дикаря можетъ еще, пожалуй, проявить элементы трагизма, но ужь никакъ не комизма. Стало-быть, въ до петровскомъ бытѣ русскихъ нечего искать комедіи, а послѣ реформы Петра прошло такъ мало времени, что историческія лица и событія еще слишкомъ близки къ намъ, мы еще несмѣемъ выводить ихъ на сцену. Собственно петровская эпоха уже слишкомъ истощена нашими романистами; покойный Н. А. Полевой написалъ нѣсколько пьесъ изъ этой эпохи, но въ нихъ нельзя искать ничего, кромѣ похвальнаго чувства патріотизма; Н. И. Хмѣльницкій взялся за дѣло поглубже, по серьёзнѣе—оттого, можетъ быть, его историческія пьесы невызываютъ неистовыхъ криковъ и руко-

плесканій публики, которую всегда легче поддѣть на эффектъ извѣстнаго рода; за то, напримѣръ, въ *«Царскомъ словѣ»* Хмѣльницкаго много ума и другихъ достоинствъ, такихъ, которыя не совсѣмъ по вкусу нашей публикѣ, *взлелѣянной* на разныхъ фарсахъ и всяческихъ издѣліяхъ новѣйшей драматической кухни. Весьма важное достоинство пьесъ Хмѣльницкаго то, что всѣ онѣ могутъ быть поставлены на сцену. Несовершенно драматическое произведеніе, если оно хорошо только въ чтеніи; этой мысли держался нашъ даровитый авторъ.

Преимущественно трудился Н. И. Хмѣльницкій на поприщѣ драматической литературы; другими родами литературы онъ занимался весьма мало. Въ 1-мъ томѣ «Ста литераторовъ» была помѣщена статья его: *«Мундиръ, поморскій разсказъ»* — въ этой статьѣ повѣсти собственно нѣтъ, но есть много вѣрно-схваченныхъ чертъ мѣстнаго быта, и самый анекдотъ весьма многознаменателенъ... Въ нѣкоторыхъ альманахахъ и повременныхъ изданіяхъ были помѣщены отрывки изъ *«Мячика»* Хмѣльницкаго; этотъ *«Мячикъ»* вещь довольно замысловатая, авторъ беретъ какое нибудь слово и вертитъ имъ, кидаетъ его, точно мячикъ,

Приведемъ открывокъ, который дастъ понятіе о «Мячикѣ» Хмѣльницкаго.

«Кто намъ съ руки, тотъ иногда жметъ намъ руку. Искусство жать дошло до совершенства, до крайности... Дотронуться-ли до плеча, слегка взять-ли за одинъ палецъ, за два, за три, или всею ладонью и потомъ какъ пожать руку: слабо, чувствительно или сильно?.. О, въ этомъ вся сила, это составляетъ цѣлую науку.»

«Есть *рука легкая*, дружеская; *тяжелая*, недоброжелательная; и кто не знаетъ, что *сильная рука—владыка*.»

«Сначала мнѣ казалось страннымъ, почему у насъ говорится: *дѣло въ шляпѣ*, когда всякое дѣло не столько зависитъ отъ шляпы, сколько отъ кармана. Сообразивъ, однакожъ, объемъ дѣлъ, изъ которыхъ ни одно *въ карманѣ неуляжется*,—выходитъ, что принятое выраженіе гораздо лучше и точнѣе. Эта поговорка, уложивъ дѣло въ шляпу и оставивъ васъ простоволосымъ, аллегорически намекаетъ вамъ о слѣдствіяхъ процессовъ, послѣ которыхъ дѣйствительно иногда *не чѣмъ прикрыть голову*.»

«Конечно, все можно растолковать въ *дурную сторону*; но гг. критики, нападая на прыжки моего мячика, не хотѣли замѣтить

его *нравственной стороны*, нравственныхъ направленій, а именно: шутя, остерегать, шутя, говорить правду...»

Неправда-ли, что «Мячикъ» Хмѣльницкаго не простая и безполезная игра словами?...

Въ 1843 году Н. И. Хмѣльницкій ѣздилъ въ чужіе края *для* поправленія здоровья; проѣхавъ почти всю Европу, онъ писалъ съ дороги письма къ роднымъ и друзьямъ. Нельзя не пожалѣть, что этихъ писемъ очень немного. Въ нихъ ярко высказывается оригинальный взглядъ автора на Европу; а это весьма важное достоинство нынче, когда всякой путешественникъ считаетъ непремѣннымъ долгомъ писать свои «*письма*» или «*замѣтки*», которыя всѣ такъ безцвѣтны, такъ похожи другъ на друга, или ни на что не похожи.

Въ бытность свою на службѣ директоромъ Канцеляріи С. Петербургскаго Военнаго Генералъ-губернатора Н. И. Хмѣльницкій составилъ и издалъ: «Руководство къ вѣдѣнію русскихъ законовъ.» Это былъ весьма важный трудъ въ то время, когда еще не существовало «Свода законовъ».

Заключимъ тѣмъ, что Н. И. Хмѣльницкій, не будучи конечно геніемъ (какъ требуетъ отъ всякаго смертнаго наша юная критика),

былъ, однако-же, литераторъ весьма замѣчательный; на всемъ, за что онъ только принимался лежитъ печать явнаго дарованія, а еще болѣе эстетическаго вкуса и многосторонней, современной образованности. Гомеры и Шекспиры родятся вѣками и нелѣпо мѣрить всякаго писателя на ихъ мѣрку; дай Богъ намъ побольше такихъ добросовѣстныхъ, скромныхъ и талантливыхъ дѣятелей, каковъ былъ Н. И. Хмѣльницкій; тогда далеко-бы двинулась наша сценическая литература.

Сергѣй Дуровъ.

—

ТАРТЮФЪ.

КОМЕДІЯ

МОЛЬЕРА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ.

Г-жа Пернель, мать Оргонта.
Оргонтъ.
Эльмира, жена его.
Дамисъ, } их дѣти.
Маріанна, }
Валеръ, женихъ Маріанны.
Клеантъ, братъ Эльмиры.
Тартюфъ.
Дорина, служанка Маріанны.
Флипота, служанка г-жи Пернель.
Г-нъ Лояль, сыщикъ.
Офицеръ.

Дѣйствіе въ Парижѣ, въ домѣ Оргонта.

ТАРТЮФЪ.

КОМЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ, ВЪ СТИХАХЪ,

МОЛЬЕРА.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

I.

Г-жа ПЕРНЕЛЬ, ЭЛЬМИРА, МАРІАННА, КЛЕАНТЪ, ДАМИСЪ, ДОРИНА И ФЛИПОТА.

—

Г-ЖА ПЕРНЕЛЬ, (*толкая Флипоту*).

Ну, собирайся же! мы выѣдемъ тотчасъ!

ЭЛЬМИРА.

Помилуйте! куда бѣжите вы отъ насъ?

Г-ЖА ПЕРНЕЛЬ.

Оставь, невѣстушка, мы разойдемся дружно —
И уговаривать меня совсѣмъ не нужно.

ЭЛЬМИРА.

Мы всѣ васъ, кажется, привыкли уважать,
Такъ отъ чего же вдругъ подняться и бѣжать?

Г-ЖА ПЕРНЕЛЬ.

Бѣгу, сударыня, я отъ житья плохаго.
Бѣгу за тѣмъ, что нѣтъ терпѣнья никакого,
Что надоѣли мнѣ соблазны и раздоръ,
Что всѣ противъ меня идутъ на перекоръ,
Что здѣсь не дѣйствуютъ намѣренья благія
И я должна молчать, когда кричатъ другія!

ДОРИНА.

Напротивъ.....

Г-ЖА ПЕРНЕЛЬ.

Боже мой! и эта на меня!
И кто-жъ, подумаешь? служанка, болтовня,
Оракулъ и душа семейнаго совѣта.

ДАМИСЪ.

Но вы.....

Г-ЖА ПЕРНЕЛЬ.

Племянничекъ, стыдись! въ твои бы лѣта
Служить, сударь, а ты баклуши только бьешь;
Къ несчастью, такова вся наша молодежъ;
Ввиду у нихъ долги; въ умѣ—одни наряды,
Въ ногахъ — танцмейстерство, а въ сердцѣ — маскерады!
Изъ этого всего какого ждать конца?...
Мнѣ жалко не тебя, но бѣднаго отца.

МАРІАННА.

Но онъ.....

Г-ЖА ПЕРНЕЛЬ.

И ты туда жъ, невинная овечка!
Ты также вымолвить изволила словечко?
Но этой скромности я вѣрю не всегда.....
Извѣстно, какова стоячая вода.

ЭЛЬМИРА.

Но, матушка.....

Г-ЖА ПЕРНЕЛЬ.

И ты, невѣстушка, ты тоже?
Но такъ кокетничать, скажи, на что похоже?
Покойная ихъ мать была не такова.
А ты... какой примѣръ? вся въ перьяхъ голова!
Ужасный шлейфъ мететъ на право и на лѣво,
И вся въ сіяніяхъ — какъ будто королева!
Мнѣ кажется, мужьямъ нѣтъ выгодъ никакихъ,
Чтобъ наряжалися ихъ жены — для другихъ.

КЛЕАНТЪ.

Но послѣ этого.....

Г-ЖА ПЕРНЕЛЬ.

Ну такъ оно и видно
Вы братецъ ей; но вамъ вступаться какъ не стыдно?
И если искренно позволите сказать,
Такъ васъ бы перваго не надо къ намъ пускать.
За тѣмъ, сударь, за тѣмъ, что ваши наставленья
Не наведутъ ее на путь душеспасенья.

ДАМИСЪ.

По этому Тартюфъ вамъ нравится одинъ?

Г-ЖА ПЕРНЕЛЬ.

О! это человѣкъ! Онъ чудо изъ мужчинъ.
Но умному всегда завидуетъ глупѣйшій —
И ты, сударь, и ты — злодѣй его первѣйшій!

ДАМИСЪ.

Но изъ чего жъ ему, скажите, волю дать:
Все находить дурнымъ и всѣхъ насъ осуждать?

И нынче самое невинное веселье
Намъ запрещается—святошѣ въ угожденье!

ДОРИНА.

Онъ, кажется, къ рукамъ насъ прибираетъ всѣхъ.
Что скажешь, что шагнешь — то слабость или грѣхъ!
Помилуйте, да что жъ онъ за такое чудо!

Г-ЖА ПЕРНЕЛЬ.

Тебѣ ли понимать, что хорошо, что худо.
Онъ указуетъ вамъ смиренія пути;
По человѣчеству онъ хочетъ васъ спасти!
Не спорю.... что его ученіе глубоко,
Таинственно; за то и мѣтитъ онъ высоко!

ДАМИСЪ.

Куда бъ не мѣтилъ онъ, но кажется пора
Его изобличить для общаго добра.
Объ немъ я самаго невыгоднаго мнѣнья;
Онъ всякій день меня выводитъ изъ терпѣнья.
И я, къ несчастію, предчувствую, что съ нимъ
Мы кончимъ чѣмъ нибудь рѣшительно дурнымъ.

ДОРИНА.

А кто причиною? — вашъ батюшка. Вольно жо
Такую волю дать. Да и на что похоже,
Чтобъ нищій, что нигдѣ пристроиться не могъ;
Что цѣлый вѣкъ почти таскался безъ сапогъ,
Вдругъ залетѣлъ сюда, заумничалъ ужасно
И всѣмъ распоряжать изволилъ самовластно.

Г-ЖА ПЕРНЕЛЬ.

Онъ поученіемъ искоряетъ зло,
Которое у васъ до крайности дошло.

ДОРИНА.

Но я на этотъ счетъ его не безпокою.
И вѣрно никогда не сдѣлаюсь ханжею.

Г—ЖА ПЕРНЕЛЬ.

Прошу!....

ДОРИНА.

По барину — слуга его Лоранъ:
Такой же лицемѣръ, ханжа и грубіянъ!

Г—ЖА ПЕРНЕЛЬ, (*показывая на Дорину*).

Быть можетъ, что слуга такая же скотина;
Но я за нравственность ручаюсь господина,
Онъ не любимъ за то, что правду говоритъ,
И виноватъ—зачѣмъ не хвалитъ, а бранитъ,
Зачѣмъ противъ грѣховъ себя вооружаетъ....
Но досаждая вамъ, онъ свыше угождаетъ?...

ДОРИНА.

Положимъ, что и такъ, но, напримѣръ, зачѣмъ
Онъ не совѣтуетъ знакомиться ни съ кѣмъ?
И если у него въ умѣ одно святое,
Зачѣмъ поглядывать изволитъ на земное?
Зачѣмъ противъ мужчинъ онъ такъ вооруженъ?
И право, кажется, онъ въ барыню влюбленъ.

Г—ЖА ПЕРНЕЛЬ.

Опомнись, грѣшница, я слушаю насилуй!
Его подозрѣвать.... Ахъ, Господи помилуй!
Да неужли жъ ему на встрѣчу къ тѣмъ бѣжать,
Которые сюда изволятъ пріѣзжать?
Что здѣсь за комитетъ визитнаго знакомства?
Какая въ этомъ цѣль и польза для потомства?
Зачѣмъ же этотъ съѣздъ и праздничные дни?
И гости ранніе и поздніе огни?

Зачѣмъ? — По глупости оно и вѣроятно,
Да говорятъ объ томъ, — и это непріятно.

КЛЕАНТЪ.

Оставьте критику на общій произволъ.
Я въ жизни бы большимъ несчастіемъ почелъ,
Когда-бъ тревожился пустыми клеветами
И долженъ былъ для нихъ пожертвовать друзь-
ями.
Да еслибы иной рѣшился и на то,
Повѣрьте, и тогда не замолчитъ никто.
Страсть ближнему вредить и будетъ и бывала,
Злорѣчье никогда не притупляетъ жала.
И такъ, не лучше ли, недумая объ немъ,
Жить по добру, какъ мы и жили и живемъ.

Г-ЖА ПЕРНЕЛЬ.

Слыхала, батюшка, я эти разсужденья,
Есть злые языки, безъ всякаго сомнѣнья;
Но госпожа Дорантъ особая статья.
Она отшельница, примѣрнаго житья,
И эта женщина въ спасительныхъ урокахъ
Находитъ, что совсѣмъ погрязли мы въ поро-
кахъ.

ЭЛЬМИРА.

Но госпожѣ Дорантъ насъ уличать нейдетъ.
Я знаю, что она пустынницей живетъ
И точно внутренно ей заниматься нужно
Съ тѣхъ поръ, какъ занимать перестаетъ нару-
жно.
Пока ей отроду не столько было лѣтъ,
Всѣ помнятъ, что она любила очень свѣтъ.
Когда-жъ ни одного не стало фаворита,

То забываетъ свѣтъ, которымъ позабыта.
И передъ зеркаломъ въ печальномъ сиротствѣ
Тоскуетъ о своемъ прошедшемъ торжествѣ.
И какъ увертливы поклонницы кокетства!
Когда имъ нравиться не остается средства,
А совѣсть говоритъ: «опомнись, не грѣши!»
То обращаются къ спасенію души.
И тутъ смиренія накинувъ покрывало,
Безъ всякой жалости бранятъ, что ни попало.
Не изъ того, чтобы желали намъ добра.
Нѣтъ, каждой нелюбо — за чѣмъ она стара.
Да кто же виноватъ — и мало ли что было,
Но время ихъ прошло, а наше наступило.

Г-ЖА ПЕРНЕЛЬ.

Мнѣ послѣ этаго осталось замолчать.
Но что же этимъ вы хотите доказать?
Не то-ли, что теперь остепенились нравы?..
Перекричали всѣхъ и думаютъ, что правы!
Но я, сударыня, еще вамъ повторю,
Что именно за то судьбу благодарю,
Что мужъ вашъ, а мой сынъ не моднаго фа-
сона,
Что господинъ Тартюфъ чудесная персона!
Что по дѣламъ его нельзя не уважать,
Что этакихъ людей со свѣчкой не сыскать,
Что онъ исправить насъ старается духовно,
Что слушаться его должны всѣ бсзусловно.
А ваши праздники и ваши вечера,
Въ которыхъ куча зла, ни на волосъ добра,
Суть силы дьявольской прямое навожденье!
Тутъ нѣтъ раскаянья, одно грѣхопаденье!

Нѣтъ пищи никакой для сердца и ума —
И это истинно холера и чума!
Тутъ все потеряно, на всѣхъ пошлюся въ этомъ.
И сыдъ, и набожность, и уваженье къ лѣтамъ.
Въ глаза и за глаза нѣтъ спуска никому,
Всѣ философствуютъ, не вѣрятъ ни чему,
И словомъ... Господи, прости мое сравненье!—
Здѣсь Вавилонское идетъ столпотворенье!
И къ стати ли, чтобъ кто рѣшился замолчать!
Нѣтъ, всѣ шумятъ, кричатъ, чтобъ всѣхъ пе-
рекричать!
Все выскажу — и вамъ ни чѣмъ не отыграться.
(*Примѣтя, что Клеантъ смѣется.*)
Ахъ, батюшка! ужъ вы изволите смѣяться!
Ищите дуръ, а я быть дурой не хочу!
(*Эльмирѣ.*)
А вы, сударыня... но лучше замолчу.
Что не досказано — останется за мною
И я рѣшительно впередъ къ вамъ ни ногою!
(*Флипотѣ.*)
Что-жъ ты стоишь! что ты задумалася, тварь?...
(*даетъ ей пощечину*).
И вотъ — суди меня и Богъ и государь!
Будь это не при нихъ, ужъ я тебѣ дала бы!...
(*Всѣ уходятъ за нею*).

—

II.

КЛЕАНТЪ, ДОРИНА.

КЛЕАНТЪ.

Куда дѣваться мнѣ отъ этой вздорной бабы?

ДОРИНА, (*оглядываясь*).

Опомнитесь, сударь, услышитъ — такъ бѣда!

КЛЕАНТЪ.

Намъ отъ нея и такъ нѣтъ спуску никогда.
А все Тартюфъ! онъ здѣсь во всемъ съ ней въ
половинѣ.

ДОРИНА.

Пусть съ матушкой, но что вы скажите объ
сынѣ?
Нашъ господинъ Оргонъ, казалось, былъ уменъ,
Лѣтъ сорокъ прослужилъ, не даромъ награжденъ,
Но только бѣсъ Тартюфъ въ несчастнаго все-
лился,
И этотъ человѣкъ совсѣмъ перемѣнился,
Да такъ, что не шутя, на эту сатану
Готовъ онъ промѣнять: мать, сына, дочь, жену.
Тартюфъ всѣхъ тайнъ его единственный хра-
нитель,
Онъ первый другъ его, наставникъ, попечитель;
Какъ пара голубковъ, они всегда вдвоемъ,
И вѣчно рядышкомъ воркуютъ кой о чемъ.
А что за нѣжности! и лучшему Линдору
Хоть бы съ любовницей своей—такъ будетъ въ
пору.
Онъ кормитъ за столомъ его изъ рукъ своихъ
И очень радъ, когда тотъ ѣстъ за шестерыхъ.

Чтобъ ни сказалъ Тартюфъ — прямое право-
словье!
Чихнетъ — ему поклонъ и общее здоровье.
Короче вамъ: Тартюфъ его обворожилъ,
Онъ бредитъ имъ и все ему препоручилъ.
Что не понравится Тартюфу — вѣрно худо,
И что не сдѣлаетъ Тартюфъ — конечно чудо!
А плутъ, подъ святостью, скрывая свой обманъ
И цѣль—чужимъ добромъ набить себѣ карманъ,
Богоугодными разбогатѣлъ дѣлами,
Всѣмъ домомъ завладѣлъ, повелѣваетъ нами,
И даже скотъ, его слуга, чтобъ не отстать
Отъ барина, насъ всѣхъ изволитъ поучать.
И какъ-то разъ въ своихъ таинственныхъ иде-
яхъ,
Найдя косыночку у насъ въ чите-минѣяхъ,
Съ ужаснымъ бѣшенствомъ ее всю изорвалъ...
И это потому, бездѣльникъ намъ сказалъ:
Что съ святостью такой косынку видѣть рядомъ
Такіе ужасы — что это пахнетъ адомъ!

—

III.

ТѢЖЕ, ЭЛЬМИРА, ДАМИСЪ.

ЭЛЬМИРА (*Клеанту*).

Тѣ сдѣлалъ хорошо, что насъ не проводилъ.
Намъ такъ досталося, что вытерпѣть нѣтъ силъ.
Но мужъ пріѣхалъ мой и я нашла причину
Уйти — а онъ пришелъ ко мнѣ на половину,
Я думаю. И такъ прощай. (*Уходитъ*).

КЛЕАНТЪ.

Да я бы самъ
Хотѣлъ съ нимъ видѣться.

ДАМИСЪ.

Нельзя ли будетъ вамъ,
Любезный дядюшка, при нынѣшнемъ свиданьи
Напомнить батюшкѣ о данномъ обѣщаньи?
Я столько же влюбленъ въ Валерову сестру,
Какъ онъ въ мою, и я съ отчаянья умру,
Когда.....

ДОРИНА.

Да полноте. Вотъ баринъ. — (*Дамисъ уходитъ*).

—

IV.

ОРГОНТЪ, КЛЕАНТЪ, ДОРИНА.

ОРГОНТЪ.

А!.... мой милый!
Здорово!

КЛЕАНТЪ.

Здравствуй, братъ! Что вздумалось, помилуй,
Тебѣ отправиться въ деревню на три дни?

ОРГОНТЪ.

Дорина! — (*Клеанту*) Ты меня, любезный, извини,
Что я испуганный предчувствіемъ вчерашнимъ,
Такъ сильно тороплюсь спровѣдать о домашнемъ.
(*Доринѣ.*)

Ну что-же... въ доброй-ли я воротился часъ?
Что дѣлается здѣсь? здоровы-ль всѣ у насъ?

ДОРИНА.

Ахъ! барыня безъ васъ два дни была больною:
Простудой, спазмами и болью головною.

ОРГОНЪ.

А что Тартюфъ?

ДОРИНА.

Тартюфъ? онъ и теперь таковъ:
Дороденъ и румянъ, и веселъ, и здоровъ.

ОРГОНЪ.

Бѣдняжка!

ДОРИНА.

Къ вечеру ее мы уложили;
Забыли ужинать, — на шагъ не отходили
И перетрусились совсѣмъ не безъ причинъ.

ОРГОНЪ.

А что Тартюфъ?

ДОРИНА.

Тартюфъ? онъ ужиналъ одинъ,
И такъ-какъ онъ всегда покушать любитъ сытно,
То ѣлъ смиренно онъ и очень аппетитно!

ОРГОНЪ.

Бѣдняжка?

ДОРИНА.

Мы ни чѣмъ ей не могли помочь,
То жаръ, то обморокъ, то спазмы—и всю ночь
Она промучилась. Мы дѣлать что не знали
И около больной всю ночь прохлопотали.

ОРГОНЪ.

А что Тартюфъ?

ДОРИНА.

Тартюфъ? не трудно отгадать:
Поужиналъ, ушелъ и завалился спать.
И въ теплой комнатѣ своей, по горло сытый,
До десяти часовъ онъ проспалъ, какъ убитый.

ОРГОНЪ.

Бѣдняжка!

ДОРИНА.

Доктора кой-какъ ей помогли
Лѣкарствами, и мы не раньше спать легли,
Какъ поутру, когда ей сдѣлалося лучше.

ОРГОНЪ.

А что Тартюфъ?

ДОРИНА.

Тартюфъ? толстѣетъ только пуще.
Но, впрочемъ, на него пожаловаться грѣхъ:
Онъ къ завтраку опять явился прежде всѣхъ.
Своей воздержности разсказывалъ примѣры
И выпилъ цѣлую бутылку лрей-мадеры.

ОРГОНЪ.

Бѣдняжка!

ДОРИНА.

Наконецъ, могу увѣрить васъ,
Что всѣ здоровы здѣсь — и барынѣ тотчасъ
Я доложу, сударь, о вашемъ возвращеньи
И какъ васъ радуетъ ея выздоровленье!

(*уходитъ*).

—

V.

ОРГОНТЪ, КЛЕАНТЪ.

КЛЕАНТЪ.

Охота заставлять смѣяться надъ собой,
И признаюсь, не съ тѣмъ, чтобъ ссориться съ тобой,
Я самъ отъ хохота крѣпился черезъ силу.
Гдѣ это видано? гдѣ слыхано, помилуй!...
Чортъ знаетъ, для кого все въ свѣтѣ позабыть
И за носъ дать себя торжественно водить!
И просто, чтобъ ханжа, какихъ здѣсь очень много
Довелъ тебя....

ОРГОНТЪ.

Постой, опомнись ради Бога!
Ты знаешь ли объ комъ ты судишь такъ легко?

КЛЕАНТЪ.

Положимъ, я его не знаю коротко, —
Да что-жъ ты въ немъ нашелъ чудеснаго такого?

ОРГОНТЪ.

Что въ немъ нашелъ?..... что нѣтъ подобнаго другаго!
Съ нимъ познакомившись, ты не растался бъ ввѣкъ.
Онъ человѣкъ, то есть.... чудесный человѣкъ!
Спасенье — цѣль его, покой — его стихія.
Онъ смотритъ, какъ на дрянь, на суеты мірскія.
За все, что видишь ты, обязанъ я ему:
Онъ учитъ не имѣть пристрастья ни къ чему,
И такъ онъ укрѣпилъ мнѣ душу превосходно....

Что смерть жены, друзей и всѣхъ, кого угодно,
Вотъ ни на эстолько меня не огорчитъ.

КЛЕАНТЪ.

Вотъ чувства! (*въ сторону*). Онъ меня и сердитъ,
и смѣшитъ!

ОРГОНТЪ.

Ты самъ его, мой другъ, полюбишь чрезвычайно!
Мы совершенно съ нимъ столкнулися случайно
Постомъ, когда говѣлъ я нынѣшней весной.
Лишь къ церкви подойду, а онъ передо мной.
Гдѣ стану я, и онъ прижмется тамъ у стѣнки,
Поклонится, вздохнетъ и станетъ на колѣнки.
А какъ молился онъ — такъ право чудеса!
Бывало, весь приходъ глядитъ ему въ глаза!
А у него вотъ такъ и вылетали стоны,
Я могъ зажмурившись считать его поклоны;
Когда-жъ служеніе, бывало, отойдетъ,
Онъ для меня всегда расталкивалъ народъ.
Слуга-жъ, во всемъ его былъ точный отпечатокъ.
Узнавши, что терпѣлъ онъ крайней недостатокъ,
Я подаяньемъ сталъ поддерживать его.
Однако-жъ никогда онъ не хотѣлъ всего,
Что я давалъ, а былъ доволенъ половиной...
И то, какъ говорилъ, изъ крайности единой!
Когда-жъ я черезъ чуръ, бывало, отсыпалъ,
То лишнее тотчасъ онъ нищимъ раздавалъ —
И наконецъ, съ тѣхъ поръ, какъ здѣсь онъ поселился,
Я чувствую, что я совсѣмъ переродился!
Какъ ближній родственникъ привязанъ онъ ко мнѣ!

Онъ даже объ моей заботится женѣ;
Все знаетъ: гдѣ и съ кѣмъ, и что она толкуетъ,
И изъ усердія къ ней всякаго ревнуетъ.
Намъ этотъ человѣкъ желаетъ столько благъ,
Что слово лишнее, улыбка, каждый шагъ —
Все кажется ему ужаснымъ прегрѣшеньемъ.
Напитанъ текстами, онъ дышетъ поученьемъ!
Твердитъ, что грѣшникамъ опомниться пора;
По добротѣ своей желаетъ всѣмъ добра.
Тщеславье, роскоши, богатство ненавидитъ
И наконецъ, таковъ — что мухи не обидитъ!

КЛЕАНТЪ.

Ну можно ли хвалить такъ наглаго ханжу?
Я послѣ этаго рѣшительно скажу,
Что похвала твоя похожа на безумство.

ОРГОНЪ.

А вашъ отвѣтъ, сударь, похожъ на вольнодумство,
Которымъ зараженъ ты былъ и будешь ввѣкъ.
Вотъ слѣдствія—и вотъ погибшій человѣкъ!
Мнѣ жаль, а ужъ тебѣ не сдобровать конечно.

КЛЕАНТЪ.

Подобные тебѣ такъ разсуждаютъ вѣчно.
Чтобъ имъ понравиться и подслужиться имъ,
Такъ просто надобно такимъ же быть слѣпымъ.
А кто невѣритъ вамъ и смотрятъ въ оба глаза,
Тотъ страшный изувѣръ и общества зараза!
По моему, сударь, будь къ ближнимъ меньше строгъ,
Да самъ-то исполняй свой христіанскій долгъ.
Вотъ это главное.—Я видѣлъ тьму примѣровъ,

И ложныхъ храбрецовъ, и хитрыхъ лицемѣ-
ровъ.
Но храбрость узнаютъ у насъ не по усамъ,
И въ томъ ли набожность, чтобъ бѣгать по
церквамъ?
Неужли различить такъ трудно лицемѣра
Съ тѣмъ, у кого въ душѣ есть истинная вѣра?
Неужли ты почтешь обоихъ ихъ равно?
И ложь, и истину ты примешь за одно?
На счетъ связей своихъ не будешь осторожнымъ?
Усердія души не различишь съ подложнымъ?
И дашь обманщику собою завладѣть?
Стыдись! и это все, пожалуйста, замѣть:
Тутъ много есть вещей довольно справедливыхъ.

ОРГОНЪ.

Блаженъ, кто на совѣтъ неидетъ нечестивыхъ!
Изъ злобы, зависти — невинность очернилъ
И думаетъ, что онъ чудесно поступилъ!
Ужъ разумѣется, куда же намъ за вами,
За философами съ такими головами!
Мы люди темные и ощупью бредемъ.

КЛЕАНТЪ.

Я хвастаться своимъ не думаю умомъ;
Но разсудительнымъ быть никогда не рано.
Я правду различать умѣю отъ обмана,
И признаюсь тебѣ, для сердца моего,
Прямая набожность почтеннѣе всего;
Но можно ли, скажи, оставить безъ упрека
Личину святости такого человѣка,
Котораго корысть влечетъ лишь къ алтарю?
Ты догадаешься, объ комъ я говорю:

Онъ сестрами своихъ поклонницъ называетъ,
А между тѣмъ сестеръ безбожно обираетъ,
Вредитъ ихъ совѣсти, и чести, и добру;
Живетъ пустынникомъ, и мѣтитъ ко двору.
Онъ, какъ торгашъ, своимъ пронырствуетъ мо-
леньемъ,
Гдѣ попросту, а гдѣ колѣнопреклоненьемъ.
Для выгоды своей все въ мірѣ предаетъ
И съ дерзкой наглостью идетъ себѣ впередъ.
Вотъ таковы, сударь, всѣ ваши лицемѣры.
Но кто дѣйствительно прямой поборникъ вѣры,
Того по дѣйствіямъ замѣтишь ты тотчасъ.
Онъ бѣгать по церквамъ не станетъ на показъ;
Не станетъ счастія искать — путемъ разврата;
Не раззоритъ сестры и не обидитъ брата;
Онъ врагъ клеветниковъ, онъ ненавистникъ зла
И посвящаетъ жизнь на добрыя дѣла!
Вотъ въ чемъ первѣйшія обязанности вѣры.
Вотъ люди! вотъ съ кого намъ надо брать при-
мѣры!
Твой другъ за образецъ ихъ не взялъ для себя!
Онъ сытъ, пристроился и счастливъ — что тебя
Съ ума свело его поддѣльное смиренье.

ОРГОНЪ.

Ну все ли?

КЛЕАНТЪ.

Все.

ОРГОНЪ. (*Уходя*).

Мое нижайшее почтенье!

КЛЕАНТЪ. (*Останавливая его*).

Постой! мнѣ главное хотѣлося узнать.

Скажи мнѣ, долго ли Валеру будетъ ждать?
Ты свадьбу ихъ сыграть сбирался очень скоро.

ОРГОНЪ.

Да.

КЛЕАНТЪ.

Нынче, помнится, назначенъ день сговора?

ОРГОНЪ.

Такъ точно.

КЛЕАНТЪ.

Неужли отложишь ты опять?

ОРГОНЪ.

Не знаю.

КЛЕАНТЪ.

Стало быть, ты хочешь отказать?

ОРГОНЪ.

Все можетъ быть.

КЛЕАНТЪ.

Ты далъ ему, однако-жъ, слово.

ОРГОНЪ.

Неспорю.

КЛЕАНТЪ.

Наконецъ, что-жъ сдѣлалъ онъ дурнаго,
Чтобъ мнѣнье доброе объ немъ перемѣнить?

ОРГОНЪ.

Конечно.

КЛЕАНТЪ.

Но къ чему-жъ со мною такъ хитрить?
Валеръ рѣшительно отвѣта ожидаетъ.

ОРГОНЪ.

Все въ волѣ Божіей. Онъ всѣмъ располагаетъ!
Прощай!

КЛЕАНТЪ.

Ну это все похоже на отказъ,
И я имъ помогать взялся не въ добрый часъ!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

I.

ОРГОНТЪ, МАРІАННА.

ОРГОНТЪ.

Сюда, мой другъ!

МАРІАННА.

Я здѣсь.

ОРГОНТЪ.

Такъ подожди-жъ покуда.

МАРІАННА. (*Оргонту, который заглядываетъ въ двери.*)

Чего-жъ вы ищете?

ОРГОНТЪ.

Смотрю, чтобы отсюда
Не вздумалъ кто нибудь подслушать нашъ секретъ,
Но, къ счастью, никого изъ любопытныхъ нѣтъ.
И такъ, мой другъ, теперь я все тебѣ открою.
Я, признаюсь, всегда доволенъ былъ тобою,
Ты скромница, тебя нельзя не полюбить.

МАРІАННА.

Какъ вашу похвалу мнѣ лестно заслужить!

ОРГОНТЪ.

И ты вполнѣ ее, конечно, заслужила;
Но для спасенія души не въ этомъ сила.

МАРІАННА.

Ахъ, батюшка! моя вся жизнь вамъ для услугъ.
Я рада сдѣлать все.

ОРГОНТЪ.

Прекрасно, милый другъ!
Такихъ, какъ ты, каковъ Тартюфъ — повѣрь, немного.
Вамъ въ рай прямёхонько назначена дорога!
Тартюфъ! ну что-жъ объ немъ изволишь мнѣ сказать!...

МАРІАННА.

Я все скажу.... что вамъ угодно приказать.

—

II.

ТѢЖЕ, ДОРИНА. *(Входитъ тихонько и становится за Оргонтомъ).*

ОРГОНТЪ.

Что-жъ лучше этаго! умно и превосходно!
Ты соглашаешься во всемъ, что мнѣ угодно,
А, стало быть, и въ томъ, что въ немъ достоинствъ тьма;
Что отъ Тартюфа всѣ должны быть безъ ума!
Что женихомъ такимъ гордиться надо
И выдти за него ты очень будешъ рада?

МАРІАННА.

Кто, я?

ОРГОНТЪ.

А что-жъ?

МАРІАННА.

Мнѣ кажется, что я
Ослышалась? женихъ?... Неужли нешутя
Сказали вы?...

ОРГОНТЪ.

Ну, да, сказалъ все то, что надо.

МАРІАННА.

И будто за него я выдти очень рада!

ОРГОНТЪ.

Ну, разумѣется.

МАРІАННА.

Да какъ же я могу?
Вы сами знаете, я никогда не лгу.

ОРГОНТЪ.

Вздоръ, вздоръ, сударыня! тутъ умничать не къ мѣсту...
Тартюфу обѣщалъ я отыскать невѣсту...

МАРІАННА.

Ахъ, батюшка! но вы...

ОРГОНТЪ.

Тутъ не объ чемъ вздыхать.
Онъ будетъ чудный мужъ, возлюбленный мой зять!
Ты отказать ему меня не приневолишь
И такъ... (*Увидя дорину*). А ты зачѣмъ? что дѣлать здѣсь изволишь?
Какъ вамъ покажется? — подкралася сюда
Подслушивать, объ чемъ толкуютъ господа!

ДОРИНА.

Да это всякаго заставитъ удивиться,
Что господинъ Тартюфъ сбирается жениться
На барышнѣ, объ чемъ идетъ здѣсь разговоръ:
Но я увѣрена, что это сущій вздоръ.

ОРГОНЪ.

А почему-жъ?

ДОРИНА.

За тѣмъ...

ОРГОНЪ.

Что завистъ васъ тревожитъ.

ДОРИНА.

Нѣтъ, просто потому, что это быть не можетъ.

ОРГОНЪ.

Такъ я вамъ докажу, что это можетъ быть,
И я...

ДОРИНА.

Ну полноте-жъ, пожалуйста, шутить!

ОРГОНЪ.

Я съ ней шучу, когда я самъ...

ДОРИНА.

Не можетъ статься!

ОРГОНЪ.

Но если я божусь...

ДОРИНА.

И полноте смѣяться!

ОРГОНЪ.

Ты слышишь ли, что я ужъ слово далъ ему!

ДОРИНА.

Не вѣрю.

ОРГОНТЪ.

Каково-жъ? Не вѣритъ ни чему!
Я чувствую, что тутъ добромъ не обойдется.
(Маріаннѣ)
Мой другъ,—она все лжетъ.

ДОРИНА.

Вашъ батюшка смѣется,
Не вѣрьте!

ОРГОНТЪ.

Слушай же! я, право, разсержусь.

ДОРИНА.

Ахъ, нѣтъ! и если такъ, я лучше соглашусь!
Но кто-жъ изъ васъ двоихъ останется въ по-
терѣ?
Что путнаго нашли вы въ этомъ лицемѣрѣ?
Да послѣ этаго васъ засмѣютъ вездѣ.
Гдѣ, скажутъ, видано...

ОРГОНТЪ.

Я знаю, что нигдѣ
Не видано, чтобъ такъ служанка отвѣчала,
Когда бы госпожа ее не баловала.

ДОРИНА.

Но надобно жъ и вамъ уняться отъ проказъ;
И что бы ни было, а я на этотъ разъ
Не замолчу, за тѣмъ, что совершенно права,
За тѣмъ, что ваша мнѣ всего дороже слава,
И барышнѣ моей конечно не бывать
За бѣднякомъ... кого...

ОРГОНТЪ.

Ты слышишь-ли, молчать?
Негодница! прошу какая вдругъ надмѣнность!

За бѣднякомъ!... Да что богатство? — просто
тлѣнность?
Въ Тартюфѣ нищета почтеннѣе всего;
Онъ просто не стяжалъ земнаго ничего
За тѣмъ, что никогда не думалъ о тѣлесномъ
И достоянія отыскивалъ въ небесномъ!
Завистники его съ пути не совратятъ,
И если бѣденъ зять, такъ тесть его богатъ.

ДОРИНА.

Кто жъ противъ этаго! пускай себѣ щечится!
Но дѣло въ томъ, что онъ въ мужья намъ не
годится.
Тартюфъ и барышня! да это день и ночь!
И вы отдать ему хотите вашу дочь?...
И увѣряете, что это кромѣ шутокъ?
Гдѣ жъ тутъ приличіе? Гдѣ жъ батюшкинъ
разсудокъ?
Помилуйте! кто дочь насильно выдаетъ,
Тотъ вѣрно ни о чемъ не думаетъ впередъ.
Вамъ надо хлопотать, сударь, объ добромъ
мужѣ.
Съ дурнымъ, она сама гораздо будетъ хуже.
И согласитеся: какой ей дастъ примѣръ
Въ похвальныхъ качествахъ ханжа и лицемѣръ?
Тутъ ровно ни за что ручаться не возможно.
Ну, можетъ ли она любить его какъ должно?
И если къ этому лукавый подстрекнетъ—
Богъ знаетъ, иногда, что въ голову войдетъ.
На васъ лежитъ отвѣтъ за всѣ ея пороки.

ОРГОНТЪ.

Ужъ не прикажешь ли брать у тебя уроки
Отцу?

ДОРИНА.

Не худо бы, особенно теперь.

ОРГОНТЪ (*Маріаннѣ*).

Ты этой болтовнѣ, пожалуйста, не вѣрь.
Положимъ, что тебя я обѣщалъ Валеру...
Но господинъ Валеръ повѣсоватъ не въ мѣру,
И онъ, какъ вообще вся наша молодежъ,
Шалунъ, и говорятъ, пускается въ картежъ.
А въ церквѣ я его не видывалъ ни раза.

ДОРИНА.

Но въ церковь ѣздитъ онъ совсѣмъ не для
показа.
И не для встрѣчь, такъ онъ за то и виноватъ,
Что не по вашему...

ОРГОНТЪ.

Съ тобой не говорятъ,
Ты слышишь ли? (*Маріаннѣ*). Что онъ шалунъ,
я вѣрно знаю;
Но тотъ, кого тебѣ я мужемъ назначаю,
Не занимается ничтожнымъ щегольствомъ:
Глядитъ отшельникомъ и дышитъ божествомъ!
Плодъ счастья твоего онъ сотворитъ сторицей.
Вы будете съ нимъ жить, какъ голубь съ го-
лубицей.
Ручаюсь, что сама полюбишь ты его
И можешь сдѣлать все изъ мужа своего.

ДОРИНА.

Однако-жъ, что черно, того не сдѣлать бѣлымъ
И ей не совладѣть съ ханжей закоренѣлымъ.

ОРГОНТЪ.

Послушай, наконецъ... тутъ что нибудь одно...
Мнѣ дерзости твои наскучили давно.

ДОРИНА.

Да что жъ въ усердіи моемъ, сударь, дурнаго?

ОРГОНТЪ.

Ты слышишь ли: молчать—и болѣе ни слова!
Тьфу, чортъ возьми! и такъ на силу я терплю!

ДОРИНА.

Да что жъ прикажсте, когда я васъ люблю?

ОРГОНТЪ.

Такъ этакъ-то?

ДОРИНА.

Да вы стараетеся сами,
Я думаю, чтобъ всѣ смѣялися надъ вами.

ОРГОНТЪ.

Такъ ты не замолчишь?

ДОРИНА.

За тѣмъ, что это стыдъ!
И это ужъ не я, а совѣсть говоритъ.

ОРГОНТЪ.

Тутъ треснетъ наконецъ послѣднее терпѣнье!

ДОРИНА.

А христіанское... забыли вы смиренье?

ОРГОНТЪ,

О Господи!.. Но я ужъ больше не шучу;
Я требую, чтобъ ты молчала.

ДОРИНА.

Я молчу.

ОРГОНТЪ.

Негодница! давно бъ за умъ приняться должно.

ДОРИНА.

Но если говорить нельзя, такъ думать можно.

ОРГОНТЪ, *(Доринѣ)*.

Смотри-жъ! *(дочери)*. Для скромницы, мой другъ, большое зло
Примѣры вѣтренницъ!

ДОРИНА, *(про себя)*.

А право тяжело
Молчать!

ОРГОНТЪ, *(Маріаннѣ)*.

Но ты на нихъ, по счастью, не похожа:
И чѣмъ не молодецъ Тартюфъ?

ДОРИНА, *(про себя)*.

Ахъ, что за рожа!

ОРГОНТЪ.

Не правда ли... онъ всѣхъ собой обворожитъ!

ДОРИНА.

И вѣрно барышню съ печали уморитъ!

(Оргонтъ, сложа руки, становится противъ Дорины, смотритъ ей въ глаза и слушаетъ, — она продолжаетъ).

Нѣтъ, если бы меня мужчина не спросился
И какъ на барышнѣ, насильно бы женился.
Такъ я бы молодца отдѣлала путемъ,
Кому понравится Тартюфъ? и чортъ ли въ немъ!

ОРГОНТЪ.

По этому все вздоръ, что я не запрещаю?

ДОРИНА.

Вотъ это хорошо! Я развѣ вамъ мѣшаю?

ОРГОНТЪ.

Да съ кѣмъ ты говоришь, змѣя?

ДОРИНА.

Сама съ собой.

ОРГОНТЪ.

Такъ я раздѣлаюсь, голубушка, съ тобой!
Пощечиной!

(*Оргонтъ приготовляясь дать пощечину, при всякомъ словѣ, сказанномъ Маріаннѣ, поглядываетъ на Дорину*).

Мой другъ, окончимъ начатое
Съ благимъ намѣреньемъ.... все будетъ.... во благое...
Вы оба станете меня благодарить!

(*Доринѣ*).

Что-жъ ты молчишь?

ДОРИНА.

Объ чемъ мнѣ съ вами говорить?

ОРГОНТЪ.

Да хоть словечко бы.

ДОРИНА.

Нехочется.

ОРГОНТЪ.

Напрасно!

ДОРИНА.

Не безпокойтеся!

ОРГОНТЪ.

Ужъ я бы далъ! (*Маріаннѣ.*)
Тутъ ясно,
Мой другъ, что надобно готовиться къ вѣнцу.
Ты знаешь, какъ грѣшно противиться отцу,
Который дѣйствуетъ къ семейственному благу,
И выбралъ для тебя...

ДОРИНА.

Какого-то бродягу!

ОРГОНТЪ, (*Размахивается дать Доринѣ пощечину, она отбѣгаетъ.*)

Такъ вотъ!... я никогда такъ не былъ разбѣшонъ!
А ты, негодница!.. сію минуту вонъ
Изъ дома моего!—Вся кровь моя въ волненьи
И христіанское я потерялъ терпѣнье!
(*Маріаннѣ*).
Прощай, мой другъ! нѣтъ силъ, мнѣ надобенъ покой.
И мы наединѣ поговоримъ съ тобой. (*уходитъ.*)

—

III.

МАРІАННА, ДОРИНА.

ДОРИНА.

Помилуйте! ну что-жъ вы онѣмѣли, что-ли.
Нельзя же вмѣсто васъ играть мнѣ вашей роли.

Когда васъ выдаютъ чортъ знаетъ за кого,
Вы будете молчать и больше ничего!

МАРІАННА.

Я столько къ батюшкѣ имѣю уваженья.

ДОРИНА.

Да надо-жъ вывести его изъ заблужденья.

МАРІАННА.

Я очень рада бы... да я не знаю какъ?

ДОРИНА

Сказать: что съ батюшкой вашъ вкусъ не одинакъ,
Что чувства и глаза имѣете вы сами,
Что мужу надо жить не съ батюшкой, а съ вами,
Что люди сходятся, другъ друга полюбя,
Что мужа вы имѣть хотите для себя,
И если батюшка въ Тартюфа такъ влюбился...
Такъ пусть бы лучше самъ на немъ онъ и женился!

МАРІАННА.

Ты судишь по себѣ, но я не такъ смѣла,
Чтобъ явно батюшку ослушаться могла.

ДОРИНА.

И будто хорошо? Всему должна быть мѣра.
Скажите-жъ: не шутя вы любите Валера?

МАРІАННА.

Дорина! можешь ли ты спрашивать о томъ?
Я, кажется, тебѣ призналася во всемъ.
Валера даже я при батюшкѣ хвалила
И въ жизни никого я больше не любила.

ДОРИНА.

Но, можетъ быть, вы мнѣ не скажите всего....
Любить и разлюбить нѣтъ легче ничего.

МАРІАННА.

Ахъ, нѣтъ! кто нравится, такъ это очень видно
И подозрѣніе твое мнѣ страхъ обидно!

ДОРИНА.

И такъ вы любите его?

МАРІАННА.

Божусь.

ДОРИНА.

А онъ?..
Ужъ разумѣется, онъ также въ васъ влюбленъ?

МАРІАННА.

Я думаю.

ДОРИНА.

И вамъ всего теперь нужнѣе
Сойтись между собой.

МАРІАННА

Какъ можно поскорѣе!

ДОРИНА.

А еслибъ этому хотѣли помѣшать?

МАРІАННА.

Тогда...

ДОРИНА.

И вздумаютъ съ другимъ васъ обвѣнчать?

МАРІАННА.

Ахъ! я умру, когда другаго нѣтъ спасенья

ДОРИНА.

О! это средство вамъ поможетъ безъ сомнѣнья.

Ужъ точно батюшка не много тутъ возьметъ;
Вамъ стоитъ умереть, чтобъ выдти изъ хлопотъ.
Прекрасно!

МАРІАННА.

Неужли-жъ во всемъ ему открыться?

ДОРИНА.

Кто любитъ не шутя, такъ тотъ не побоится.

МАРІАННА.

Я больше всѣхъ люблю и рада вѣкъ любить...
Но не самой же мнѣ объ этомъ говорить.
Ахъ, стыдъ!

ДОРИНА.

Конечно.

МАРІАННА.

Что бъ тогда заговорили?

ДОРИНА.

Ужъ разумѣется, вы славно разсудили.
Зачѣмъ противиться, и съ Богомъ—почему-жъ?..
Тартюфъ, я думаю, прекрасный будетъ мужъ.
Васъ отговаривать не вижу я причины;
Онъ также сотворенъ, какъ прочіе мужчины,
И если нравится онъ батюшкѣ и вамъ,
Такъ стоитъ поскорѣй ударить по рукамъ.

МАРІАННА.

Ахъ, Боже мой!

ДОРИНА.

Его достоинство извѣстно...
И госпожей Тартюфъ быть чрезвычайно лестно.

МАРІАННА.

Ахъ, пощади! но чтобъ бѣду предупредить,
Ты не откажешься намъ вѣрно пособить?

ДОРИНА.

Вы ошибаетесь.

МАРІАННА.

Любезная Дорина!

ДОРИНА.

Нѣтъ, это кончено.

МАРІАННА.

Мой другъ! что-жъ за причина
Сердиться?

ДОРИНА.

Хорошо.

МАРІАННА.

Да ты погубишь насъ.

ДОРИНА.

Нѣтъ, я рѣшилася путемъ прошколить васъ.

МАРІАННА.

Да сжалься!

ДОРИНА.

Ни за что!

МАРІАННА.

Но этакъ ужъ не шутятъ!
И неужли-жъ Тартюфъ...

ДОРИНА.

Пускай васъ отартюфятъ!

МАРІАННА.

Ахъ, Боже мой! И такъ, когда надежды нѣтъ...
Отчаянье мнѣ дастъ рѣшительный совѣтъ,
И тотъ, кто жалости нисколько не имѣетъ—
И тотъ несчастную, конечно, пожалѣетъ.

(Хочетъ уйти).

ДОРИНА, (*останавливая ее*).

Ну, ну, ужъ такъ и быть! Извольте, я мирюсь
И съ радостью помочь обоимъ вамъ берусь.

МАРІАННА.

Какъ ты мила! теперь мнѣ какъ-то веселѣе,
И браво, кажется, я сдѣлалась смѣлѣе!

ДОРИНА.

И дѣло. Между тѣмъ, въ счастливый этотъ мигъ
Вотъ настоящій къ намъ является женихъ.

IV.

ТѢЖЕ, ВАЛЕРЪ.

ВАЛЕРЪ.

А я къ вамъ съ новостью ужасно неиріятной,
Но, къ сожалѣнію, довольно вѣроятной.

МАРІАННА.

Съ какою же?

ВАЛЕРЪ.

Не знаю, правда-ль... я узналъ,
Что женится на васъ Тартюфъ?

МАРІАННА.

Кто-жъ ожидалъ,
Чтобъ батюшка опять все передумалъ снова.

ВАЛЕРЪ.

И батюшка?..

МАРІАННА.

Велитъ мнѣ выдти за другаго.

ВАЛЕРЪ.

Все батюшка!... а вы согласны или нѣтъ?

МАРІАННА.

Не знаю.

ВАЛЕРЪ.

Признаюсь, мнѣ нравится отвѣтъ.
Такъ вы не знаете?

МАРІАННА.

Но вдругъ самой рѣшиться...

ВАЛЕРЪ.

Я вамъ совѣтую на это согласиться.

МАРІАННА.

И это вашъ совѣтъ безъ шутокъ?

ВАЛЕРЪ.

Боже мой!
Что-жъ дѣлать, если вамъ понравился другой!

МАРІАННА.

Я послѣ этого совѣтъ вашъ принимаю.

ВАЛЕРЪ.

И съ удовольствіемъ, за это отвѣчаю.

МАРІАННА.

Съ такимъ же... какъ его угодно было дать.

ВАЛЕРЪ.

Я счастью вашему не думаю мѣшать.

МАРІАННА.

О! съ вашей стороны поступлено прекрасно!

ДОРИНА, (*отходя вдаль театра.*)

Дождусь конца.

ВАЛЕРЪ.

Теперь притворство ваше ясно.
Вы никогда меня не думали любить.

МАРІАННА.

Объ этомъ ужъ теперь нестоитъ говорить.
И если столько я была любима вами,
Что отъ меня могли вы отказаться сами,
Такъ вамъ до чувствъ моихъ и надобности нѣтъ,
И остается мнѣ—исполнить вашъ совѣтъ.

ВАЛЕРЪ.

Помилуйте! къ чему пустое оправданье?
Нѣтъ, ваше личное тутъ дѣйствуетъ желанье,
И я охотно васъ избавлю отъ хлопотъ,
Чтобъ дать невѣрности приличный оборотъ.

МАРІАННА.

Какъ вы догадливы.

ВАЛЕРЪ.

Я просто былъ обманутъ;
Но болѣе меня обманывать не станутъ.

МАРІАННА.

Такъ вы обманщицей считаете меня?

ВАЛЕРЪ.

И въ правѣ, кажется, во всемъ васъ обвиня!
Но вы не думайте смѣяться надо мною,
И я надѣюся быть счастливымъ съ другою.

МАРІАННА.

Не мудрено... и вы превыгодный женихъ.

ВАЛЕРЪ.

Оставьте выгоды: тутъ дѣло не объ нихъ.
Конечно... вашихъ я достоинствъ не имѣю,
Но я цѣнить себя, сударыня, умѣю.

МАРІАННА.

И очень хорошо.

ВАЛЕРЪ.

И скоро, можетъ быть,
Успѣю вашу я невѣрность позабыть.

МАРІАННА.

О! въ этомъ, кажется, не будетъ затрудненья:
Вы для себя тотчасъ найдете развлеченья.

ВАЛЕРЪ.

Но я, сударыня, былъ слишкомъ бы смѣшонъ,
Когда бъ по прежнему казался въ васъ влю-
блёнъ,
И видѣвши къ себѣ такую перемѣну,
Не сталъ бы вамъ платить измѣной за измѣну!

МАРІАННА.

Не иначе!... я вамъ, раставшися со мной,
Совѣтую тотчасъ жениться на другой.

ВАЛЕРЪ.

Вы позволяете?

МАРІАННА.

Охотно.

ВАЛЕРЪ.

Очень вѣрю.
Но, къ счастью, сдѣлалъ я неважную потерю.
(*Хочетъ уйти*).

МАРІАННА.

Я то же думаю.

ВАЛЕРЪ, (*возвращаясь.*)

Я то же очень радъ....
Но помните, что я ни въ чемъ не виноватъ.

МАРІАННА.

Конечно.

ВАЛЕРЪ.

Что любви моей была награда:
Измѣна, колкости, презрѣнье....

МАРІАННА.

Очень рада.

ВАЛЕРЪ.

Что это дѣлаю я... именно для васъ.

МАРІАННА.

Какъ жаль!

ВАЛЕРЪ.

И говорю въ послѣдній съ вами разъ.

МАРІАННА.

Ахъ, Боже мой!

ВАЛЕРЪ, (*уходя*).

Что въ васъ нѣтъ чувства никакого....
Вы что-то, кажется, сказали мнѣ?

МАРІАННА.

Ни слова!

ВАЛЕРЪ.

Прощайте-жъ! Стало быть, нашъ конченъ разговоръ?

МАРІАННА.

Прощайте.

ДОРИНА, (*подбѣгая.*)

Полноте—ребячество и вздоръ!
Ну, если-бъ не было меня на эту пору,
Такъ вы бы завели не шуточную ссору.
Эй! господинъ Валеръ!

ВАЛЕРЪ, *(съ притворнымъ принужденіемъ.)*

Пожалуйста, оставь!

ДОРИНА.

Да воротитесь же!

ВАЛЕРЪ.

Довольно, что я правъ,
И съ радостью спѣшу ея исполнить волю.

ДОРИНА, *(удерживая Валера.)*

Постойте!

ВАЛЕРЪ.

Я себя дурачить не позволю.

ДОРИНА.

И дѣло.

МАРІАННА.

Онъ ко мнѣ не хочетъ подойти.
Такъ послѣ этаго смѣшно жъ мнѣ не уйти.

ДОРИНА, *(бѣжитъ за Маріанной).*

А вы куда?

МАРІАННА.

Ахъ, нѣтъ!... пусти!

ДОРИНА.

Нѣтъ, извините!
Теперь вы отъ меня никакъ не убѣжите.

ВАЛЕРЪ.

Но если кромѣ ссоръ нѣтъ ничего въ виду.
Такъ послѣ этаго я лучше самъ уйду.

ДОРИНА, *бѣжитъ за Валеромъ).*

Опять! Ахъ, Боже мой! но васъ зоветъ невѣста.

А васъ женихъ. Сюда — и слышите: ни съ мѣста!
(*Беретъ обоихъ за руки и становитъ посреди театра*).

ВАЛЕРЪ.

Чего жъ ты требуешь?

МАРІАННА.

Объ чемъ тутъ говорить?

ДОРИНА.

Я просто васъ хочу скорѣе помирить.
(*Валеру.*)
Не глупо-ли?... за что поссорились вы съ нею?

ВАЛЕРЪ.

Неужли-жъ я причинъ на это не имѣю?

ДОРИНА, (*Маріаннѣ.*)

Не глупо ли! за что сердиться на него?

МАРІАННА.

Я въ жизни не была такъ зла ни на кого.

ДОРИНА.

Все вздоръ и шалости! (*Валеру*). Уймитесь, какъ не стыдно!
Что вы ей нравитесь, такъ это очень видно.
(*Маріаннѣ*).
Я головою вамъ ручаюся, что онъ,
Хоть сердится, а въ васъ по прежнему влюбленъ.

МАРІАННА.

Къ чему жъ совѣтовать мнѣ выдти за другаго?

ВАЛЕРЪ.

Къ чему жъ мнѣ выставлять соперника такого?

МАРІАННА.

Вы этотъ первые мнѣ подали совѣтъ.

ВАЛЕРЪ.

Но этому виной не вашъ ли былъ отвѣтъ.

ДОРИНА.

Помилуйте! когда-жъ мы кончимъ ссору нашу?
(Беретъ Валера за руку).

Ну, поскорѣй.

ВАЛЕРЪ, *(Подавая руку).*

Къ чему....

ДОРИНА, *(Маріаннѣ).*

Пожалуйте мнѣ вашу!

МАРІАННА.

Зачѣмъ?

ДОРИНА. *(сводя ихъ вмѣстѣ).*

Вотъ этакъ-то—ну право вы смѣшны!
И оба по уши другъ въ друга влюблены.
(Валеръ и Маріанна держатъ другъ друга за руку, ни говоря ни слова).

МАРІАННА.

Ну, что жъ?

ВАЛЕРЪ.

Я жду, но вы нарочно все молчите
И на меня взглянуть ни разу не хотите.

ДОРИНА.

Ахъ! эта молодежъ замучила меня!

ВАЛЕРЪ.

Вы согласитеся, что виноватъ не я.

МАРІАННА, *(улыбаясь).*

Вы вѣрно завести опять хотите ссору?

ДОРИНА.

Нѣтъ, нѣтъ, и ссориться прошу въ другую пору,
А не теперь, когда бѣда надъ головой.

МАРІАННА.

Намъ стоитъ ввѣриться Доринѣ дорогой!

ДОРИНА.

О! я перехитрить Тартюфа очень рада!
(*Маріаннѣ*). (*Валеру*).
Вашъ батюшка шалитъ — и унывать не надо.
(*Маріаннѣ*).
Но, между тѣмъ, пока мы дѣйствовать начнемъ,
Прикиньтесь, будто вы согласны съ нимъ во всемъ.
Чтобъ въ случаѣ, когда онъ слишкомъ разхрабрится,
Ловчѣе было бъ вамъ просить неторопиться.
А время... оборотъ даетъ всему другой:
То дней на нѣсколько вы скажетесь больной;
То пустятся хворать, пожалуй, всѣ родные,
То явятся у васъ предчувствія дурныя,
То васъ нечаянно перепугаетъ сонъ,
То пиковая масть, то встрѣча похоронъ,
И прочее. А тамъ ужъ чтобъ ни толковали
Намъ нужно главное, чтобъ васъ не обвѣнчали.
Но мы рѣшительно, однако-жъ, пропадемъ,
Когда васъ батюшка застанетъ здѣсь вдвоемъ.
(*Валеру*.)
И такъ, сударь, прошу убраться поскорѣе;
Не выдавайте насъ и дѣйствуйте смѣлѣе!
(*Маріаннѣ*.)
А мы, чтобъ батюшка немножко поутихъ,

Заставимъ хлопотать объ этомъ всѣхъ родныхъ.
(*Валеру.*)
Прощайте-жъ.

ВАЛЕРЪ.

За успѣхъ я вамъ не отвѣчаю...
Но я на васъ однѣхъ надежду полагаю.

МАРІАННА.

Пускай преслѣдуютъ и разлучаютъ насъ;
Но я ни за кого не выйду, кромѣ васъ!

ВАЛЕРЪ.

Теперь я ничего не побоюсь конечно!

ДОРИНА.

И кажется болтать вы не уйметесь вѣчно!
Ступайте-жъ!

ВАЛЕРЪ.

Я иду.

ДОРИНА, (*разводя ихъ въ разныя стороны*).

Скорѣе, Боже мой!
Вы въ вашу комнату, а вы себѣ домой.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

I.

ДОРИНА, ДАМИСЪ.

ДАМИСЪ.

Скорѣй отцовскую я позабуду волю,
Скорѣй бездѣльникомъ назвать себя позволю,

Чѣмъ я пожертвовать сестрою допущу
И въ бѣшенствѣ моемъ Тартюфу не отмщу.

ДОРИНА.

Помилуйте! къ чему отчаянье такое?
Проказы батюшки несчастье не большое.
Отъ слова, говорятъ, до дѣла далеко —
И горю пособить, мнѣ кажется, легко.

ДАМИСЪ.

Но плутъ Тартюфъ меня выводитъ изъ терпѣнья
И съ нимъ не кончится у насъ безъ объясненья.

ДОРИНА.

Вотъ это именно я запрещаю вамъ.
Повѣрьте, барыня скорѣй поможетъ намъ,
Какъ дѣйствовать, она обдумала прекрасно;
Тартюфъ любезничать изволитъ съ ней ужасно
И кажется, что къ намъ неравнодушенъ онъ.
Ахъ! еслибъ подлинно онъ былъ въ нее влюбленъ!..
Тогда бъ все кончено; а чтобъ за васъ вступиться,
Она рѣшилася сейчасъ съ нимъ объясниться.
Сказать ему, что есть у насъ другой женихъ,
Что этимъ разсердить онъ можетъ всѣхъ родныхъ
И что никто его жениться не неволитъ.
Теперь, вотъ видите, молиться онъ изволитъ,
А мнѣ приказано его здѣсь подождать;
Вамъ лучше бы уйти, чтобъ намъ не помѣшать.

ДАМИСЪ.

Нѣтъ, я свиданія не пропущу такого.

ДОРИНА.

Вы все испортите.

ДАМИСЪ.

Я не скажу ни слова.

ДОРИНА.

Нѣтъ, вы на этотъ счетъ рѣшительный злодѣй.
Вотъ онъ!... Ахъ, Боже мой! уйдите жъ поскорѣй.

(Дамисъ прячется въ боковой кабинетъ).

—

II.

ТАРТЮФЪ, ДОРИНА.

ТАРТЮФЪ, *(Увидя Дорину, оборачивается къ своей двери и говоритъ слугѣ).*

Лоранъ! молись, душѣ и тѣлу во спасенье,
Да просвѣтитъ тебя благое Провидѣнье!
А если кто придетъ ко мнѣ—скажи тому,
Что я ко братіямъ отправился въ тюрьму,
Чтобъ христіанское имъ сдѣлать увѣщанье
И съ ними раздѣлить мірское подаянье.

ДОРИНА, *(всторону).*

Каковъ штукарь?

ТАРТЮФЪ.

Зачѣмъ я вызванъ?—объяснись.

ДОРИНА, (*подходя*).

Сказать...

ТАРТЮФЪ.

Пожалуйста, сперва отворотись!

ДОРИНА.

Отъ васъ?

ТАРТЮФЪ.

Не поражай меня одеждой этой!

ДОРИНА.

Вотъ новое!...

ТАРТЮФЪ.

Придти ко мнѣ полураздѣтой...
О, Боже мой!

ДОРИНА.

Да чѣмъ мой страшенъ такъ нарядъ?

ТАРТЮФЪ.

Имъ оскорбляется благочистивый взглядъ!
Въ олеждѣ этой нѣтъ ни страха, ни смиренья,
И чувствуешь одни дурныя помышленья.

ДОРИНА.

Нельзя же съ головы до ногъ закутать насъ.
Я въ этомъ случаѣ, однако-жъ, тверже васъ:
Вы можете себѣ одѣться, какъ хотите,
А ужъ меня собой никакъ не соблазните.

ТАРТЮФЪ.

Нельзя ли ускромнить со мною твой языкъ!
И вольностей такихъ я слушать непривыкъ:

ДОРИНА.

Вольно же начинать? вы виноваты сами;
Но барыня моя имѣетъ нужду съ вами

Поговорить, и мнѣ поручено сказать,
Чтобъ вы изволили ее здѣсь подождать.

ТАРТЮФЪ.

Ахъ! съ радостью.

ДОРИНА, (*всторону.*)

Съ какимъ онъ радуется жаромъ...
О! я увѣрена, что это ужъ не даромъ.

ТАРТЮФЪ.

Когда жъ придетъ она?

ДОРИНА, (*всторону.*)

Я думаю, сейчасъ;
У ней есть надобность секретная до васъ;
Но вотъ и барыня. Теперь я честь имѣю
Откланяться, чтобъ васъ оставить вмѣстѣ съ нею.

(*уходитъ*).

III.

ТАРТЮФЪ, ЭЛЬМИРА.

ТАРТЮФЪ.

Незнаю, чѣмъ и какъ судьбу благодарить
За счастье видѣть васъ и съ вами говорить.
И, наконецъ, за то, что съ полнымъ восхищеньемъ!
Могу прoздравить васъ съ благимъ выздоровленьемъ!

ЭЛЬМИРА.

За это я должна быть благодарной вамъ;
Но сидя, говорить ловчѣе будетъ намъ.

ТАРТЮФЪ, (*подавая стулъ*).

Теперь примѣтно вы становитесь покрѣпче,

ЭЛЬМИРА, (*сидя*).

Да, слава Богу! мнѣ теперь гораздо легче.

ТАРТЮФЪ, (*сидя*).

Какъ грѣшникъ, я никакъ себя не обольщалъ,
Чтобы Господь мою молитву услыхалъ;
Но я Всевышнему молился ежедневно:
Да укрѣпитъ Онъ васъ тѣлесно и душевно.

ЭЛЬМИРА.

Вы такъ заботились... Богъ знаетъ изъ чего?

ТАРТЮФЪ.

Здоровье ваше мнѣ безцѣннѣе всего!
Я даже своего для васъ не пожалѣю.

ЭЛЬМИРА.

Какъ васъ благодарить, я право не умѣю;
Но это вамъ внушилъ... вашъ христіанскій долгъ.

ТАРТЮФЪ.

И преданность моя, и чувствъ моихъ восторгъ!

ЭЛЬМИРА.

А мнѣ поговорить серьезно съ вами надо,
Пока мы здѣсь одни... чѣму я очень рада.

ТАРТЮФЪ.

Я такъ же умолялъ Всевышняго о томъ,
Чтобы почаще намъ бесѣдовать вдвоемъ.
Соизволеніе судьбы довольно ясно...
И кажется, что я молился не напрасно!

ЭЛЬМИРА.

Вамъ одолжить меня нѣтъ трудности большой;
Я только васъ прошу быть искреннимъ со мной.
(Дамисъ отворяетъ немного дверь и подслушиваетъ.)

ТАРТЮФЪ.

Я самъ желаніемъ горю благословеннымъ
При этомъ случаѣ быть съ вами откровеннымъ,
И я клянуся вамъ, что мой всегдашній страхъ,
Васъ видѣть всякій день съ гостями и въ гостяхъ,
И прочія мои на это замѣчанья,
Всегда рождалися отъ добраго желанья
Васъ остеречь...

ЭЛЬМИРА.

Тутъ нѣтъ дурнаго ничего;
Спасенье ближняго дороже вамъ всего.

ТАРТЮФЪ, *(беретъ Эльмиру за руку.)*

Да охранитъ Онъ васъ... щедротой милосердья!

ЭЛЬМИРА.

Вы жмете руку мнѣ...

ТАРТЮФЪ.

Ахъ! это отъ усердья...
Но я дотронуться осмѣлился слегка,
Клянуся честію! *(кладетъ руку на колѣна Эльмиры.)*

ЭЛЬМИРА.

Къ чему-же тутъ рука?

ТАРТЮФЪ.

Какой атласъ! и какъ судьба его счастлива!

ЭЛЬМИРА, *(отодвигаясь.)*

Не трогайте меня: я очень щекотлива.

ТАРТЮФЪ.

Какъ ваша убрана прелестно голова!

Какъ эти хороши и нѣжны кружева!
У насъ годъ отъ году искусства процвѣтаютъ.

ЭЛЬМИРА.

Конечно. Между тѣмъ, пока намъ не мѣшаютъ,
Скажите, неужли мнѣ правду говорятъ,
Что вашу набожность осмѣивать хотятъ
И руку дочери мой мужъ вамъ предлагаетъ?

ТАРТЮФЪ.

Супругъ вашъ этого дѣйствительно желаетъ;
Но это все... таковъ судьбы моей уставъ —
Не то, чѣмъ восхищенъ тѣлесный мой составъ!
Къ несчастію... влюбленъ я въ существо другое.

ЭЛЬМИРА.

И это существо ужъ вѣрно не земное?

ТАРТЮФЪ.

Напротивъ, но за то божественно оно!

ЭЛЬМИРА.

Я думала, что вамъ лишь нравится одно
Небесное?

ТАРТЮФЪ.

Хоть я и восхищенъ небеснымъ,
Но слабости влекутъ насъ къ прелестямъ тѣлеснымъ!
И можно-ль грѣшникамъ не услаждать сердца
Наичудеснѣйшимъ созданіемъ Творца?
Той прелестью, ни съ чѣмъ въ природѣ несравненной,
И въ васъ, по моему, всѣхъ болѣ совершенной,
Всѣхъ болѣ видимой, и даже, наконецъ,
Наисладчайшею для взоровъ и сердецъ!

Той прелестью, чѣмъ все приведено въ движенье,
Чѣмъ удивляются Творцу въ его твореньѣ!
Сначала, признаюсь, имѣлъ въ душѣ я страхъ,
Не соблазняетъ ли меня нечистый врагъ,
Не есть ли страсть моя хитросплетенье ада
И ко спасенію мнѣ вѣчная преграда?..,
Но я постигъ потомъ... О чудо изо всѣхъ!—
Что васъ боготворить по истинѣ не грѣхъ,
Что ближняго любить я почитаю долгомъ
И, стало быть, влекусь единственнымъ восторгомъ!
Конечно, можетъ быть, нѣтъ дерзче ничего,
Какъ смѣть вамъ предложить даръ сердца моего,
Взаимной склонности предполагать возможность...
И съ вашей прелестью сравнить мою ничтожность!
Но чтобы ни было, пускай вашъ приговоръ
Рѣшитъ мою судьбу, — пускай блеснетъ вашъ взоръ!—
Пускай изъ вашихъ устъ грядущее постигну...
Велишь—и я спасенъ;—велишь—и я погибну!

ЭЛЬМИРА.

Признаньемъ вашимъ я, божусь, удивлена,
И даже заключить изъ этого должна,
Что ваша набожность... не безъ грѣха, какъ видно!
Я думала, тому объ насъ и думать стыдно,
Кто молится и кто постится цѣлый вѣкъ.

ТАРТЮФЪ.

Хоть я и набоженъ, но все-же человѣкъ!

И кто, увидѣвши такое совершенство,
Приблизиться къ нему не счелъ бы за блаженство?
Вы удивляетесь тому... что я влюбленъ?
Но вспомните, что я не ангеломъ рожденъ,
И если страсть мою вполнѣ вы осудили,
Кто-жъ въ этомъ виноватъ, что вы ее внушили?
Вините не меня, но вашу красоту.
Я тщетно прибѣгалъ къ молитвѣ и посту,
Хотѣлъ противиться, ничто не помогало
И все меня къ стопамъ прелестнымъ увлекало!
Теперь я съ трепетомъ вамъ отдаюсь во власть;
Но если грѣшника васъ не тревожитъ страсть,
Когда любовью вы моей не оскорбитесь,
Когда виновнаго помиловать рѣшитесь,
Тогда—клянусь моей любовью роковой...
Поработиться вамъ и тѣломъ и душой!
Васъ всюду прославлять созданьемъ безпорочнымъ
И быть любовникомъ, конечно, самымъ прочнымъ,
Вся эта молодежъ, всѣ они шалуны,
Въ которыхъ женщины, къ несчастью, влюблены,
Прелестныхъ жертвъ своихъ поносятъ безъ пощады
И мигомъ разгласить свои побѣды рады;
Но мы, которые мірскаго удалясь,
Съ смиренною душой вступаемъ въ эту связь,
Всегда таимъ ее съ раченьемъ всевозможнымъ;
Намъ собственная честь велитъ быть осторожнымъ,

Намъ въ разглашеніи ни малой пользы нѣтъ
И связь любовная первѣйшій нашъ секретъ.

ЭЛЬМИРА.

Вы объяснилися на этотъ счетъ прекрасно,
И убѣдительно и чрезвычайно ясно:
Но вы, мнѣ кажется, забыли объ одномъ...
Что мужу разсказать могу я обо всемъ.—
И вы хоть другъ ему, однако-же случалось,
Что часто и друзьямъ за это доставалось.

ТАРТЮФЪ.

Къ несчастью, я себя преодолѣть не могъ!
Я точно преступилъ обязанностей долгъ,
Но за невинныя земныя помышленья
Я всеторжественно прошу у васъ прощенья!
И буду ли за то я вами осужденъ,
Что я не слѣпъ и что не каменнымъ рожденъ?

ЭЛЬМИРА.

Иная бы тотчасъ все вывела наружу
И этотъ разговоръ пересказала-бъ мужу;
Но я, на этотъ разъ, рѣшилася молчать.
Однако-жъ, вы за то должны мнѣ обѣщать,
Никакъ не отбивать невѣсты у Валера,
А иначе...

—

IV.

ТѢЖЕ, ДАМИСЪ, *(Выходя изъ кабинета.)*

ДАМИСЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, всему должна быть мѣра!
Я нестыдяся вашъ подслушалъ разговоръ

И ввѣкъ несоглашусь на этотъ уговоръ.
Щадить бездѣльника я больше не намѣренъ:
Въ отмщеніи моемъ онъ напередъ увѣренъ,
И чтобъ изобличить безбожнаго ханжу,
Я вѣрно батюшкѣ тотчасъ перескажу,
Чѣмъ онъ за милости хотѣлъ съ нимъ распла-
титься
И, наконецъ, въ кого осмѣлился влюбиться.

ЭЛЬМИРА.

Ахъ, нѣтъ! Дамисъ, оставь! Довольно, если онъ
Въ своей нескромности такъ явно уличенъ.
Зачѣмъ же забывать, что я его простила.
Я никогда ни ссоръ, ни жалобъ не любила;
И мужа ни одна, мнѣ кажется, жена
Такими вздорами тревожить не должна.

ДАМИСЪ.

Вы можете имѣть свои на это виды,
Но я не изъ такихъ, я не прощу обиды!
И для того ли я рѣшусь его щадить,
Чтобъ больше прежняго онъ продолжалъ вре-
дить?
Довольно и того, что этимъ лицемѣромъ
Мы до отчаянья доведены съ Валеромъ,
Что батюшка считалъ его полусвятымъ
И унижалъ себя предъ идоломъ такимъ.
Нѣтъ, нѣтъ, я совѣсти своей не успокою,
Пока не расплачусь съ безсовѣстнымъ ханжою,
Пока торжественно его не обличу,
Пока злодѣю я вполнѣ не отплачу.

ЭЛЬМИРА.

Дамисъ!..

ДАМИСЪ.

Щадить его — была бы просто слабость,
А отомстить ему первѣйшая мнѣ радость!
Нѣтъ власти, чтобъ меня заставила молчать
И случай счастливый къ отмщенью потерять!
Но вотъ и батюшка! онъ будетъ намъ судьею...
И все откроется теперь само собою.

—

V.

ТѢЖЕ, ОРГОНЪ.

ДАМИСЪ.

Вы кстати, батюшка, пожаловали къ намъ:
Вашъ господинъ Тартюфъ—по дружескимъ связямъ,
Какъ благодѣтелю и истинному другу...
Хотѣлъ вамъ оказать чудесную услугу.
Неблагодарности не ставитъ онъ въ вину
И вашу обольстить старается жену.
Я подстерегъ его и, надобно признаться,
Что въ пламенной любви онъ мастеръ объясняться.
Я знаю, матушка, чтобъ васъ не огорчить,
На этотъ разъ его изволила простить;
Но я хочу, чтобъ вы рѣшили это сами,
И къ счастью моему—преступникъ передъ вами!

ЭЛЬМИРА.

Но ты забылъ, Дамисъ, что женщина съ умомъ,
Которую никто не упрекнетъ ни въ чемъ,
Сама ото всего предостеречься можетъ
И мужа ревностью пустой не потревожитъ.
Когда бы ты мои совѣты уважалъ,
То, вѣрно бъ, ни кому объ этомъ не сказалъ.
(Уходитъ.)

VI.

ОРГОНЪ, ДАМИСЪ, ТАРТЮФЪ.

ОРГОНЪ.

Неужли, Боже мой! слова ихъ справедливы?

ТАРТЮФЪ.

Увы, мой братъ! погрязъ въ грѣхахъ я, нечестивый!
Изъ грѣшниковъ меня грѣшнѣе въ мірѣ нѣтъ...
Такимъ предателемъ гнушаться долженъ свѣтъ!
Вся жизнь моя есть плодъ душевнаго распутства
И скопище однихъ крамолъ и душегубства!
И вотъ судьба мнѣ случай сберегла,
Чтобъ покарать меня за гнусныя дѣла!
Пусть извергу причтутъ любыя злодѣянья...
Какія я могу представить оправданья?
Нѣтъ, нѣтъ, предателя скорѣе обвини
И съ поруганіемъ изъ дома изгони!

Я всякой гнѣвъ почту щедротою благою,
Въ сравненьи съ тѣмъ, чего я, безъ сомнѣнья,
стою!

ОРГОНЪ, (*Дамису.*)

Злодѣй! Да какъ языкъ поворотился твой,
Невинность обнести такою клеветой?

ДАМИСЪ.

Стыдитесь, батюшка! и этотъ злой притворщикъ
Увѣритъ васъ...

ОРГОНЪ.

Молчи, безсовѣстный доносчикъ!

ТАРТЮФЪ.

Ахъ! пощади, твой сынъ ни въ чемъ не вино-
ватъ;
Тебя единственно предостеречь хотятъ.
Нѣтъ, надобно узнать какое я созданье...
Я, можетъ быть, на все рѣшиться въ состояньи!
Страшись, чтобъ наша связь не кончилась
дурнымъ;
Не обольщай себя смиреніемъ моимъ.
Ты думаешь, что я полусвятой отшельникъ....
Но онъ поручится тебѣ, что я бездѣльникъ!
(*Дамису*).
Такъ, сынъ возлюбленный, смѣлѣе продолжай!
И, нещадя меня, преслѣдуй и карай!
Ты видишь самъ, какимъ я извиваюсь змѣемъ!
Ругай меня: ханжей, разбойникомъ, злодѣемъ,
Я все стерплю, во всемъ охотно признаюсь,
(*упадая на колѣна*).
И даже пасть къ твоимъ ногамъ не постыжусь!

ОРГОНТЪ.

О, Боже мой! и ты прощенія не просишь,
Злодѣй!

ДАМИСЪ.

Помилуйте!

ОРГОНТЪ.

Ты головы не сносишь,
Разбойникъ!

ДАМИСЪ.

Я клянусь!...

ОРГОНТЪ, (*Тартюфу*).

Молчи! Возстань мой
братъ!
Возстань! Ахъ, Боже мой!

ДАМИСЪ.

Но кто же виноватъ....

ОРГОНТЪ.

Молчи, злодѣй! или я выйду изъ терпѣнья!

ТАРТЮФЪ.

Ахъ! христіанскаго не забывай смиренья.
Я въ жизнь мою, я въ жизнь себѣ непозволялъ,
Чтобъ за меня другой невинно пострадалъ.

ОРГОНТЪ, (*Дамису*).

Безсовѣстный!

ТАРТЮФЪ.

Твои упреки слишкомъ строги!..
(*Упадая на колѣна*).

ОРГОНТЪ, (*Дѣлая тоже.*)

Я самъ скорѣе брошусь въ ноги.
Ахъ, Боже мой! (*Обнимая Тартюфа.*) Мой братъ!

ДАМИСЪ.

И этотъ подлый льстецъ
Увѣритъ васъ...

ОРГОНЪ.

Молчи, безсовѣстный наглецъ!
А иначе сейчасъ, передъ его глазами,
Я задушу тебя отцовскими руками!
Я понялъ, я узналъ и вижу почему
Вы всячески вредить стараетесь ему,
И злобой вашею ничто не позабыто,
Чтобъ святость клеветой запачкать ядовитой!
Такъ знайте же, что всѣ старанья ваши вздоръ;
Нѣтъ, варвары! я всѣмъ пойду наперекоръ,
Я докажу, что онъ мнѣ будетъ зятемъ, сыномъ
И что я, наконецъ, здѣсь полнымъ господиномъ.

ДАМИСЪ.

Помилуйте! за что жъ вы губите сестру?

ОРГОНЪ.

На зло тебѣ, злодѣй—сегодня-жъ, ввечеру,
Я обвѣнчаю ихъ; а ты за оскорбленья,
Сейчасъ, при мнѣ, у ногъ его проси прощенья.

ДАМИСЪ.

Нѣтъ, подо мной земля расступится скорѣй!

ОРГОНЪ.

Такъ я жъ по своему раздѣлаюсь, злодѣй,
(*Тартюфу, который его удерживаетъ*).
Гдѣ... что нибудь?.. позволь святой отшельникъ
(*Дамису*).
Убить его, когда онъ живъ еще бездѣльникъ!
Изчезни съ глазъ и въ домъ отцовскій ни ногой!

ДАМИСЪ.

Извольте, но клянусь!...

ОРГОНТЪ.

Ни слова! я съ тобой
Не знаюся; тебя наслѣдства я лишаю
И къ этому еще, разбойникъ, проклинаю!
(Дамисъ уходитъ).

VII

ОРГОНТЪ, ТАРТЮФЪ.

ТАРТЮФЪ.

Пускай его Господь по моему проститъ!
Одно, мой братъ, одно прискорбно мнѣ, конечно,
За что такъ оскорблять меня безчеловѣчно!

ОРГОНТЪ.

Мой другъ!

ТАРТЮФЪ.

Я чувствую, что я не въ силахъ
устоять,
Я самъ не свой!... Убитъ и тѣломъ и душою,
И скоро къ вѣчному переселюсь покою!

ОРГОНТЪ, *(въ слезахъ бѣжитъ къ дверямъ, въ которыя выгналъ сына.)*

Ахъ, Боже мой! зачѣмъ его я отпустилъ!
Зачѣмъ разбойника на мѣстѣ не убилъ!
(Тартюфу.)
Ахъ, не грѣши! стыдись бездѣлкой сокрушаться!

ТАРТЮФЪ.

Мой другъ! намъ надобно рѣшительно разстаться.

ОРГОНЪ.

Въ умѣ ли ты?...

ТАРТЮФЪ.

Повѣрь, возлюбленный мой братъ,
Что на меня не то еще наговорятъ.

ОРГОНЪ.

Помилуй! я не далъ имъ выговорить слова.

ТАРТЮФЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, клеветники вооружатся снова;
Ты слишкомъ добръ, чтобъ ихъ заставить замолчать
И посмотри — они поднимутся опять.

ОРГОНЪ.

Нѣтъ, чортъ возьми!

ТАРТЮФЪ.

Жена все сдѣлать въ состояньи!
Меня изгнать — ее первѣйшее желанье.

ОРГОНЪ.

О женщины!

ТАРТЮФЪ.

Къ чему себя намъ обольщать!...
Позволь, позволь тебя въ послѣдній разъ обнять!

ОРГОНЪ.

Ахъ, пощади! за что жъ умру я сиротою?

ТАРТЮФЪ.

Ахъ! сколько власти ты имѣешь надо мною.
Но я....

ОРГОНЪ.

Ни слова, другъ!

ТАРТЮФЪ.

Изволь, я остаюсь,
Но съ тѣмъ, что я тебѣ торжественно клянусь,
Съ Эльмирой прекратить всѣ прежнія сношенья,
И чтобы не подать и тѣни подозрѣнья,
Я не увижуся съ ней больше никогда.

ОРГОНЪ.

А я хочу, чтобъ ты, наперекоръ, всегда
Съ ней видѣлся. Бѣсить людей моя отрада!
И всѣмъ на зло тебѣ за нею бѣгать надо.
Но мы не такъ еще злодѣямъ отомстимъ:
Я сдѣлаю тебя наслѣдникомъ моимъ,
Женю на дочери, и зятю въ награжденье
Сейчасъ бѣгу мое все укрѣпить имѣнье.
Не воспрепятствуй мнѣ въ намѣреньи благомъ!

ТАРТЮФЪ,

Пусть воля Господа исполнится во всемъ!

—

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

I.

КЛЕАНТЪ, ТАРТЮФЪ.

КЛЕАНТЪ.

Здѣсь всю бѣду, сударь, приписываютъ вамъ.
Поступка вашего не похвалю я самъ;
И очень радъ, что я при нашемъ объясненьи

Могу вамъ высказать свое объ этомъ мнѣнье.
Я не изъ тѣхъ, кто всѣмъ разсказамъ вѣрить
радъ,
Положимъ, что Дамисъ и точно виноватъ;
Что въ вашу проповѣдь онъ вслушался неясно
И, можетъ быть, на васъ наговорилъ напрасно;
Но стоитъ ли ему за это такъ отмщать?
Долгъ христіанина — обидѣвшихъ прощать,
И ссора вздорная не есть еще причина,
Чтобы вооружать отца противу сына,
Всѣ эти происки послужатъ вамъ во вредъ —
И если вы принять хотите мой совѣтъ,
То лучше, кажется, забывши оскорбленье,
Дамису выпросить отцовское прощенье.

ТАРТЮФЪ.

Что до меня, то я на все, сударь, готовъ.
Я слишкомъ жалостливъ и, вѣрно, не таковъ,
Чтобъ помнить зло. Я все въ душѣ ему прощаю
И даже—Господа объ этомъ умоляю.
Дерзну ли большаго просить я у Творца?
Я малъ во братіяхъ — и юнъ въ дому Отца!
Но послѣ ужаса, случившагося съ нами,
Въ юдолѣ сей мы съ нимъ не можемъ быть
друзьями,
И если я теперь съ Дамисомъ помирюсь,
То всѣ подумаютъ, что я его боюсь,
Что внутренно себя я чувствую виновнымъ,
И состраданіе мое почтутъ притворнымъ,
И даже, наконецъ, пожалуй, сочинятъ,
Что я хитрю, а онъ ни въ чемъ не виноватъ.

КЛЕАНТЪ.

Доводы ваши всѣ разкрашены прекрасно;
Но вы, мнѣ кажется, заботитесь напрасно
О вашемъ недругѣ молитвы возсылать.
Тамъ.... лучше нашего умѣютъ различать
И мѣру правоты, и мѣру ухищренья.
Здѣсь дурно лгать, а тамъ — за это нѣтъ прощенья.
Когда же ваша цѣль похвальна и чиста,
Васъ можетъ ли пугать пустая клевета?
И неужели васъ злорѣчіе людское
На мѣсто добраго направитъ на дурное?
Нѣтъ, нѣтъ, сударь, пускай толкуютъ, что хотятъ:
Но дѣйствуйте, какъ честь и совѣсть вамъ велятъ.

ТАРТЮФЪ.

Я вамъ сказалъ, сударь, что я его прощаю,
Что даже за него молиться обѣщаю....
Но чтобъ сойтися съ нимъ и жить въ одномъ дому,
То воля Божія противится тому!

КЛЕАНТЪ.

А позволяетъ ли она, сударь, скажите,
Свободно дѣлать все, что вы ни захотите?
Пренебрегать родствомъ, не уважать связей....
И явно похищать наслѣдство у дѣтей?

ТАРТЮФЪ.

Помилуйте! но тутъ нѣтъ правды ни полслова.
Я слишкомъ удаленъ ото всего мірскаго
И прогнѣвить Творца не меньше васъ боюсь·
Повѣрьте, что земнымъ богатствомъ я не льщусь.

Когда же, братское исполня убѣжденье,
Я принялъ въ собственность свою его имѣнье,
То къ этому меня, конечно, увлекло
Желаніе, чтобы оно не перешло
Къ такимъ, которые цѣны ему не знаютъ
И, можетъ быть, его безпутно промотаютъ,
Тогда-какъ я, кому не надо ничего,
Во славу Божію употреблю его!

КЛЕАНТЪ.

Такъ завладѣть чужимъ наслѣдственнымъ удѣ-
ломъ
Вы почитаете богоугоднымъ дѣломъ?
Да кто-жъ вамъ право далъ все прибирать къ
рукамъ?
Пусть всякъ своимъ добромъ распоряжаетъ самъ;
Пусть сбережетъ, или не сбережетъ имѣнье,
По крайней мѣрѣ васъ не упрекнутъ въ хищеньи.
И вы, которые здѣсь такъ одолжены,
Вы просто этотъ даръ отвергнуть бы должны.
И гдѣ же этотъ текстъ священнаго писанья,
Чтобъ богатѣть на счетъ чужаго достоянья?
Когда же васъ Дамисъ такъ сильно оскорбилъ,
Что вамъ ужиться съ нимъ рѣшительно нѣтъ
силъ,
Не лучше ли тогда, недѣлая разстройства,
Вамъ удалиться бы самимъ для ихъ спокойства,
Чѣмъ сына допустить разссориться съ отцемъ
И не велѣть его пускать въ отцовскій домъ?
Повѣрьте, этому всему видна причина....

ТАРТЮФЪ, (*вынимаетъ часы*).

Теперь четвертый часъ, и даже половина....

Мнѣ нѣкогда, теперь къ вечернѣ я спѣшу
И извинить меня покорнѣйше прошу. (*уходитъ*).

КЛЕАНТЪ.

А! а!....

II.

ЭЛЬМИРА, МАРІАННА, КЛЕАНТЪ, ДОРИНА.

ЭЛЬМИРА.

Ты кстати здѣсь, чтобъ за нее всту-
питься:
Въ такой бѣдѣ на все намъ надобно рѣшиться.
Тартюфъ ей, не шутя, назначенъ женихомъ,
И ей объявлено объ этомъ ужъ отцомъ,
Онъ самъ сюда идетъ; но мы, во чтобъ ни стало,
При ослѣпленіи, какого ни бывало,
Должны противъ него вооружиться всѣмъ;
Нельзя жъ, чтобъ мы его не тронули ничѣмъ;
Онъ, какъ отецъ, имѣть къ ней долженъ со-
страданье.

III.

ТѢЖЕ, ОРГОНТЪ.

ОРГОНТЪ.

Тѣмъ лучше! очень радъ! здѣсь общее собранье.
(*Показывая Маріаннѣ свадебный контрактъ*).

Вотъ то, что именно утѣшить всѣхъ должно
И, стало быть, меня понять немудрено.

МАРІАННА, (*упадая къ ногамъ Оргонта*)

Ахъ, батюшка! я васъ съ слезами умоляю!
Смягчитесь горестью, которой я страдаю!
Я знаю, что я быть покорною должна!
И чувствую, что я къ несчастью рождена;
Но и несчастіе свою имѣетъ мѣру?...
И если мнѣ нельзя принадлежать Валеру,
У вашихъ ногъ прошу я милости одной:
Не будьте моего несчастія виной;
Уважьте вы мою любовь и послушанье
И къ бѣдной дочери явите состраданье!

ОРГОНТЪ.

Ну, полно же меня.... къ мірскому преклонять.

МАРІАННА.

Я не мѣшаю вамъ Тартюфа обожать.
Осыпьте вы его всей щедростью своею,
Прибавьте къ этому все то, что я имѣю,
Пусть все возметъ, ни въ чемъ не прекословлю я...
Пусть только навсегда оставитъ онъ меня!
Пусть страшное свое намѣренье отложитъ,
И если васъ Валеръ ни чѣмъ смягчить не можетъ...
Когда не суждено мнѣ выдти за него —
Клянусь, невыходить во вѣкъ ни за кого!

ОРГОНТЪ.

А! если такъ, то я нарочно не отстану-жъ.
Хорошъ отвѣтъ! я вѣкъ, дескать, невыйду замужъ!

Стыдись и встань. Когда жъ Тартюфъ тебѣ не
милъ,
Такъ это знакъ, что нѣтъ въ тебѣ душевныхъ
силъ,
Что чувственность свою ты умертвить не хочешь,
И вмѣсто, чтобъ спастись, о пустякахъ хлопо-
чешь.

ДОРИНА.

Но барышня...

ОРГОНТЪ, (*Доринѣ*).

А ты въ лакейской разсуждай,
А здѣсь, при мнѣ, молчи и рта не разѣвай!

КЛЕАНТЪ.

Такъ, стало быть, дошло до моего совѣта...

ОРГОНТЪ.

О, Боже мой! вы здѣсь всего умнѣе свѣта.
Я очень чувствую, какъ важенъ вашъ совѣтъ,
Но дѣло въ томъ, что мнѣ въ совѣтахъ нужды
нѣтъ!

ЭЛЬМИРА.

Божусь, что ты меня приводишь въ удивленье,
Чѣмъ можно извинить такое ослѣпленье?
Неужли честь жены тебѣ недорога?

ОРГОНТЪ.

Нѣтъ, матушка, я вашъ покорнѣйшій слуга!
Всѣхъ вашихъ хитростей открылася причина,
Но ты безпутнаго не оправдаешь сына.
И не безсовѣстно ль, для угожденья всѣхъ,
Всклѣпать на бѣднаго такой ужасный грѣхъ!
И словомъ, если бъ тутъ серьезное случилось,

Ты вѣрно бы не такъ за честь свою вступи-
лась

ЭЛЬМИРА.

Но если женщинѣ мужчина скажетъ вздоръ:
«Какъ страстно онъ въ нее влюбленъ! съ ко-
торыхъ поръ...
Какъ счастливъ тотъ, кому завлечь ее удастся!»
Такъ неужели съ нимъ царапаться и драться?
Что до меня, то я надъ этимъ лишь смѣюсь,
И обожателей нисколько не боюсь,
За тѣмъ, что завлекать привычки не имѣю,
И всякій разъ отъ нихъ отдѣлаться умѣю.

ОРГОНЪ.

Чтобъ ни было, а я поставлю на своемъ.

ЭЛЬМИРА.

Но въ ослѣпленіи неслыханномъ твоемъ,
Что скажешь ты, когда Тартюфъ передъ тобою
Признается, что онъ серьезно занятъ мною.

ОРГОНЪ.

Тартюфъ?

ЭЛЬМИРА.

Ну да, Тартюфъ.

ОРГОНЪ.

Я не повѣрю вѣкъ.
Опомнись, грѣшница!

ЭЛЬМИРА.

Вотъ странный человѣкъ!
Пускай по твоему не справедливо это,
Но я хочу узнать и требую отвѣта,
Что скажешь ты, когда я это докажу?

ОРГОНТЪ.

Что я скажу? ну, я.... ни слова не скажу,
За тѣмъ, что это вздоръ.

ЭЛЬМИРА.

По чести, нѣтъ терпѣнья!
Но чтобы вывести тебя изъ заблужденья,
И чтобъ впередъ такимъ не вѣрилъ ты друзьямъ —
Я требую, чтобъ ты увидѣлъ это самъ.

ОРГОНТЪ.

Ты требуешь, чтобъ я увидѣлъ это самъ? Представьте!
Извольте, я готовъ, лишь случай мнѣ доставьте.

ЭЛЬМИРА.

Дорина, позови его!

ДОРИНА.

Но онъ хитеръ....
И врядъ ли повторитъ свой прежній разговоръ.

ЭЛЬМИРА.

О, нѣтъ! за это я ручаюся навѣрно.
(*Клеанту и Маріаннѣ.*) (*Доринѣ.*)
Оставьте насъ! — Поди-жъ и позови его!

—

IV.

ЭЛЬМИРА, ОРГОНТЪ.

ЭЛЬМИРА.

Подвинь же этотъ столъ и спрячься подъ него.

ОРГОНТЪ.

Подъ столъ!

ЭЛЬМИРА.

Ну, да. Чтожъ тутъ ужаснаго такого?

ОРГОНТЪ.

Зачѣмъ же именно подъ столъ?

ЭЛЬМИРА.

Прошу—ни слова!
Ты долженъ слушаться меня. Что тутъ за споръ?
Ну, отправляйся же, а главный уговоръ:
Не помѣшать ему пуститься въ объясненья.

ОРГОНТЪ.

Ужъ такъ и быть, когда пошло на снисхожденья.
Изволь, ползу и радъ за правду умереть!

ЭЛЬМИРА.

А главное — къ женѣ довѣренность имѣть.
(*Оргонту, который подъ столомъ.*)
Начало сдѣлано. Но чтобъ конца дождаться,
Ты приготовь себя ни чѣмъ не обижаться.
Чтобъ ни сказала я теперь — твоя вина,
Я къ этому самимъ тобой принуждена.
Я извиняюсь тѣмъ, что угождаю мужу;
Но чтобы вывести обманщика наружу,
Мнѣ должно не-хотя всѣ дерзости сносить
И натурально все позволить говорить,
Я отвѣчать ему принуждена невольно....
Но если ты найдешь, что сказано довольно —
То разумѣется, ты явишься какъ тутъ,
И вещи далѣе, надѣюсь, не пойдутъ.
Онъ слишкомъ смѣлъ, чтобъ съ нимъ играть
влюбленной ролю.

Ты можешь удержать его, или дать волю.
Ты это все, какъ мужъ, тотчасъ сообразишь
И будешь тутъ сидѣть, покуда усидишь.
По счастію, до насъ недалека дорога....
Но онъ идетъ — сиди-жъ, и тише, ради Бога!

—

V.

ТАРТЮФЪ, ЭЛЬМИРА, ОРГОНЪ, (*подъ столомъ.*)

ТАРТЮФЪ.

Вы присылать сейчасъ изволили за мной?

ЭЛЬМИРА.

Да, съ вами надобно остаться мнѣ одной;
Но чтобы кто нибудь не подсмотрѣлъ за нами,
Пожалуйста, вы все кругомъ заприте сами.
(*Тартюфъ запираетъ двери и возвращается.*)
Тотъ шумъ, который здѣсь случился безъ меня,
Совсѣмъ не то.... чего бъ теперь желала я.
Дамисъ никакъ такихъ послѣдствій не предвидѣлъ:
Онъ натурально васъ ужасно разобидѣлъ.
И мнѣ немудрено вамъ было доказать,
Что всячески его старалась я унять,
И, признаюсь, за васъ я такъ перепугалась,
Что, наконецъ, сама невольно потерялась!
Но такъ-какъ говорятъ: нѣтъ худа безъ добра,
То кажется, и намъ утѣшиться пора.
Мой мужъ безъ памяти влюбился въ васъ — и стало

Онъ васъ подозрѣвать не думаетъ ни мало,
А въ доказательство, приказываетъ мнѣ
Нарочно съ вами быть всегда наединѣ.
Мы оба, какъ жена и другъ, ему послушны,
И если точно вы ко мнѣ неравнодушны,
То, не смотря, что я послѣдствій трепещу...
Я, можетъ быть, за все охотно васъ прощу.

ТАРТЮФЪ.

Позвольте мнѣ.... придти въ себя отъ удивленья!
Но вы за часъ совсѣмъ другаго были мнѣнья.

ЭЛЬМИРА.

Ахъ! если разсердилъ васъ давишній отказъ,
Такъ видно женщины загадкою для васъ,
И вы не знаете, что этакъ защищаться,
Есть тоже самое, что въ слабости признаться.
Нельзя-жъ, чтобъ женщина на все рѣшилась вдругъ,
Нельзя-же ей въ своей любви признаться вслухъ!
И страхъ, и мужъ.... во всемъ находишь затрудненье....
Но часто нашъ отказъ похожъ на позволенье.
Вотъ до чего для васъ забыться я могла!
Вы сами видите, я всемъ пренебрегла.
И если безъ стыда на это я рѣшилась,
Скажите мнѣ: къ чему за васъ-бы я вступилась?
Къ чему-бъ упрашивать Дамиса стала я.
Когда-бъ взаимность чувствъ не увлекла меня?
И, наконецъ, когда я свадьбѣ такъ мѣшала....
Не значитъ ли, что я васъ явно ревновала?
Не значитъ-ли: что вы мнѣ нравились самой,
И что я не могла васъ уступить другой!

ТАРТЮФЪ.

Такая искренность изъ вашихъ устъ прелестныхъ,
Прекраснѣе всѣхъ благъ и радостей небесныхъ!
Я чувствую.... что я восторгомъ упоенъ,
И въ небо, кажется, седьмое вознесенъ!
Вамъ нравиться—я чту небеснымъ воздаяньемъ
И вся душа говоритъ сладчайшимъ упованьемъ!
Но, между тѣмъ, могу-ль я счавтливъ быть
вполнѣ,
Когда вы, можетъ быть, польстили только мнѣ,
Чтобы завлечь меня взаимностью желанной....
И помѣшать моей женитьбѣ съ Маріанной?
И такъ, когда пошло на искренность у насъ,
То я подозрѣвать не перестану васъ,
Пока любовника, въ сомнѣніяхъ печальныхъ,
Вы не допустите до ласкъ первоначальныхъ!
И положивъ конецъ сомнѣніямъ моимъ,
Докажете, что я существенно любимъ!

ЭЛЬМИРА, *(кашляетъ, давая знакъ мужу).*

Ахъ, Боже мой! какъ вы безсовѣстно спѣшите:
Хоть нѣсколько мою вы скромность пощадите!

ТАРТЮФЪ.

Но если точно я и счастливъ, и любимъ,
Что жъ можетъ помѣшать желаніямъ моимъ!

ЭЛЬМИРА.

Но вспомните, чѣмъ вы насъ сами поучали.
Чтобъ мы ничѣмъ.... благихъ небесъ не оскорб-
ляли.

ТАРТЮФЪ.

О! если небеса пугаютъ только васъ,

То я на этотъ счетъ васъ вразумлю тотчасъ,
И поученіемъ разсѣю страхъ напрасный.

ЭЛЬМИРА.

Но мужу измѣнить.... вѣдь это грѣхъ ужасный!

ТАРТЮФЪ.

Что до грѣховъ, то я ихъ знаю лучше всѣхъ;
Но мелочи смѣшно считать за тяжкій грѣхъ.
Конечно, многое достойно осужденья....
Но знаете.... на все есть мѣра снисхожденья.
Смотря по случаю, намъ надо привыкать
Своею совѣстью свободно управлять.
И можно-ль упрекнуть того дурнымъ дѣяньемъ,
Кто очищается сердечнымъ покаяньемъ?
Я въ этихъ правилахъ васъ скоро укрѣплю, —
И въ доказательство, какъ страсно васъ люблю,
Я на единаго себя беру свободно —
И зло, и грѣхъ, и все, что только вамъ угодно.
(*Эльмира кашляетъ еще сильнѣе*).
Какъ вы раскашлялись!

ЭЛЬМИРА.

Да, это безъ конца.

ТАРТЮФЪ.

Вамъ не угодно-ли кусочикъ леденца?

ЭЛЬМИРА.

Нѣтъ, кашлю моему онъ вѣрно не поможетъ,
Онъ такъ упрямъ и такъ давно меня тревожитъ....

ТАРТЮФЪ.

Какъ жаль!

ЭЛЬМИРА.

Да, у меня ужъ слезы на глазахъ!

ТАРТЮФЪ.

Я кончу тѣмъ, что вашъ смѣшонъ, по чести, страхъ,
Что наша связь и мнѣ оказанныя ласки
Не могутъ никакой подвергнуться огласкѣ.
Не зло, но явность зла намъ въ обществѣ вредитъ;
И что за грѣхъ.... когда тихонько кто грѣшитъ?

ЭЛЬМИРА, (*Кашляя, стучитъ по столу*).

Я чувствую, что я не въ силахъ защищаться,
Что я принуждена безъ отговорокъ сдаться,
Что убѣжденіямъ здѣсь вѣрить не хотятъ
И, наконецъ, на все рѣшиться мнѣ велятъ.
Вы согласитеся, что это слишкомъ больно,
Но если женщина увлечена невольно,
И тотъ, кого она предпочитаетъ всѣмъ,
Не убѣждается, къ несчастію, ничѣмъ,
Рѣшительно ее склоняетъ къ послушанью,
То надобно-жъ его покорствовать желанью:
Повиновеніе есть общій нашъ удѣлъ.
Не тотъ-ли виноватъ, кто этого хотѣлъ?
Я за послѣдствія себя не обвиняю!

ТАРТЮФЪ.

Помилуйте, за все одинъ я отвѣчаю!

ЭЛЬМИРА.

Но я боюсь, чтобъ насъ подслушать кто не могъ,
И какъ нибудь мой мужъ меня не подстерегъ.

ТАРТЮФЪ.

Какъ эти мелочи вамъ въ голову приходятъ!
Вѣдь онъ изъ тѣхъ, кого свободно за носъ водятъ:

Простой, смѣшной, полуослѣпшій человѣкъ
И нашъ покорнѣйшій слуга на цѣлый вѣкъ.

ЭЛЬМИРА.

Чтобъ ни было, но мнѣ простительно бояться,
Намъ надо всякаго теперь остерегаться.
Пожалуйста, на все взгляните поскорѣй.
Гдѣ кто... и нѣтъ ли здѣсь шпіоновъ у дверей.

—

VI.

ОРГОНТЪ, ЭЛЬМИРА.

ОРГОНТЪ, (*вылѣзая изъ-подъ стола*).

Ну, подѣломъ меня Ты покаралъ, Создатель!
Теперь-то я узналъ, каковъ благопріятель!

ЭЛЬМИРА.

А! наконецъ и ты къ намъ выползъ со сты-
домъ,
Къ чему жъ спѣшить? тебѣ сидѣть бы подъ
столомъ,
Увеселяться бы невиннымъ объясненьемъ
И ожидать конца съ стоическимъ терпѣньемъ.

ОРГОНТЪ.

Нѣтъ! злѣе ничего самъ адъ не произвелъ!

ЭЛЬМИРА.

Неужли жъ это ты достаточнымъ нашелъ?
Ты бъ подождалъ, пока-бъ все совершенно ясно...
И для чего жъ людей подозрѣвать напрасно?

(*Услыша шумъ, Эльмира прячетъ Оргонта позади себя*).

—

VII.

ТАРТЮФЪ, ЭЛЬМИРА, ОРГОНТЪ.

ТАРТЮФЪ, (*не видя Оргонта*).

И люди, и судьба споспѣшествуютъ намъ!
Все пусто, я кругомъ пересмотрѣлъ все самъ
И, наконецъ, въ любви своей трикратъ счастли-
вый....

(*Въ то время, какъ Тартюфъ устремляется съ распростертыми объятіями, Эльмира отходитъ и онъ видитъ Оргонта*).

ОРГОНТЪ, (*удерживая Тартюфа*).

Нельзя ли подождать... О мужъ благочестивый!
Нельзя ли прохладить любовный твой восторгъ!
Ты проповѣдывалъ мнѣ христіанскій долгъ:
Я награждалъ тебя дочерниной рукою...
А ты волочишься здѣсь за моей женою!
Ахъ, ты злодѣй! такъ вотъ смиреніе твое!
Ты этакъ-то скрывалъ предательство свое!
И я глупецъ, и я такому вѣрилъ плуту!
Но кончено—и съ глазъ долой сію минуту!

ЭЛЬМИРА.

Я васъ изобличить была принуждена,
Онъ этого хотѣлъ.... а я его жена!

ТАРТЮФЪ, (*Оргонту*).

И вы повѣрите?...

ОРГОНТЪ.

И батюшка, напрасно!
Прошу скорѣе вонъ и это очень ясно.

ТАРТЮФЪ.

Мое намѣренье?...

ОРГОНЪ.

Ни слова, чортъ возьми!
И разсуждать себѣ ты можешь за дверьми.
(*всторону*).
Нѣтъ, я по горло сытъ его проповѣдями!
И, выгнавъ изъ дому, не знаюся съ ханжами.

ТАРТЮФЪ.

Не я, скорѣй ты самъ изъ дома выйдешь вонъ,
Онъ мнѣ принадлежитъ, и если принужденъ
Доказывать свои права и справедливость,
То скоро усмирю я дерзкую кичливость.
И пусть, когда меня оклеветать хотятъ,
Рѣшитъ правительство: кто правъ, кто виноватъ
И силой, наконецъ, того пусть обуздаетъ,
Кто небеса своимъ пронырствомъ оскорбляетъ!

VIII.

ЭЛЬМИРА, ОРГОНЪ.

ЭЛЬМИРА.

Ахъ, Боже мой! за что онъ такъ тебѣ грозитъ?

ОРГОНЪ.

Пропало все — и я рѣшительно убитъ!

ЭЛЬМИРА.

Но отъ чего-жъ?...

ОРГОНТЪ.

Теперь всего лишиться должно,
И что укрѣплено, оспорить невозможно.

ЭЛЬМИРА.

Да что жъ ты укрѣпилъ ему?

ОРГОНТЪ.

Ахъ, этотъ домъ!
И къ этому еще забочусь о другомъ...

ЭЛЬМИРА.

Объ чемъ же?

ОРГОНТЪ.

Поспѣшимъ: у этого бродяги!
Ключи и всѣ мои секретныя бумаги!

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

I.

КЛЕАНТЪ. ОРГОНТЪ.

КЛЕАНТЪ.

Куда же ты бѣжишъ?

ОРГОНТЪ.

Не знаю самъ!

КЛЕАНТЪ.

Постой!
Скорѣй подумаемъ, какъ съ этою бѣдой
Намъ справиться—и нѣтъ ли средства на примѣтѣ...

ОРГОНТЪ.

Бумаги эти мнѣ всего дороже въ свѣтѣ:
Съ потерей ихъ и мнѣ спастись надежды нѣтъ.

КЛЕАНТЪ.

Въ нихъ важный, стало быть, скрывается се-
кретъ?

ОРГОНТЪ.

Мнѣ ввѣрилъ ихъ Аристъ, какъ истинному другу,
Подъ клятвою, чтобъ я взялся ему въ услугу
Ихъ сохранить, пока не будетъ онъ прощенъ.
И съ тайной этою, къ несчастью, сопряженъ
Его побѣгъ—и все открыто преступленье!

КЛЕАНТЪ.

И ты, бездѣльнику, ихъ далъ на сохраненье?

ОРГОНТЪ.

Онъ, какъ змѣя, въ меня впился—и все узналъ,
Сначала разбранилъ, потомъ разцѣловалъ,
И всѣхъ угодниковъ поставя мнѣ въ поруки,
Всѣ тайныя мои бумаги прибралъ въ руки.
За тѣмъ, какъ увѣрялъ, вотъ видишь ли, чтобъ я
Могъ побожиться бы, что нѣтъ ихъ у меня.
И укорялъ еще меня за боязливость,
Подложной клятвою прикрыть несправедливость.

КЛЕАНТЪ.

Мнѣ очень жаль тебя, но, впрочемъ, подѣломъ,
Твоя довѣренность и подаренный домъ
Конечно, всякого достойны наказанья,
И противъ этого нѣтъ даже оправданья.
Ты съ помощью его—пошелъ бы далеко.
Что перепорчено, поправить не легко.

И чтобъ не повернулъ онъ въ сторону дурную,
Тутъ средство лучшее—пойти на мировую.

ОРГОНТЪ.

Ахъ! кто бъ вообразилъ, что этотъ постный
взглядъ
Скрываетъ дьявола, который тащитъ въ адъ?
И я дарю,—и я предъ плутомъ унижаюсь!
Нѣтъ, кончено, отъ всѣхъ на свѣтѣ отрѣкаюсь,
Клянуся убѣгать и добрыхъ, и дурныхъ,
И дьяволомъ смотрѣть на каждаго изъ нихъ.

КЛЕАНТЪ.

Не горячись, оставь запальчивость пустую!
Смѣшно переходить изъ крайности въ другую.
Согласенъ, что тебя онъ плутовски подделъ,
Но кто жъ безъ промаха?.. ошибки — нашъ
удѣлъ!
Умѣй въ наклонностяхъ держаться середины,
На уваженіе людей имѣй причины;
Страшись ханжей, но будь съ почтеньемъ спра-
ведливъ
Къ тому, кто истинно въ душѣ благочестивъ.

—

II.

ОРГОНТЪ, КЛЕАНТЪ, ДАМИСЪ.

ДАМИСЪ.

Ахъ, батюшка! я все, къ несчастію, предви-
дѣлъ.
Бездѣльникъ, наконецъ, васъ явно разобидѣлъ.

Онъ благодарности не знаетъ ни какой
И угрожаетъ вамъ ужасною бѣдой!

ОРГОНЪ.

И подѣломъ! зачѣмъ ввѣряться было плуту!

ДАМИСЪ.

Позвольте-жъ мнѣ убить его сію минуту!
Нельзя же дерзости такой не усмирить?
Не мой ли долгъ за васъ бездѣльнику отмстить?
Я кровію его заглажу оскорбленье!

КЛЕАНТЪ, (*Дамису.*)

Двадцатилѣтнѣе, мой милый, разсужденье!
Ты самъ правительству, какъ всякій, подчиненъ.
Гдѣ власть строга и гдѣ ненарушимъ законъ,
Самоуправство тамъ къ добру насъ не приводитъ.

III.

ТѢЖЕ, Г-ЖА ПЕРНЕЛЬ, ЭЛЬМИРА, МАРІАННА, ДОРИНА.

Г-ЖА ПЕРНЕЛЬ.

Ахъ, батюшка! что здѣсь, скажите, происходитъ!

ОРГОНЪ.

Я этимъ услужить могу всѣхъ лучше вамъ.
И отъ бездѣльника вотъ благодарность намъ!
Вы знаете, что я беру его безъ гроша,
Кормлю, пою, меня боготворитъ святоша,
Все дѣлаю, ему усердствую во всемъ,

Женю на дочери, свой укрѣпляю домъ,
И чтобъ вы думали?.. ругаясь надо мною,
Онъ явно за моей волочится женою!
Но мало этого, за собственной мой стыдъ,
За все мое добро меня же онъ винитъ
Въ какомъ-то проискѣ и подломъ, и лукавомъ,
Гордится, воровски пріобрѣтеннымъ правомъ,
И изъ дому, куда, какъ нищій, приведенъ,
Насъ нищими самихъ грозится выгнать вонъ!

ДОРИНА.

Бѣдняжка!

Г-ЖА ПЕРНЕЛЬ.

Кто? Тартюфъ? въ умѣ ли ты, помилуй!
Ахъ, Господи! да я опомнилась насилу!

ОРГОНЪ.

Да кто-жъ другой?

Г-ЖА ПЕРНЕЛЬ.

Повѣрь, что онъ не изъ такихъ...

ОРГОНЪ.

Помилуйте! и что мнѣ въ росказьняхъ пустыхъ!

Г-ЖА ПЕРНЕЛЬ.

А то, что многіе, и даже между нами,
Заявлены его открытыми врагами.

ОРГОНЪ.

Но у меня своихъ достаточно причинъ.

Г-ЖА ПЕРНЕЛЬ.

Съ ребячества твердила я, мой сынъ,
Что добродѣтельный всегда претерпѣваетъ,
Что злые мрутъ, но зло во вѣкъ не умираетъ.

ОРГОНТЪ.

Ахъ, Боже мой! да я вамъ разсказалъ...

Г-ЖА ПЕРНЕЛЬ.

Не первый онъ, кого завистникъ оболгалъ.

ОРГОНТЪ.

Но я все слышалъ самъ обѣими ушами.

Г-ЖА ПЕРНЕЛЬ.

Ахъ! добрый окруженъ всегда клеветниками!

ОРГОНТЪ.

Побойтесь, наконецъ, хоть Бога самаго...
Я самъ свидѣтелемъ былъ наглости его.

Г-ЖА ПЕРНЕЛЬ.

Мой другъ! я знаю свѣтъ и ненависть людскую:
Все можно въ сторону оборотить дурную.

ОРГОНТЪ.

Послушайте-жъ, еще я повторяю вамъ:
Я видѣлъ это самъ, вы слышите ли, самъ.
Самъ видѣлъ, видѣлъ все, смотрѣвши въ оба
глаза...
И отъ другаго я прошу уволить раза.

Г-ЖА ПЕРНЕЛЬ.

Какой вѣдь глазъ... иной бываетъ не хорошъ:
Наружность, говорятъ, обманываетъ сплошъ.

ОРГОНТЪ.

Нѣтъ, я взбѣшусь!

Г-ЖА ПЕРНЕЛЬ.

Повѣрь, мы склонны къ по-
дозрѣньямъ;
Но первымъ слѣдовать не должно впечатлѣньямъ.

ОРГОНТЪ.

Чему-жъ мнѣ слѣдовать прикажете, когда
Онъ хочетъ цѣловать жену мою?

Г-ЖА ПЕРНЕЛЬ.

Тогда
Ты у разсудка бы спроситься могъ совѣта
И надо посмотрѣть, чѣмъ кончилось бы это.

ОРГОНТЪ.

Ну, послѣ этаго простите за вину!

Г-ЖА ПЕРНЕЛЬ.

И кто бъ не обласкалъ пріятеля жену?
Но я торжественно клянусь: что все пустое,
И что его ничто несоблазнитъ мірское.

ОРГОНТЪ.

И я клянусь: когда бъ да не родная мать...
Я былъ бы принужденъ чортъ знаетъ что ска-
зать!

ДОРИНА, (*Оргонту*).

Вотъ видите, всему порука круговая:
Не вѣрили, и вамъ не вѣрятъ здѣсь другая.

КЛЕАНТЪ.

Ну, полноте шумѣть объ этихъ пустякахъ,
Намъ лучше о своихъ похлопотать дѣлахъ;
Съ бездѣльникомъ теперь быть должно осторож-
нымъ.

ДАМИСЪ.

Я мщеніе его считаю невозможнымъ.

ЭЛЬМИРА.

Мнѣ кажется, что тамъ защита не нужна,
Гдѣ терпитъ истина и подлость такъ видна.

КЛЕАНТЪ.

Не безпокойтеся. Онъ пустится на штуки,
И если безъ суда не приберетъ все въ руки,
То тяжбу заведетъ, и мнѣ ужасно жаль,
Что завязалося все это слишкомъ вдаль.
И если онъ въ рукахъ имѣетъ всѣ доводы...
Сидѣть-бы у моря тебѣ и ждать погоды.

ОРГОНЪ.

Но могъ-ли я, скажи, при наглости такой
Считать себя—его покорнѣйшимъ слугой!

КЛЕАНТЪ.

Тутъ право лучшее,—чтобъ справиться съ бѣдою
Сыскать посредника и кончить мировою.

ЭЛЬМИРА.

Ахъ! этакихъ хлопотъ не ожидалъ никто.
И я бы ссорить ихъ не стала ни за что.

ОРГОНЪ, (*Доринѣ, увидя входящаго г. Лояля*).

А это кто? спроси, зачѣмъ? Я какъ убитый...
И мнѣ теперь ничьи не надобны визиты.

—

IV.

ТѢЖЕ, Г. ЛОЯЛЬ.

ЛОЯЛЬ, (*Доринѣ, въ глубинѣ театра*).

Гдѣ, ангелъ мой, скажи, твой добрый господинъ?
Мнѣ очень нужно-бы...

ДОРИНА.

Да онъ здѣсь не одинъ,
И васъ, я думаю, теперь принять не можетъ.

ЛОЯЛЬ.

Мое присутствіе его не потревожитъ.

ДОРИНА.

Да какъ объ васъ сказать?

ЛОЯЛЬ.

Ты доложи ему:
Что господинъ Тартюфъ по дѣлу одному
Прислалъ меня

ДОРИНА.

Какъ онъ обходится учтиво.
(Оргонту).
Его прислалъ Тартюфъ—и если справедливо,
Онъ васъ порадуетъ.

КЛЕАНТЪ.

О! надобно узнать,
За чѣмъ-то онъ его изволилъ къ намъ прислать?

ОРГОНТЪ, (*Клеанту.*)

Повѣришь-ли, боюсь, чтобъ снова не взбѣситься,
Онъ вѣрно присланъ съ тѣмъ, чтобъ съ нами помириться.

КЛЕАНТЪ.

Пожалуйста, умѣрь свой гнѣвъ и все узнай:
И такъ, какъ водится, его ты обласкай!

ЛОЯЛЬ.

Осмѣлюсь изъявить нижайшее почтенье:
Пошли вамъ Господи свое благоволенье!

ОРГОНТЪ, (*тихо Клеанту.*)
Ты слышишь-ли? Вѣдь я серьезно отгадалъ:
Онъ именно его мириться подослалъ.

ЛОЯЛЬ.
Мнѣ былъ начальникомъ покойный вашъ родитель,—
Отличный человѣкъ и рѣдкій покровитель!

ОРГОНТЪ.
Отмѣнно радъ; но я желалъ бы, между тѣмъ,
Узнать, кто вы и къ вамъ явилися за чѣмъ?

ЛОЯЛЬ.
Къ услугамъ общества—я человѣкъ присяжный
И занимаю постъ, подчасъ довольно важный:
Моя обязанность имѣнья брать въ арестъ.
Я, такъ сказать, агентъ правительственныхъ мѣстъ,
И потому-то къ вамъ явился съ объявленьемъ,
Что вамъ чужимъ нельзя распоряжать имѣньемъ

ОРГОНТЪ.
Такъ ты...

ЛОЯЛЬ.
Я васъ, сударь, уважилъ-бы всегда,
Но чтобы сократить дистанцію суда....

ОРГОНТЪ.
Чтобъ выгнать вонъ меня?

ЛОЯЛЬ.
Безъ всякихъ отговорокъ.
Мнѣ личный вашъ покой неоцѣненно дорогъ!
Но этотъ домъ теперь принадлежитъ не вамъ,

И вотъ тотъ декументъ, которой лично самъ
Мнѣ вв҃ѣрилъ господинъ Тартюфъ—для предъ-
явленья.

ДАМИСЪ.

Какая подлость брать такія порученья.

ЛОЯЛЬ, (*Дамису.*)

Вамъ до меня, сударь, нисколько дѣла нѣтъ.
Вы слишкомъ молоды, а я ужъ сорокъ лѣтъ
Служу, какъ видите, и такъ благонамѣренъ,
Что вѣрно господинъ Оргонтъ во мнѣ увѣренъ.

ОРГОНТЪ.

Ахъ, ты...

ЛОЯЛЬ.

Усерднѣйше желая вамъ добра,
Я соглашаюся отсрочить до утра.
А въ ночь вы можете все уложить свободно,
Чтобъ съ Богомъ выбраться потомъ, куда угодно.

ОРГОНТЪ.

Ахъ, ты наглецъ! да ты бъ меня благодарилъ,
Что я до этихъ поръ тебя не задушилъ!

КЛЕАНТЪ, (*удерживая Оргонта.*)

Оставь!

ДАМИСЪ.

Что до меня, я не спущу злодѣю.

ДОРИНА.

Я просто бы ему наколотила шею,

ЛОЯЛЬ.

Угрозы, господа, къ добру не приведутъ.

(*Доринѣ*).

И женщинъ отдавать позволено подъ судъ.

КЛЕАНТЪ, (*Лоялю.*)

Ну полноте-жъ. Къ чему такое нетерпѣнье
И завтра наше мы окончимъ объясненье.

ЛОЯЛЬ, (*уходя.*)

Даруй вамъ, Господи, и мира, и щедротъ!

ОРГОНЪ.

Посланникъ сатаны, пусть чортъ тебя возметъ!

—

V.

ТѢЖЕ, КРОМѢ ЛОЯЛЯ.

ОРГОНЪ.

Ну, матушка! вотъ вамъ образчики смиренья,
Вотъ вамъ Тартюфъ, вотъ вамъ мірскія заблу-
жденья.
Теперь вы можете судить объ остальномъ.
Что жъ вы задумались? что жъ скажете объ
немъ?
Какъ эта выходка его вамъ полюбилась?..

Г-ЖА ПЕРНЕЛЬ.

Ахъ! подо мной земля едва не расступилась!

ДОРИНА.

По моему, Тартюфъ ни въ чемъ не виноватъ.
Богатымъ никогда спасенья не сулятъ,
А онъ, чтобъ вы спаслись, безъ всякаго со-
мнѣнья,
Все обобралъ у васъ для вашего жъ спасенья.

ОРГОНЪ.

Молчи! тебѣ сто разъ приказано молчать!

КЛЕАНТЪ.

Я думаю.... я самъ не знаю, что начать!

ЭЛЬМИРА.

Ахъ, братецъ! поспѣши быть нашею защитой,
Онъ угрожаетъ намъ погибелью открытой,
Ты подлости его изобличишь тотчасъ,
И вѣрно истина заступится за насъ.

—

VI.

ТѢЖЕ, ВАЛЕРЪ.

ВАЛЕРЪ, (*Оргонту.*)

Я долженъ васъ сразить извѣстіемъ ужаснымъ!
Вамъ оставаться здѣсь становится опаснымъ.
Одинъ мой другъ, примѣръ всѣмъ истиннымъ друзьямъ,
Увѣренный въ моей привязанности къ вамъ,
И, можетъ быть, на все рѣшившійся для дружбы,
Открылъ мнѣ, вопреки обязанностей службы,
Что вы задержаны здѣсь будете тотчасъ,
И что одинъ побѣгъ спасти лишь можетъ васъ.
Безсовѣстный Тартюфъ, за все благотворенье,
Дерзнулъ васъ обвинить въ какомъ-то преступленьи.
Онъ самъ предъ королемъ васъ лично очернилъ,
И ваши тайныя бумаги предъявилъ.
Мнѣ неизвѣстно ихъ осталось содержанье,

Но, между тѣмъ, Тартюфъ имѣетъ приказанье
Васъ задержать, сразить предательствомъ своимъ,
И отъ правительства нарочный посланъ съ нимъ.

КЛЕАНТЪ.

Вотъ средство подлое своей достигнуть цѣли!
Я вижу происки здѣсь все преодолѣли.

ОРГОНЪ.

О Боже мой! и громъ его не разразитъ!

ВАЛЕРЪ.

Минута каждая вамъ гибелью грозитъ,
Спасенье дорого, а времени немного.
Я приготовилъ все, васъ ждутъ—и ради Бога,
Воспользуйтесь, пока открыты вамъ пути.
Одна рѣшительность васъ можетъ лишь спасти.
Есть средство, поспѣшимъ, я ѣду вмѣстѣ съ вами,
И буду обо всемъ увѣдомленъ друзьями.

ОРГОНЪ.

Я васъ благодарить не въ силахъ на словахъ,
И вмѣсто словъ—однѣ лишь слезы на глазахъ.
Дай Богъ! чтобъ нѣкогда я самъ былъ въ состояньи
Воздать за дружбу вамъ и ваше состраданье!
Прощайте-же!—(*Клеанту*) А ты...

КЛЕАНТЪ.

Мы, кажется, родня,
И смѣло положись во всемъ здѣсь на меня.

—

VII.

ТѢЖЕ, ТАРТЮФЪ, ПОСЛАННЫЙ.

ТАРТЮФЪ, (*останавливая Оргонта.*)
Куда, сударь, влекутъ васъ суетности міра?
Вамъ приготовлена другая здѣсь квартира.
Вы арестантъ, и мы должны васъ задержать.

ОРГОНТЪ.
Ты, наконецъ, умѣлъ достойно мнѣ воздать!
Но торжествуй, когда я ввѣрился обману...
И ты, злодѣй, нанесъ смертельную мнѣ рану!

ТАРТЮФЪ.
Вы можете кричать, пока вамъ надоѣстъ;
Но я привыкъ нести долготерпѣнья крестъ!

КЛЕАНТЪ.
Да, воздержаніе въ васъ было очень видно!

ДАМИСЪ.
И какъ онъ вѣрою ругается безстыдно?

ТАРТЮФЪ.
Смѣшно, чтобъ дерзостью обидѣться тотъ могъ,
Кто надъ преступникомъ свой исполняетъ долгъ.

МАРІАННА.
Но вѣрно душу тотъ имѣетъ очень злую,
Кто принялъ на себя обязанность такую!

ТАРТЮФЪ.
Чтобъ вы ни думали—но что поручено
Правительствомъ, всегда уважиться должно.

ОРГОНТЪ.
Хоть вспомни то, что ты, ни гроша не имѣя,
Пришелъ ко мнѣ—и кто жъ обогатилъ злодѣя?

ТАРТЮФЪ.

Я нашихъ не забылъ отнюдь, сударь, связей;
Но власть правительства важнѣе всѣхъ друзей.
Я преданъ ей, какъ сынъ усерднѣйше под-
властный:
Для пользы общества—пренебрегаю частной,
И нѣтъ связей, и нѣтъ упрековъ, ни угрозъ,
Которыхъ бы ему я въ жертву не принесъ.

ЭЛЬМИРА.

Вотъ лицемѣръ!

ДОРИНА.

Что онъ плутуетъ — это ясно,
А вѣдь послушаешь, такъ говоритъ прекрасно!

КЛЕАНТЪ.

Но если доказать стараетесь вы намъ
О вашемъ истинномъ усердіи къ властямъ,
То для чего жъ оно таилося, покуда
Васъ, какъ бездѣльника, не выгнали отсюда?
Вы прежде бы открыть могли его вину,
Да дѣло въ томъ, что вы влюбилися въ жену
И что молчать—свои расчеты находили.
И если твердо вы себѣ предположили
Изобличить его въ измѣнѣ предъ судомъ,
Къ чему жъ вы приняли въ подарокъ этотъ
домъ?

ТАРТЮФЪ, (*посланному.*)

Ихъ усмирить, сударь, есть просто невозмож-
ность.
И потому прошу исполнить вашу должность.

ПОСЛАННЫЙ.

Ты кстати, наконецъ, напомнилъ мнѣ объ ней.

Такъ, надобно воздать виновному скорѣй.
Я нетерпѣніе твое сейчасъ уважу...
И перваго тебя, злодѣй, беру подъ стражу.

ТАРТЮФЪ.

Меня, за что-жъ?

ПОСЛАННЫЙ.

Спросись у совѣсти—а я
По волѣ дѣйствую пославшаго меня.

(*Оргонту.*)

Вы успокойтеся. Король нашъ вамъ защитникъ!
Онъ подлой клеветы первѣйшій ненавистникъ.
Ни въ комъ ни *для* кого *онъ* непотерпитъ зла;
Предъ *нимъ* открыты всѣ и мысли, и дѣла;
За истину *ему* не надобно ручательствъ,
Онъ вѣритъ не словамъ, но ищетъ доказательствъ.
По мѣрѣ ихъ, *онъ* насъ и судитъ, и хранитъ,
И подлый льстецъ *его* во вѣкъ не ослѣпитъ,
Къ *нему*-то лицемѣръ явился съ вашей тайной
И почиталъ ее услугой чрезвычайной;
Но, несмотря, какъ вашъ проступокъ ни великъ,
Король тотчасъ его предательство проникъ.
Безчестіемъ—себя изобличилъ безчестный,
Дѣла его давно правительству извѣстны—
И надъ преступникомъ законъ неумолимъ.
Я, между тѣмъ, сударь, нарочно присланъ съ нимъ,
Чтобы увѣриться вполнѣ въ его злодѣйствѣ,
Чтобъ счастье водворить въ отчаянномъ семействѣ
И вамъ—великую щедроту объявить:
Онъ повелѣлъ вамъ все имѣнье возвратить,

И васъ за прежнюю, отличную заслугу,
Прощаетъ въ томъ, въ чемъ вы способствовали
другу.

ОРГОНЪ.

Возможно-ли! Ахъ, я за милости его,
За короля—пойду на чорта самаго!

ДОРИНА.

Да здравствуетъ *король*!

Г-ЖА ПЕРНЕЛЬ.

Я снова оживаю!

ЭЛЬМИРА.

Вотъ счастіе!

ПОСЛАННЫЙ.

Его я съ вами раздѣляю.
Но должность мнѣ велитъ отправиться скорѣй.
Прощайте-же! (*Тартюфу.*) А ты за мной!

ОРГОНЪ, (*Тартюфу.*)

А, а, злодѣй!

—

VIII.

ТѢЖЕ, КРОМѢ ТАРТЮФА И ПОСЛАННАГО.

КЛЕАНТЪ, (*удерживая Оргонта.*)

Оставь, и всѣ, всѣ господа за мною
Къ стопамъ того—кто здѣсь всего добра виною!

ШКОЛА ЖЕНЩИНЪ.

КОМЕДІЯ

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ, ВЪ СТИХАХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ.

Арнольфъ или **Ласушъ**.
Агнеса, его воспитанница.
Кризальдъ, другъ Арнольфа.
Горасъ.
Алинъ, } слуги Арнольфа.
Жоржета, } слуги Арнольфа.
Нотаріусъ.

Дѣйствіе въ предмѣстіи Парижа.

ШКОЛА ЖЕНЩИНЪ.

КОМЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ, ВЪ СТИХАХЪ.

═

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

—

I.

АРНОЛЬФЪ, КРИЗАЛЬДЪ.

КРИЗАЛЬДЪ.

И такъ, къ намъ возвратясь, ты женишься на ней?

АРНОЛЬФЪ.

Да кончить это все мнѣ хочется скорѣй.

КРИЗАЛЬДЪ.

Мы здѣсь одни, и я рѣшился непремѣнно
Потолковать съ тобой объ этомъ откровенно.
И такъ, послушай же, что другъ твой говоритъ:
Намѣренье твое, ей-ей меня страшитъ, —
И лучшаго нельзя подать тебѣ совѣта,
Какъ то, что страшный рыскъ — жениться въ наши лѣта.

АРНОЛЬФЪ.

Что ты ни говори, а по твоимъ словамъ
Ужъ чуть ли братъ въ бѣду ты не попался самъ?
И твердо, кажется, увѣренъ между нами:
Что будутъ всѣ—тебѣ подобными мужьями.

КРИЗАЛЬДЪ.

Напротивъ, это все случайная бѣда:
Иному, такъ пройдетъ — другому не всегда;
Но ужъ тебѣ, мой другъ, ни чѣмъ не отыграться;
Всегда на счетъ мужей ты любишь насмѣхаться,
И я не слышалъ здѣсь, ей, ей, ни объ одномъ,
Кого бъ не уязвилъ ты колкимъ языкомъ,
Ну, словомъ, никому изъ насъ ты не спускаешь,
Всѣ вздоры узнаешь и первый разглашаешь!

АРНОЛЬФЪ.

Согласенъ; но мужей,—хоть міръ избѣгай весь,—
Гдѣ сыщешь ты такихъ, какихъ находишь здѣсь?
Мужей и ласковыхъ, и смирныхъ, и послушныхъ,
И словомъ—истинно мужей великодушныхъ!
Взгляни: иной изъ нихъ, обманутый женой,
Махнулъ рукой—и страхъ доволенъ какъ собой.
Другой, любя друзей, которые такъ ловки,
Ужасно радъ тому, что шлютъ женѣ обновки—
И вѣритъ, — и жена жъ увѣрить помогла, —
Что всѣ дарятъ ее за добрыя дѣла!
Такъ этими людьми нельзя не восхищаться,
Нельзя не видѣть ихъ — и видя, не смѣяться!
Суди жъ....

КРИЗАЛЬДЪ.

Но ты за то, порукой круговой,
Заставишь и другихъ смѣяться надъ собой,
Я знаю васъ: вы всѣ охотники большіе
Усердно разглашать дурачества чужія.
Но я, такъ признаюсь, злословья не любя,
И знаю если что, такъ знаю про себя;
Я скроменъ, и хотя встрѣчаю безъ сомнѣнья
Здѣсь тысячи вещей, достойныхъ осужденья,
Которыхъ, лично бъ самъ, не вытерпѣлъ и я,
А терпятъ, между тѣмъ, здѣсь многіе мужья;
Но я молчу, мой другъ, здѣсь этимъ бережешся.
Рыть яму для другихъ, самъ въ яму попадешся,
И если суждено житейскою судьбой
И мнѣ обманутымъ моею быть женой,
То я, повѣришь ли, готовъ почти ручаться,
Что здѣсь не многіе тѣмъ будутъ утѣшаться,
И даже, можетъ быть, за скромность языка,
Рѣшатся пожалѣть бѣдняжку — старика.
Но ты, мой другъ, ужъ какъ и что мнѣ ни толкуешь,
Я честью побожусь, ты дьявольски рыскуешь!
На всѣхъ вооружась и сдѣлавшись врагомъ
И женщинъ и мужчинъ, ты дерзкимъ языкомъ,
Ихъ вывелъ наконецъ изъ всякаго терпѣнья,
И если не ульнешь и ты отъ Провидѣнья,
Прощай мой другъ, — тебя подниму́тъ всѣ на смѣхъ:
Насмѣшникъ нашъ тогда смѣшнѣе будетъ всѣхъ
Весь городъ....

АРНОЛЬФЪ.

Полно, братъ, не хлопочи объ этомъ;
Меня ужъ не учить, какъ ладить съ бѣлымъ
свѣтомъ.
Я знаю лучше васъ всѣ шутки вашихъ женъ,
Которымъ потакать ты также принужденъ.
Ихъ хитрость побѣдить для васъ ужъ невоз-
можность,
Но я на этотъ счетъ нашелъ предосторожность:
И выбралъ для себя невѣсту, что такой
Невинности нигдѣ не сыщешь ты другой!

КРИЗАЛЬДЪ.

Ну, попросту изъ дуръ ты выбралъ поглупѣе?

АРНОЛЬФЪ.

Да дурочки жены нѣтъ ничего милѣе!
Я вѣрю, что твоя супруга страхъ умна,
Но женщина съ умомъ — дурная, братъ, жена!
И я повысмотрѣлъ, при случаяхъ удобныхъ,
Какъ страждутъ здѣсь мужья отъ умницъ ново-
модныхъ;
И послѣ этого, чтобъ я рѣшился взять
Такую, чтобъ могла лишь пѣть, да танцовать,
Забила-бъ голову и прозой и стихами,
И, мужа позабывъ, лишь тѣшилась гостями?
Нѣтъ, нѣтъ, любезный другъ, покорнѣйшій
слуга:
Мнѣ честь моя всегда казалась дорога,
И я искалъ жены совсѣмъ другаго рода:
Не знала чтобъ она, что значитъ ваша мода;
Невинность сущую, которой нужно знать:
Молчать, хозяйничать и мужа уважать!

КРИЗАЛЬДЪ.

Что жъ? Дуру отыскать не мудрено такую.

АРНОЛЬФЪ.

Да лучше дуру взять — собою предурную,
Чѣмъ взять красавицу, которая умна.

КРИЗАЛЬДЪ.

Но умъ при красотѣ....

АРНОЛЬФЪ.

Мнѣ честь, сударь, нужна!

КРИЗАЛЬДЪ.

Но какъ же требовать, чтобъ женщина такая
Объ чести думала, ее не понимая?
Я вѣрю, женщина намъ можетъ измѣнить;
Но умную, мой другъ, труднѣе побѣдить;
А глупая, не знавъ, что хорошо, что худо,
Скорѣй другой тебя отдѣлаетъ на чудо!

АРНОЛЬФЪ.

Я начисто скажу: какъ ты ни разсуждай,
Ораторствуй, бранись, какъ хочешь убѣждай,
Хоть силою тащи на умницѣ жениться,
Но этого со мной навѣрно не случится;
И что ты ни толкуй, а кончится все тѣмъ,
Что, время потерявъ, отправишся ни съ чѣмъ.

КРИЗАЛЬДЪ.

Теперь я замолчу.

АРНОЛЬФЪ.

У всѣхъ своя метода;
Въ женитьбу не должна мѣшаться ваша мода,
И я хочу того, чтобы моя жена
Ужъ подлинно была мнѣ всѣмъ одолжена,
И за мои труды, своимъ повиновеньемъ

На старости бъ моей была мнѣ утѣшеньемъ;
Невѣста же моя, ну такъ мила, что я,
Съ ребячества ее душевно полюбя,
Тогда жъ почувствовалъ какое-то желанье,
Взять эту дѣвочку къ себѣ на воспитанье,
И мать по бѣдности, лѣтъ нѣсколько назадъ,
Съ охотой мнѣ отдать рѣшилась этотъ кладъ.
Съ тѣхъ поръ я началъ самъ присматривать за нею,
Велѣлъ ее учить методою своею,
Остерегать ее какъ можно отъ всего.
И словомъ, чтобъ она не знала ничего,
Хвала судьбѣ! Мои исполнились старанья;
Питомица моя есть чудо воспитанья;
Самъ Богъ, мнѣ кажется, съ небесъ ее послалъ
И вотъ сокровище, котораго искалъ.
А такъ какъ у себя я многихъ принимаю,
То я вотъ этотъ домъ ей нынче нанимаю.
И къ осторожности для всяческихъ услугъ,
Нарочно ей сыскалъ двухъ самыхъ глупыхъ слугъ.
Ты скажешь, можетъ быть, что это за подробность?
Чтобъ доказать тебѣ мою предосторожность,
И кончить это тѣмъ, чтобы съ тобой въ двоемъ
Отужинать у ней сегодня вечеркомъ;
И я ручаюся, что познакомясь съ нею,
Поздравишь самъ меня съ находкою моею.

КРИЗАЛЬДЪ.

Съ охотою.

АРНОЛЬФЪ.

Она прельститъ тебя собой,
И милымъ личикомъ, и рѣдкой простотой!

КРИЗАЛЬДЪ.

О, что до простоты, такъ право бъ не мѣшало
Ужъ перестать!

АРНОЛЬФЪ.

Божусь, что этого все мало,
Нѣтъ, надобно, чтобъ самъ ты съ ней поговорилъ;
Ну, такъ разодолжитъ, что истинно нѣтъ силъ
Такой невинности въ нашъ вѣкъ не удивляться.
Вотъ напримѣръ—боюсь опять расхохотаться!
Однажды... этого ни съ чѣмъ ужъ не сравнить!
Какъ думаешь, о чемъ пришла меня спросить?
Откуда крошечныхъ малютокъ къ намъ приводятъ.
И правда ли, что ихъ подъ елочкой находятъ?

КРИЗАЛЬДЪ.

Ну, господинъ Арнольфъ, я поздравляю васъ!

АРНОЛЬФЪ.

Да что я за Арнольфъ? Неужли всякій разъ
Твердить, что нынче я Ласушемъ называюсь?

КРИЗАЛЬДЪ.

Я въ новомъ все твоемъ прозваньи ошибаюсь.
Да, кстати, наконецъ позволь тебя спросить,
Что вздумалось тебѣ его перемѣнить?

АРНОЛЬФЪ.

Да стараго ничто ужъ не было простѣе.
Фамилія жъ Ласушъ и лучше, и важнѣе;

А сверхъ того и то... но что тутъ толковать?
И я прошу меня Ласушемъ называть.

КРИЗАЛЬДЪ.

Но многіе того по новости не знаютъ,
И все-таки тебя Арнольфомъ величаютъ.

АРНОЛЬФЪ.

Да что до нихъ! Ты самъ того не забывай;
Но между тѣмъ пора, я жду тебя, прощай.
Я, признаюсь, спѣшу какъ можно поскорѣе,
Увидѣть ту, кого на свѣтѣ нѣтъ милѣе!

КРИЗАЛЬДЪ, (*уходя.*)

Ну, право мой Ласушъ ужаснѣйшій чудакъ!

АРНОЛЬФЪ.

Хоть, правду говорить, онъ малый не дуракъ,
А страненъ нѣсколько—и мнѣ отмѣнно чудно,
Какъ въ мнѣніи иныхъ переувѣрить трудно!
(*Стучится въ дверь.*)
Эй! вы!

—

II.

АРНОЛЬФЪ, АЛИНЪ, ЖОРЖЕТА, (*въ домѣ.*)

АЛИНЪ.

Кто тамъ?

АРНОЛЬФЪ, (*въ сторону.*)

Какъ всякъ изъ нихъ, чай,
будетъ радъ,
Увидѣвши, что я пріѣхалъ къ нимъ назадъ!
Эй! вы!

АЛИНЪ.

Кто тамъ?

АРНОЛЬФЪ.

Я! я!

АЛИНЪ.

Жоржета!

ЖОРЖЕТА.

Что такое?

АЛИНЪ.

Ну, отворяй скорѣй.

ЖОРЖЕТА.

Мнѣ дѣло есть другое;
Самъ прогуляешся.

АЛИНЪ.

Пошла жъ!

ЖОРЖЕТА.

Вотъ, не хочу.

АРНОЛЬФЪ.

Скорѣй, глупцы! Не то путемъ васъ проучу!

АЛИНЪ.

Да кто-жъ стучится?

АРНОЛЬФЪ.

Я, вашъ господинъ.

АЛИНЪ.

Жоржета,
Поди жъ!

ЖОРЖЕТА.

Пройдешся самъ.

АЛИНЪ.

Да дура, баринъ это!

ЖОРЖЕТА.

Ты видишь недосугъ—я комнату мету.

АЛИНЪ.

А я такъ голубей своихъ кормить иду.

АРНОЛЬФЪ.

Но если вы сей часъ дверей не отопрете,
Не дамъ вамъ есть — и вы здѣсь съ голоду
умрете.

ЖОРЖЕТА, (*за дверьми.*)

Зачѣмъ же ты бѣжишь, когда я у дверей?

АЛИНЪ.

Да, какъ не такъ, зачѣмъ сбѣжала ты скорѣй?

ЖОРЖЕТА.

Пошолъ!

АЛИНЪ.

Пошла сама!

ЖОРЖЕТА.

Ахъ, Боже мой! Да что же
Мѣшаешь мнѣ, дуракъ?—Вотъ не пущу-жъ!

АЛИНЪ.

Я тоже;
Ужъ не отворишь же!

ЖОРЖЕТА.

Ни ты!

АЛИНЪ.

Ни я, ни ты!

АРНОЛЬФЪ.

Терпѣнья нѣтъ! Меня вы мучите, скоты!

АЛИНЪ, (*вбѣгая.*)

Я первый прибѣжалъ!

ЖОРЖЕТА, (*вбѣгая за Алиномъ.*)

Мое, сударь, почтенье.
Я первая.....

АЛИНЪ, (*Жоржеть.*)

Когда бъ, — не уваженье
Къ нему... такъ я... (*замахиваясь на нее, толкаетъ Арнольфа.*)

АРНОЛЬФЪ.

Дуракъ!

АЛИНЪ.

Прошу насъ разобрать:
Она, сударь, всегда....

АРНОЛЬФЪ.

Молчать, оселъ, молчать!
Ну, что—когда отъ васъ я отъѣзжалъ въ дорогу,
Домашніе мои?...

АЛИНЪ.

Да я... я слава Богу!...
(*Арнольфъ скидаетъ съ него шляпу, которую Алинъ надѣваетъ снова.*)
Мы всѣ, сударь... (*Арнольфъ опять сбрасываетъ съ него шляпу.*)
Мы всѣ... безъ васъ здѣсь кое-какъ
Здоровы, кажется.

АРНОЛЬФЪ.

Какъ смѣешь ты, дуракъ,
Быть въ шляпѣ здѣсь?—Вотъ скотъ—часъ отъ часу глупѣе!

АЛИНЪ.

Я виноватъ-съ.

АРНОЛЬФЪ.

Зови Агнесу, поскорѣе! (*Алинъ уходитъ.*)

—

III.

АРНОЛЬФЪ, ЖОРЖЕТА.

АРНОЛЬФЪ.

Ну что, я думаю, Агнеса безъ меня
Соскучилась?

ЖОРЖЕТА.

О, нѣтъ!

АРНОЛЬФЪ.

Не можетъ быть, и я
Ужъ знаю....

ЖОРЖЕТА.

Право нѣтъ! Вѣдь я бы вамъ сказала.

АРНОЛЬФЪ.

Да какъ же!

ЖОРЖЕТА.

Барышня давно васъ поджидала,
И издали она и лошадь и осла —
И всякаго—за васъ ошибкою брала.

IV.

ТѢЖЕ, АГНЕСА, АЛИНЪ.

АРНОЛЬФЪ.

Ну, такъ! Съ работою — прошу тутъ не влюбиться!
Ты рада ли, что я изволилъ воротиться?

АГНЕСА.

Все слава Богу-съ!

АРНОЛЬФЪ.

Такъ—я самъ отмѣнно радъ!

Ну, что-жъ ты, ангелъ мой, здорова ли? На
взглядъ,
Такъ вы здѣсь безъ меня не дурно поживали?

АГНЕСА.

Не такъ чтобы... меня страхъ комары кусали.

АРНОЛЬФЪ.

Негодные! Мы ихъ прогонимъ скоро прочь.

АГНЕСА.

Какъ это-бъ хорошо.

АРНОЛЬФЪ.

Ужъ я берусь помочь.
Да что-жъ ты дѣлаешь?

АГНЕСА.

Заштопавши чулочикъ,
Вяжу вамъ колпачокъ.

АРНОЛЬФЪ.

Прекрасно, мой дружо-
чикъ!
Лишь не скучай — теперь поди себѣ домой;
Мы скоро иначе поладимъ здѣсь съ тобой.
И съ полной радостью своей достигнемъ цѣли.
(*Агнеса, Жоржета и Алинъ уходятъ въ домъ*).

—

V.

АРНОЛЬФЪ, (*одинъ.*)

Пускай всѣ модницы, мадамы и мамзели,
Которыхъ голова набита щегольствомъ,
Изволятъ хохотать надъ этимъ божествомъ;

Но я ее въ примѣръ имъ выставлю нарочно...
За то и честь... ба! ба! Да это кто? Такъ
точно...

—

VI.

АРНОЛЬФЪ, ГОРАСЪ.

АРНОЛЬФЪ.

Горасъ! какой судьбой?

ГОРАСЪ.

Возможно ль? Виноватъ...
Вы—господинъ Арнольфъ?

АРНОЛЬФЪ.

Здорово, — какъ я радъ!
Давно ли здѣсь?

ГОРАСЪ.

Дней семь.

АРНОЛЬФЪ.

Да какъ мнѣ не сказали?

ГОРАСЪ.

Я былъ у васъ, но вы куда-то уѣзжали.

АРНОЛЬФЪ.

Въ деревню,—точно такъ.

ГОРАСЪ.

Но я васъ дождался.

АРНОЛЬФЪ.

Ну, чудо, братъ! Какъ ты проворно поднялся!

Повѣришь ли, я зналъ тебя такою крошкой;
Теперь — смотри — меня не переросъ немножко!

ГОРАСЪ.

Вотъ тото-же.

АРНОЛЬФЪ.

Ну, что-жъ, скажи, мой дорогой:
Твой батюшка, мой другъ и балагуръ большой,
Что дѣлаетъ, зачѣмъ друзей позабываетъ,
Здоровъ ли онъ, и какъ живетъ да наживаетъ?
Онъ очень ужъ давно, съ тѣхъ поръ, какъ ускакалъ,
Не пишетъ мнѣ, а я, куда писать, не зналъ.

ГОРАСЪ.

Все отъ хлопотъ, — но вы за это не сердитесь;
Вотъ къ вамъ письмо, и вы съ нимъ лично помиритесь;
Онъ изъ Америки на дняхъ пріѣдетъ къ намъ.
Да я хотѣлъ спросить, ужъ не знакомъ ли вамъ
Его землякъ и другъ, который такъ счастливо
Лѣтъ въ семь въ Америкѣ, и подлинно на диво,
Имѣнье страшное умѣлъ себѣ нажить?

АРНОЛЬФЪ.

Да какъ его зовутъ? Онъ мнѣ бы долженъ быть
Знакомъ.

ГОРАСЪ.

Аристомъ.

АРНОЛЬФЪ.

Нѣтъ, припомнить бы не трудно,
Но я не слыхивалъ.

ГОРАСЪ.

А мнѣ такъ очень чудно,
Что батюшка въ письмѣ мнѣ говоритъ объ немъ,
Какъ будто онъ давно обоимъ намъ знакомъ;
Что ѣдетъ вмѣстѣ съ нимъ, что все у нихъ готово;
Но именно зачѣмъ—не пишетъ мнѣ ни слова.

АРНОЛЬФЪ.

Зачѣмъ бы ни было, лишь ихъ бы залучить,
А дѣло ужъ мое принять и угостить.

(прочитавъ письмо.)

Что за учтивости! Ей, ей, между друзьями,
Грѣхъ письма наполнять такими пустяками!
Безъ всякихъ просьбъ его, чтобъ я тебѣ помогъ,
Я за пріятнѣйшій поставлю этотъ долгъ.

ГОРАСЪ.

Я—скоръ, и изъ людей совсѣмъ нецеремонныхъ:
Нельзя ли одолжить мнѣ пятьдесятъ червонныхъ.

АРНОЛЬФЪ.

Смѣшно бъ не услужить бездѣлицей такой;
Да кстати здѣсь они случилися со мной...
Вотъ кошелекъ...

ГОРАСЪ.

Но я...

АРНОЛЬФЪ.

И! полно, мой любезный!
Скажи-ка мнѣ, каковъ нашъ городокъ прелестный?

Забравшись къ намъ, я чай, ты разомъ, какъ соколъ,
Все облетѣлъ? И что-жъ въ немъ путнаго нашелъ?

ГОРАСЪ.

Тьму жителей! Вездѣ чудесныя строенья;
А жизнь?—вы видите, я въ полномъ восхищеньи.

АРНОЛЬФЪ.

Да, правда, всякій здѣсь по своему кутитъ;
Но ужъ для васъ, лихихъ и ловкихъ волокитъ,
Здѣсь женщины... нигдѣ не встрѣтишся съ такими!
За то ужъ и мужья—пресмирные, Богъ съ ними!
Но позавидуешь супружескимъ правамъ!
Да что и говорить — я думаю, ты самъ
Успѣлъ ужъ кое-что спроказить здѣсь, плутишка?
Смѣешся! Такъ—ну что-жъ—ужъ завелась интрижка?
Такихъ молодчиковъ, какъ слухи говорятъ,
Здѣсь въ лучшихъ обществахъ знакомятъ нарасхватъ.

ГОРАСЪ.

Не утерплю, чтобъ вамъ теперь же не открыться.
И точно—я успѣлъ вѣдь не шутя влюбиться,
И видно по всему, что здѣсь на этотъ счетъ...

АРНОЛЬФЪ.

Ну, такъ, я ожидалъ! Вотъ новой анекдотъ!
Ужъ чья-то очередь?—А по всему примѣтно,
Что онъ...

ГОРАСЪ.

Я говорю вѣдь это вамъ секретно.

АРНОЛЬФЪ.

О!

ГОРАСЪ.

Въ этакихъ вещахъ, извѣстно вамъ самимъ,
Болтливостью себѣ мы ужасъ какъ вредимъ!
Но я увѣренъ въ васъ—и дружески признаюсь,
Что я ей всячески понравиться стараюсь,
И съ вѣрной помощью и денегъ, и людей,
Успѣлъ и видѣться, и объясниться съ ней.
Ну, такъ, что истинно — въ недѣлю сдѣлалъ
чудо;
И кажется—дѣла мои идутъ не худо.

АРНОЛЬФЪ.

Ну, что-жъ?

ГОРАСЪ.

Да слушайте: красавица моя
Живетъ вотъ здѣсь,—да здѣсь — и признаюсь,
что я
Изъ женщинъ не видалъ ни гдѣ такой прекра-
сной!
Хоть правду вамъ сказать, она проста ужасно;
Но въ этомъ виноватъ одинъ старикъ—злодѣй,
Запрятавшій ее нарочно отъ людей.
Но, не смотря на то, въ ней что-то есть такое
Невинное, чѣмъ мнѣ она милѣе вдвое!
Но что—божусь, ее нѣтъ средства описать...
Короче вамъ—ну, всю-бъ хотѣлъ разцѣловать!
Да можетъ быть, что вы ее видали сами?
Ее, сударь, ее.... по дружбѣ между нами,
Зовутъ Агнесою.

АРНОЛЬФЪ, (*всторону.*)
Агнесою!

ГОРАСЪ.
А онъ,
То есть, смѣшной старикъ, кому я предпочтенъ,
Какой-то де-Ласурсъ — или Ласушъ — ужасно
Ревнивъ, какъ говорятъ, а глупъ, такъ это
ясно.
Я слышалъ тьму объ немъ забавныхъ страхъ
вещей!
Онъ не знакомъ ли вамъ?

АРНОЛЬФЪ, (*всторону.*)
Нашелся же злодѣй!

ГОРАСЪ.
Что-жъ вы задумались?

АРНОЛЬФЪ.
Да, да,—его я знаю.

ГОРАСЪ.
Ну, что-жъ? Чудакъ?

АРНОЛЬФЪ.
Кто, онъ?

ГОРАСЪ.
О, я воображаю,
Что этотъ слухъ объ немъ конечно справедливъ:
То есть, что онъ и глупъ, и ужасъ какъ ревнивъ!
Тѣмъ лучше,—но за то Агнесою моею,
По справедливости, похвастаться вамъ смѣю!
И согласитеся—бѣда не велика,
Отнять ее изъ рукъ ревнивца—старика?
Но какъ бы ни было, однако-жъ мы любимы,

А деньги для интригъ всегда необходимы,
И съ вашей легкой мнѣ и дружеской руки,
(Показывая кошелекъ.)
Мы этимъ кошелькомъ все кончимъ мастерски!
Но вы молчите все! — Разсмѣйтесь, — какъ не
стыдно!

АРНОЛЬФЪ.

Ни мало!

ГОРАСЪ.

Наконецъ, чтобъ васъ не задержать—
Прощайте! — я бѣгу — и буду къ вамъ опять.

АРНОЛЬФЪ, *(всторону.)*

Злодѣй!

ГОРАСЪ, *(возвращаясь.)*

Еще прошу—оно всего нужнѣе...
На этотъ счетъ, сударь, какъ можно быть
скромнѣе.

АРНОЛЬФЪ.

Ну, вотъ и новости!

ГОРАСЪ, *(возвращаясь.)*

А болѣе всего,
Чтобъ батюшка объ томъ не слышалъ ничего.
(Уходитъ.)

АРНОЛЬФЪ, *(думая, что Горасъ опять воратился)*

Еще!..

VII.

АРНОЛЬФЪ, (*одинъ.*)

Ну, признаюсь, наслушался я въ волю!
Прекрасную сыграть мнѣ довелося ролю!
Вѣдь надобно жъ, чтобъ онъ здѣсь битыхъ полчаса
Смѣялся надо мной, и прямо мнѣ въ глаза!
Но онъ не зналъ, что я перемѣнилъ прозванье.
Какъ жаль, что, не смотря на все мое желанье,
Повѣса этотъ мнѣ не выболталъ всего!
Не утерплю! Пойду и догоню его...
Что если?—Боже мой! Молю меня избавить,
Чтобъ не узнать объ томъ, чего нельзя поправить!

—

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

I.

АРНОЛЬФЪ, (*одинъ.*)

Все къ лучшему! Я радъ—и глупо унывать,
Что мнѣ не удалось никакъ его догнать;
Съ досады, можетъ быть, болтнулось бы — и этимъ
Попалъ я не туда, куда теперь мы мѣтимъ.
И онъ хорошъ! Нашелъ наткнуться на кого!
Но пустяки—у насъ не схватишь ничего:

Моя по старинѣ воспитана Агнеса.
Но надо мнѣ узнать, какъ этотъ могъ повѣса
Такъ скоро безъ меня знакомство съ нею
свесть?
Иной бы, можетъ быть, благодарилъ за честь...
Да я-то не похожъ на этого инова.
Я мужемъ быть хочу во всемъ значеньи слова!
Такъ тутъ и не хотя за сердце заберетъ,
Какъ всякій шагъ ея прикинутъ мнѣ на счетъ.
Самъ чортъ меня носилъ! Гораздо бы умнѣе
(*Въ сердцахъ стучится въ двери.*)
Не уѣзжать! — Эй! вы!

II.

АРНОЛЬФЪ, АЛЕНЪ, ЖОРЖЕТА.

АЛЕНЪ И ЖОРЖЕТА.

А! а!

АРНОЛЬФЪ.

Сюда скорѣе!
Сюда, бездѣльники! и съ мѣста ни на шагъ.

ЖОРЖЕТА.

Ахъ, Боже мой! Меня беретъ ужасный страхъ!

АРНОЛЬФЪ.

Вы такъ-то оба мнѣ въ отсутствіе служили!
Я все узналъ! Вы мнѣ злодѣйски измѣнили.

ЖОРЖЕТА, (*падая на колѣни.*)

Помилуйте! Я все вамъ разскажу сама.

АЛИНЪ, (*всторону.*)

Ну, право быть бѣдѣ—онъ вовсе безъ ума!

АРНОЛЬФЪ, (*всторону.*)

Я въ бѣшенствѣ — нѣтъ силъ почти владѣть собою!
Но чтобъ ни стоило, а плутни ихъ открою.

(*Алинъ упадаетъ на колѣни.*)

И такъ, бездѣльники... готовьтесь на допросъ!
Вы хнычете,—да нѣтъ, теперь ужъ не до слезъ.

(*Жоржета хочетъ убѣжать.*)

Признайтеся!—А! а! ни съ мѣста, негодяйка!
Такъ безъ меня у васъ здѣсь завелася шайка?
Но я беруся васъ за это наказать.

(*Алинъ хочетъ бѣжать.*)

Винитесь, а не то... ты хочешь убѣжать!
Ни съ мѣста, плутъ! Не то васъ силою воротятъ;
Отдамъ васъ въ судъ—и васъ засудятъ и проглотятъ?
Я все узналъ! Такъ вы, плутуя здѣсь вдвоемъ,
Осмѣлились впускать ко мнѣ мужчину въ домъ?

(*Оба хотятъ убѣжать.*)

Ни съ мѣста! И сей часъ всю правду говорите.

ЖОРЖЕТА.

Скажу, скажу! Да вы меня не проглотите!

АЛИНЪ.

Я умеръ!

АРНОЛЬФЪ.

Уфъ! Съ меня катится градомъ потъ!
Нѣтъ, лучше прохожусь и сердце отойдетъ.

Кто бъ думать могъ, когда я зналъ его малют-
кой,
Что онъ мнѣ, наконецъ, отплатитъ этой шуткой?
Рѣшусь Агнесу я спросить наединѣ:
Авось по простотѣ все выболтаетъ мнѣ.
Но я взбѣшенъ, такъ тонъ мнѣ надо взять по-
ниже.
Ну, господинъ Арнольфъ! Да полно-жъ, тише,
тише!

(Алину и Жоржетъ.)

Вставайте, и ее зовите поскорѣй...
Ни съ мѣста!—Нѣтъ, они все выболтаютъ ей...
Я самъ пойду.—Дай Богъ, чтобъ ею былъ у-
тѣшенъ;
А вы—дождитесь здѣсь.— *(Уходитъ.)*

—

III.

АЛИНЪ, ЖОРЖЕТА.

ЖОРЖЕТА.

Ахъ, Богъ мой, какъ онъ бѣшенъ!

АЛИНЪ.

Вотъ то-то же,—его тотъ баринъ разсердилъ.

ЖОРЖЕТА.

Какой?

АЛИНЪ.

Да самый тотъ, который насъ дарилъ.

ЖОРЖЕТА.

Вотъ что! Да растолкуй, Алинъ, мнѣ, ради Бога,

Зачѣмъ же барышню онъ такъ содержитъ
строго!
Велитъ ее всегда почти-что запирать,
И къ ней никакъ души мужской не пропускать?

АЛИНЪ.

Отъ ревности, чортъ съ нимъ, часъ отъ часу
все злѣе!

ЖОРЖЕТА.

Что-жъ это?—Говори, пожалуйста, яснѣе.

АЛИНЪ.

Ну, это то, что онъ, ты слышишь ли, ревнивъ.

ЖОРЖЕТА.

Такъ онъ отъ радости такъ золъ и прихотливъ?

АЛИНЪ.

Конечно: ревность-то, вотъ видишь ли, Жор-
жета,
То есть... что ревность-то, такая штука это,
Которая не дастъ на мѣстѣ усидѣть.
А чтобы это все яснѣе разумѣть,
Такъ я... да не зѣвай, а слушай разсужденье.
Вотъ видишь ли — возмемъ мы что нибудь въ
сравненье:
Что если бъ кто чужой да завладѣлъ твоимъ,
Такъ ты бъ развѣдалась путемъ за это съ нимъ?

ЖОРЖЕТА.

Ну, да.

АЛИНЪ.

Изъ этого выходитъ не иное,
Какъ то, что женщина есть что нибудь такое,
Что, видишь, на душѣ у всякаго лежитъ,

И всякой человѣкъ страхъ этимъ дорожитъ.
Теперь, я думаю, ты поняла, Жоржета?

ЖОРЖЕТА.

Какъ не понять;—да здѣсь не сердятся за это.
Бывало, въ городѣ, я видѣла сама,
Вкругъ молодыхъ госпожъ мужчинъ толпится
тьма,
А вѣдь мужьямъ совсѣмъ ихъ ласки не досадны.

АЛЕНЪ.

Да не равно: не всѣ жъ, какъ баринъ нашъ,
такъ жадны:
Все по старинному... вотъ онъ!

ЖОРЖЕТА.

Ахъ, убѣжимъ.
Какъ скученъ!

АЛЕНЪ.

Отъ того, что не веселъ, чортъ
съ нимъ!

IV.

ТѢЖЕ, АРНОЛЬФЪ.

АРНОЛЬФЪ.

Я слѣдую того ученаго примѣру,
Который говорилъ, что вспыльчивымъ не въ
мѣру
Въ сто разъ полезнѣе, чѣмъ ссору вдругъ за-
весть,
Такъ молча наизустъ всю азбуку прочесть.

Такого правила не худо придержаться;
И, вызвавши сюда Агнесу, прогуляться,
Какъ будто невзначай, узнаю отъ самой,
Какъ познакомился повѣса съ нею мой.
Мнѣ только въ ней одной надежда остается.
Проста, Богъ съ ней—и мнѣ навѣрно проболт-
нется.

(Дѣлаетъ знакъ Алину и Жоржетѣ, чтобъ они ушли.)

—

V.

АРНОЛЬФЪ, АГНЕСА.

АРНОЛЬФЪ.

Сюда, сюда, мой другъ, отъ солнышка подъ
тѣнь.
Гулянье славное.

АГНЕСА.

Да, славное!

АРНОЛЬФЪ.

И день
Хорошъ.

АГНЕСА.

Хорошъ-съ.

АРНОЛЬФЪ.

Вотъ, я къ тебѣ, мой
другъ, явился
Что-жъ новаго?

АГНЕСА.

Ахъ, мой котеночекъ убился!

АРНОЛЬФЪ.

Мнѣ очень жаль, мой другъ, но это не бѣда:
Пожить и умереть мірская череда.
Ну, что же, безъ меня скучала ты, я чаю?

АГНЕСА.

О, нѣтъ! Я никогда, ей Богу, не скучаю.

АРНОЛЬФЪ.

Да что же дѣлала ты, милый мой дружокъ?

АГНЕСА.

Я пару цѣлую связала вамъ чулокъ.

АРНОЛЬФЪ.

Агнеса! Я хочу потолковать съ тобою.
На свѣтѣ часто мы встрѣчаемся съ бѣдою,
И ближній ближнему здѣсь всячески вредятъ.
Представь же ты себѣ,—сосѣди говорятъ,
Что будто безъ меня какой-то здѣсь повѣса
Прихаживалъ къ тебѣ, любезная Агнеса,
И именно тайкомъ, въ калитку черезъ садъ.
Я вѣрить не хочу—и бьюся объ закладъ,
Что злые языки тебя оклеветали.

АГНЕСА.

Ахъ нѣтъ, не бейтеся, вамъ право не солгали!

АРНОЛЬФЪ.

Такъ мнѣ не солгано?

АГНЕСА.

Я увѣряю васъ,
Онъ эти дни почти не выходилъ отъ насъ.

АРНОЛЬФЪ, (*въ сторону.*)

Вотъ ангелъ-то: во всемъ въ минуту мнѣ призналась!

И то сказать—когда невинность притворялась?
(*Агнесѣ.*)
Но кажется, мой другъ, когда я не забылъ,
Я принимать чужихъ вамъ строго запретилъ?

АГНЕСА.

Да, это такъ; но вы когда бъ его узнали,
Вы вѣрно бы его и сами обласкали.

АРНОЛЬФЪ.

Все можетъ быть, да какъ онъ видѣлся съ то-
бой?

АГНЕСА.

Вотъ это и смѣшно, и чудно мнѣ самой.
Безъ васъ разъ подъ вечеръ, накинувши плато-
чикъ,
Я сѣла на балконъ и штопала чулочикъ;
Вдругъ вижу, что одинъ мужчина мимо насъ
Все ходитъ—и съ меня почти не сводитъ глазъ,
Потомъ сталъ кланяться; мнѣ сдѣлалось страхъ
стыдно;
Но изъ учтивости, чтобъ не было обидно,
Я также, поклонясь, привстала на балконъ.
Онъ ближе подошелъ и снова мнѣ поклонъ,
Я то же,—онъ опять, и сдѣлавшись смѣлѣе,
Мы стали кланяться другъ другу веселѣе.
Онъ все высматривалъ, ходилъ и всякій разъ,
Къ балкону подойдя, мнѣ кланялся тотчасъ.
А я, какъ глазъ съ него все время не спускала,
Такъ онъ все кланялся, а я все присѣдала;
И если бы меня не испугала ночь,

Я вѣрно бъ не ушла никакъ съ балкона прочь,
Чтобъ этотъ господинъ и милой, и шутливой
Увѣренъ былъ, что я умѣю быть учтивой.

АРНОЛЬФЪ.

Ну что жъ?

АГНЕСА.

Лишь ночь прошла, откуда не взялась
Старушка къ намъ одна, и обласкавши насъ,
Здорово, молвила, дѣвица молодая.
Но любо посмотрѣть, красавица какая!
Но ты, сударыня, на то ли разцвѣла,
Чтобъ прелестью своей надѣлать столько зла?
Такъ знай же, что вчера, съ намѣреньемъ конечно,
Ты сердце ранила одно безчеловѣчно!

АРНОЛЬФЪ, (*въ сторону.*)

О вѣдьма старая! Развратница дѣтей!

АГНЕСА.

Я сердце ранила? я отвѣчала ей.
Да, да, сударыня, и вовсе безъ причины,
Ты сердце ранила вчерашняго мужчины!
Ахъ, Богъ мой! Невзначай за ласки всѣ его
Неужто что нибудь я бросила въ него?
О нѣтъ! сказала мнѣ старушка, чуть не плача:
Ужъ видно такова несчастнаго удача.
А, впрочемъ, это зло и эти чудеса,
Надѣлали твои злодѣйскіе глаза.
Ахъ, Богъ мой! Неужли, спросила я съ слезами:
Я точно родилась съ злодѣйскими глазами?

Да, да, сударыня, въ нихъ скрытъ какой-то
ядъ:
Кто всмотрится въ тебя, тотъ самъ тому не
радъ;
И такъ, болѣзнь его, ты видишь, не игрушка.
Къ тому жъ, примолвила мнѣ добрая старушка:
Когда онъ и въ тебѣ надежды не найдетъ,
Такъ этотъ человѣкъ навѣрное умретъ.
О нѣтъ! сказала я: за это Богъ накажетъ!...
Но чтобъ помочь ему, что-жъ дѣлать онъ при-
кажетъ?
Ахъ! отвѣчала мнѣ старушка: мой больной
Лишь хочетъ вечеркомъ увидѣться съ тобой,
И средства попросить, которымъ, безъ сомнѣнья,
Избавишь ты его отъ этого мученья.
И такъ, сказала я: что-жъ это за бѣда!
Пожалуй,—приходить онъ можетъ къ намъ
всегда.

АРНОЛЬФЪ, (*въсторону.*)

Ахъ! если бы съ тобой мнѣ, старой сатаною,
Да встрѣтиться — ужъ ты бъ раздѣлалась со
мною!

АГНЕСА.

Онъ началъ къ намъ ходить и сдѣлался здо-
ровъ.
Я рада всякому помочь—мой нравъ таковъ;
Разжалобясь, божусь, добрѣе я ребенка.
Мнѣ даже жаль, когда зарѣжутъ и цыпленка.

АРНОЛЬФЪ, (*всторону.*)

Все это истинно отъ лишней доброты!
И дѣвка, и слуга ужасные скоты!

Я самъ глупецъ—ее оставилъ безъ защиты!
И подѣломъ—за то вотъ модные визиты!
Боюсь однако-жъ я, и право будетъ жаль,
Когда онъ залетѣть изволилъ слишкомъ вдаль.

АГНЕСА.

Вы что-то сердитееь—скажите жъ, что такое?
Неужли что нибудь я сдѣлала дурное?

АРНОЛЬФЪ.

О! ничего,—теперь я думалъ не о томъ.
А что жъ... онъ не скучалъ съ тобою быть въ
двоемъ?

АГНЕСА.

О, нѣтъ! Онъ чувствовалъ все легче по немногу,
И сталъ совсѣмъ здоровъ, — да, да—здоровъ,
ей Богу!
Онъ сдѣлалъ мнѣ потомъ подарочекъ одинъ,
И деньги бралъ съ него съ Жоржетою Алинъ.
Ахъ, какъ онъ добръ! Его вы вѣрно бъ по-
любили!

АРНОЛЬФЪ.

Не иначе; да вы... что жъ съ нимъ поговорили?

АГНЕСА.

О, много!—Я всего запомнить не могла:
Онъ говорилъ, что я ужасно какъ мила!

АРНОЛЬФЪ.

Все такъ; да съ нимъ когда въ двоемъ вы
оставались,
Что-жъ дѣлали?—И чѣмъ отъ скуки занимались?

АГНЕСА.

Онъ выпросилъ, ему чтобъ подарила я
Ту ленточку, что вы купили для меня.

АРНОЛЬФЪ.

О, что до ленточки — такъ провались онъ съ нею!
Я радъ, что этому не удалось злодѣю
Надѣлать болѣе — тебя чтобъ обмануть.

АГНЕСА.

Мнѣ услужить ему хотѣлось чѣмъ нибудь!

АРНОЛЬФЪ.

И хуже ничего случиться не могло?
Но дѣлать нечего—что было, то прошло.
Вся эта молодежъ ужасные злодѣи!
Обманывать—вотъ ихъ всегдашнія затѣи.

АГНЕСА.

Нѣтъ, онъ божился мнѣ, что можетъ быть судьба
Нарочно...

АРНОЛЬФЪ.

Это вздоръ! Что значитъ ихъ божба!
Но знай, сударыня, что вовсе безъ причины,
Подарки принимать отъ всякаго мужчины
И позволять себя дурачить имъ на смѣхъ,
Ласкать и цѣловать—такой ужасный грѣхъ,
Что послѣ этого—хоть откажись отъ свѣта!

АГНЕСА.

Ужасный грѣхъ! Какъ жаль! Да почему жъ бы это?

АРНОЛЬФЪ.

Вотъ новое еще! Ну, просто потому,
Что этого прощать не должно никому!

АГНЕСА.

Не должно?—Боже мой! Мнѣ право непонятно,
То запрещать, что намъ такъ мило и пріятно!

АРНОЛЬФЪ.

Безъ объясненія—чтобъ это разрѣшить,
Такъ надобно тебѣ замужствомъ поспѣшить.

АГНЕСА.

Замужствомъ?—Неужли?

АРНОЛЬФЪ.

Ну, да,—тогда вольнѣе...

АГНЕСА.

Такъ выдайте жъ меня вы за-мужъ поскорѣе!

АРНОЛЬФЪ.

Не унывай — придетъ и наша череда;
И именно за тѣмъ вернулся я сюда.

АГНЕСА.

Неужли?

АРНОЛЬФЪ.

Да, за тѣмъ.

АГНЕСА.

За тѣмъ? Ахъ, какъ я рада!

АРНОЛЬФЪ.

Такъ по рукамъ — вотъ такъ! Намъ этого и надо.

АГНЕСА.

Такъ стало вы женить согласны точно насъ?

АРНОЛЬФЪ.

Да.

АГНЕСА.

Благодарствуйте! Я разцѣлую васъ!

АРНОЛЬФЪ.

Я цѣловаться радъ самъ цѣлый вѣкъ съ тобою!

АГНЕСА.

Да нѣтъ, вы, можетъ быть, смѣетесь надо мною.
Скажите!

АРНОЛЬФЪ.

Нѣтъ! И что-жъ божиться двадцать разъ?

АГНЕСА.

Мы женимся!—Когда жъ?

АРНОЛЬФЪ.

Пожалуй, хоть сей часъ.

АГНЕСА, (*смѣючись.*)

Сей часъ!

АРНОЛЬФЪ.

Ну что-жъ?—Смѣшно и весело, плутовка?

АГНЕСА.

Да-съ, очень!

АРНОЛЬФЪ.

Прелести! И глазки, и головка!

АГНЕСА.

Я словъ не наберу, чтобъ васъ благодарить!
За то я отъ души васъ буду съ нимъ любить!

АРНОЛЬФЪ.

Какъ съ нимъ?

АГНЕСА.

Да, съ нимъ.

АРНОЛЬФЪ.

Ты врешь—и я слуга покорный—
Ты слишкомъ выбирать изволишь ужъ проворно.
Не этотъ негодяй, другой—и словомъ я,
Вотъ мужъ, назначенный подаркомъ для тебя!
Что до него—такъ онъ здѣсь попусту хлопочетъ;
Онъ можетъ и хворать, и умирать, какъ хочетъ.
Все кончено—и ты ни слова съ нимъ теперь.
Лишь явится—ему захлопни подъ носъ дверь,
И изъ окна швырни въ него, да въ самомъ дѣлѣ,
Хоть чѣмъ ни попади, лишь было бъ потяжелѣ,
Чтобъ на вѣкъ къ намъ ему дорога залегла.
А я—все высмотрю отсель изъ-за угла.

АГНЕСА.

За что-жъ?—Да онъ такой хорошенькой!

АРНОЛЬФЪ.

Ни слова!

АГНЕСА.

Да какъ же мнѣ?

АРНОЛЬФЪ.

Велятъ,—и не болтать пустова;
Сейчасъ на верьхъ — и сѣсть въ минуту за шитье.

АГНЕСА.

Мнѣ право жаль его!

АРНОЛЬФЪ.

Ты все-таки свое!

АГНЕСА.

Помилуйте! за что-жъ я съ нимъ должна по-
драться?

АРНОЛЬФЪ.

Молчать тебѣ велятъ.... извольте убираться!

—

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

I.

АРНОЛЬФЪ, АГНЕСА, АЛИНЪ, ЖОРЖЕТА.

АРНОЛЬФЪ.

Теперь-то, наконецъ, я въ полномъ восхищеньѣ,
Вы славно кончили мое препорученье!
Повѣсы нашего простылъ въ минуту слѣдъ!
И вотъ къ чему ведетъ насъ опытный совѣтъ.
А ты, по простотѣ, которой такъ ввѣрялась,
Ты страшной гибели, Агнеса, подвергалась!
И вѣрно безъ меня, чему я страхъ не радъ,
По глупости бъ своей попалась прямо въ адъ!
Мнѣ этихъ волокитъ извѣстны всѣ уловки:
По виду, такъ они и вѣжливы, и ловки,
Любезны, вкрадчивы, разряжены всѣ въ пухъ!
Да въ нихъ-то и сидитъ за то нечистый духъ!
И эти молодцы, какъ люди увѣряютъ,
Сильнѣе дьявола невинность обольщаютъ!

Но дѣло кончено, и кажется, что ты
Удачно въ этотъ разъ спаслася отъ бѣды,
И камнемъ, что въ него ты изъ окна пустила,
За дерзости путемъ повѣсѣ отплатила;
А я за это все, для милаго дружка,
Сегодня жъ на лицо представлю муженька.
Но прежде надобно, невѣстѣ въ наставленьѣ,
Одно умнѣйшее прочесть нравоученье.

(*Алину и Жоржетѣ*)

Скорѣе стулъ сюда! — но если вы впередъ...

ЖОРЖЕТА.

Нѣтъ, этотъ господинъ ужъ вѣрно не придетъ!
И насъ ему теперь ни чѣмъ не озадачить.

АЛИНЪ, (*ставя стулъ.*)

Нѣтъ, мы не таковы, чтобъ можно насъ дурачить.

АРНОЛЬФЪ.

Ну, ну, ступайте же. (*Алину.*) Ты сбѣгай, чтобъ пришолъ
Ко мнѣ нотаріусъ. (*Жоржетѣ.*) А ты накрой намъ столъ.

—

II.

АРНОЛЬФЪ (*сидя*), **АГНЕСА**.

АРНОЛЬФЪ.

Ну, подожди жъ; дошьешь потомъ свою обновку;
Оборотись ко мнѣ и подыми головку.
Ну, слушай же, и все, что буду говорить,

Ты это наизустъ старайся затвердить.
И такъ, вотъ мужъ, тебѣ назначенный судьбою.
Поздравь себя, мой другъ, съ находкою такою!
Ты вспомни бѣдность ту, въ которой рождена,
И какъ ты, наконецъ, тщеславиться должна,
Перемѣняя вдругъ названіе крестьянки,
На титло пышное почтеннѣйшей дворянки!
И дѣлаясь женой такого изъ мужей,
Который всѣхъ невѣстъ былъ записной злодѣй!
Который вѣтренницъ, какъ язвы убѣгаетъ,
И честь избранія — тебѣ предоставляетъ!
Такъ, повторяю я, не забывай — повѣрь,
Что ты была и чѣмъ становишься теперь.
Чтобъ эта мысль была всѣхъ дѣлъ твоихъ на-
чаломъ,
Чтобъ хлѣба мужнина не кушала ты даромъ,
И видѣвши, какъ святъ тебѣ хозяйки долгъ,
Я счастью бъ твоему раскаяться не могъ.
Супружество совсѣмъ, по нашему, не шутка;
Оно цѣной любви, покорности, разсудка.
И за-мужъ ты теперь не для того идешь,
Чтобъ время убивать и тѣшить молодежъ.
Вашъ полъ, сударыня, рожденъ къ услугамъ
нашимъ,
И тутъ ужъ ни гугу—а дѣлать, что прикажемъ,
Хоть ближе, кажется, нѣтъ мужа и жены,
Но все-таки они нисколько не равны.
И сильный слабому всегда путеводитель:
Жена работница, а мужъ распорядитель.
Предъ властью нашею всѣ прочія молчатъ.
И власть начальниковъ надъ кучами солдатъ,

Отцовъ надъ ихъ дѣтьми, господъ надъ ихъ слугами,
И всѣхъ профессоровъ надъ ихъ учениками,
Все вздоръ!—И эту власть не думай ты совсѣмъ
Равнять съ покорностью и уваженьемъ тѣмъ,
Которыя жена должна имѣть къ супругу,
Къ отцу ея, главѣ, властителю и другу!
Когда онъ на нее сердитый броситъ взглядъ,
Извольте потупить глаза, вамъ говорятъ.
И ты не иначе сквитаешься съ ошибкой,
Когда онъ процвѣтетъ супружеской улыбкой.
Я знаю, модницамъ все это страхъ смѣшно;
Но дурамъ подражать и глупо, и грѣшно!
И ты, не насмотрясь ихъ пагубныхъ примѣровъ,
Не станешь глазками тревожить кавалеровъ.
Ты знай, что выбравши тебя моей женой,
Ввѣряю я тебѣ и честь, и мой покой.
А иначе — въ аду есть огненныя рѣки,
Чтобъ вѣтренницъ туда спроваживать на вѣки.
Да, да, и это все не нянюшкинъ разсказъ;
Напротивъ, правила нужнѣйшія для васъ,
И если ты пойдешь сей нравственной стезею,
Душа твоя, какъ снѣгъ просвѣтитъ бѣлизною;
Но если попадешь, къ несчастью, въ модный кругъ, —
Душа твоя, какъ смоль, вся почернѣетъ вдругъ!
Ты изъ хорошенькой покажешься прескверной,
Добычей сатанѣ достанешься навѣрно,
И вотъ какъ, наконецъ, погубишь ты себя.
Но Боже сохрани отъ этаго тебя!

Благодари жъ, присядь — да кстати, въ заклю-
ченье,
Есть у меня съ собой въ карманѣ наставленье.
Ужъ чудо! Безъ него не обойтись никакъ.
Не знаю, кто писалъ, а видно не дуракъ.
Ты много кой чего тутъ нужнаго узнаешъ.
Возьми, прочти... ужъ ты не дурно разбираешь.

АГНЕСА (*читаетъ.*)

ПРАВИЛА СУПРУЖЕСТВА

или

ОБЯЗАННОСТИ ЗАМУЖНЕЙ ЖЕНЩИНЫ.

Правило 1-е.

Изъ женщинъ каждая, чтобъ счастье увѣнчать
Супруга дорогаго,
Должна всегда предполагать,
Что мужъ беретъ себѣ жену.... не для другаго.

Правило 2-е.

Ей должно одѣваться,
Какъ хочетъ мужъ, чтобъ восхищаться
Онъ вѣкъ не переставъ любезною женой,
Ей святы быть должны всѣ прихоти такія,
И не смотря на то, что, можетъ быть, другіе
Найдутъ ее—и странной и дурной.

Правило 3-е.

Отъ всѣхъ на свѣтѣ умыванiй,
Помадъ, румянъ и притиранiй,

Какъ средства вѣрнаго скорѣе подурнѣть,
Ей также должно отказаться;
И страсть — прекраснѣе казаться,
Не значитъ ли—другимъ понравиться хотѣть?

Правило 4-е.

Вездѣ, гдѣ бъ ни было, нѣтъ нужды никакой
Ей слишкомъ щедрой быть на глазки;
А то извѣстны эти ласки:
Начнется глазками, а кончится бѣдой.

Правило 5-е.

Ей кромѣ мужниныхъ гостей,
Никакъ по прихоти своей,
Не должно знаться ни съ душою,
И тотъ, отъ мужа кто тайкомъ
Знакомится съ женою,
Супругу бѣдному есть истиннымъ врагомъ.

Правило 6-е.

Чтобъ письменно чего не проболтать,
Женѣ съ перомъ нѣтъ нужды знаться;
И мужъ самъ можетъ за нее писать
И объясняться.

Правило 7-е.

Подарки отъ мужчинъ должна она считать
Для мужа роковымъ ударомъ;
Оно легко, конечно, взять....
Но нынче — не возмешь ужъ даромъ.

Правило 8-е.

Замужней женщинѣ — и больше молодой
Избави Богъ! въ картёжъ пускаться.
Картежная игра есть общества чумой.
Въ нее такъ можно заиграться,
Что иногда придется расквитаться
Для мужа бѣднаго — убійственной цѣной!

Правило 9-е.

Собранья важныя съ жеманнымъ этикетомъ.
Которыя у насъ большимъ зовутся свѣтомъ,
На то заведены, чтобъ женщинъ баловать.
Ихъ должно бъ запретить всей строгостью законовъ;
А то — мужей Амфитріоновъ....
И такъ почти не сосчитать.

Правило 10-е.

Ей должно убѣгать отъ всѣхъ гуляній,
Сюрпризовъ, завтраковъ, катаній,
Какъ сущихъ прихотей.—И многіе къ тому жъ
Не безъ причины замѣчаютъ:
Что мужа, кажется, и даромъ угощаютъ,
Но рано ль, поздно ли, расплатится и мужъ.

Правило 11-е.

АРНОЛЬФЪ, (*останавливая Агнесу.*)

Довольно! Это все, какъ истину святую,
Современемъ тебѣ я лучше растолкую.
Теперь я объ другомъ, мой другъ, похлопочу,

И, кончивши, къ тебѣ въ минуту прилечу.
Ступай, — и женишку старайся въ угожденье
Получше вытвердить — вотъ это наставленье.

—

III.

АРНОЛЬФЪ (*одинъ.*)

Ну кто бы отыскать могъ лучшую жену?
Я эту какъ хочу — въ минуту поверну,
Она какъ воскъ — и тутъ все на-чисто ужъ
видно.
Одно мнѣ, признаюсь, ужасно какъ обидно,
Что эта безъ меня случилась съ ней бѣда!
Но лучше съ простоты попасться иногда.
Мы какъ-то къ этому всѣ больше равнодушны.
Я дурочекъ люблю за то, что страхъ послушны;
И если иногда проштрафятся кой въ чемъ,
Такъ слова два... опять пойдутъ своимъ путемъ.
Но женщина съ умомъ совсѣмъ другое дѣло:
Готовься мужъ на все, чего бъ ни захотѣла!
Остановить ее не смѣй ни въ чемъ, никакъ.
Совѣты, правила — ей это все пустякъ!
Во чтобъ ни стоило, а на своемъ поставитъ.
Чортъ знаетъ, съ кѣмъ и какъ знакомиться
заставитъ,
И о пріятеляхъ никакъ не хлопочи.
И словомъ, бѣдный мужъ крѣпися, да молчи!
За то ужъ съ навыка молчать иные славно!
Однако-жъ, между тѣмъ, вѣдь истинно забавно,

Что онъ-то обо всемъ да мнѣ же говоритъ!
Вотъ слабость общая всѣхъ нашихъ волокитъ!
Интриги ни одинъ порядочно не скроетъ.
И каждой ихъ секретъ ужасно безпокоитъ,
Ну такъ, что многіе, чтобъ славу поддержать,
Скорѣй повѣсятся, чѣмъ все не разболтать!
А нравятся!—И вотъ что истинно обидно!
О женщины! Какъ вамъ, сударыня, не стыдно!
Но кто-то.... это онъ! Прикинемся опять!
Какъ пріунылъ! — Да я берусь все узнать.

—

IV.

АРНОЛЬФЪ, ГОРАСЪ.

ГОРАСЪ.

Я былъ сей часъ у васъ, — но это ужъ без-
божно!
Васъ дома заставать, ей Богу не возможно.
Но какъ бы ни было, а я не утерплю
Чтобъ васъ....

АРНОЛЬФЪ.

Къ чему! Я страхъ визитовъ не люблю.
И церемоніи, мѣшая быть знакому,
Годятся убивать лишь время по пустому.
Ну что же, каково проказишь между тѣмъ?
Нельзя ли эдакъ васъ поздравить кое съ чѣмъ?
Въ тотъ разъ я отъ хлопотъ былъ право въ
страшномъ горѣ!
Но послѣ, вспомнивши объ нашемъ разговорѣ,

Былъ дружески твоимъ успѣхомъ восхищенъ,
И за довѣренность ужасно одолженъ.

ГОРАСЪ.

Я васъ благодарю за доброе участье;
Но знаете, со мной случилося несчастье.

АРНОЛЬФЪ.

Э! э!

ГОРАСЪ.

Вотъ то-то же.

АРНОЛЬФЪ.

Да говори жъ, шалунъ!

ГОРАСЪ.

Представьте же — ея пріѣхалъ опекунъ!

АРНОЛЬФЪ.

Вотъ что!

ГОРАСЪ.

И надобно жъ, чтобъ удалось злодѣю
Узнать всю связь — и я съ ней видѣться не смѣю.

АРНОЛЬФЪ.

Да, страшно! кто жъ ему могъ это разсказать?

ГОРАСЪ.

Не знаю, только онъ изволилъ все узнать!
Вотъ съ часъ тому, какъ я въ пріятномъ ожиданьѣ,
Имѣть съ прелестною Агнесою свиданье
Пришелъ сюда, какъ вдругъ служанка и лакей
Ну съ дракою меня встрѣчаютъ у дверей
И оба: прочь, да прочь! — да вы намъ надоѣли...
Хлопъ подъ носъ дверь, и въ верьхъ въ минуту улетѣли!

АРНОЛЬФЪ.

Ужъ подъ носъ?

ГОРАСЪ.

Да, сударь.

АРНОЛЬФЪ.

Не весело оно!

ГОРАСЪ.

Мнѣ показалося вдругъ это мудрено.
Я спрашивать, и что-жъ? Съ трудомъ въ отвѣтъ добился:
Ну не велятъ, пошолъ, нашъ баринъ воротился.

АРНОЛЬФЪ.

И все не отперли?

ГОРАСЪ.

О нѣтъ! Да и она
Мнѣ то же самое, и съ верьху изъ окна
За нами въ слѣдъ меня порядкомъ припугнула,
И камень подхватя, тотчасъ въ меня швырнула.

АРНОЛЬФЪ.

Ужъ камнемъ! Неужли?

ГОРАСЪ.

Да только дѣло въ томъ,
Что это велѣно ей вѣрно старикомъ.

АРНОЛЬФЪ.

Тьфу къ чорту! Этого и вытерпѣть нѣтъ силы!
И мнѣ тебя ей, ей, ужасно жаль, мой милый.

ГОРАСЪ.

Я этимъ огорченъ, божусь вамъ, отъ души!

АРНОЛЬФЪ.

Швырять каменьями! Вотъ шутки хороши!

ГОРАСЪ.

Я въ страшной горести?

АРНОЛЬФЪ.

Напрасно... надо смѣло
Настаивать—авось, поправится все дѣло.

ГОРАСЪ.

А что, и подлинно! Вѣдь это можетъ быть,
И почему жъ его нельзя перехитрить?

АРНОЛЬФЪ.

Оно легко, а ты ей милъ, все это ясно.

ГОРАСЪ.

Конечно.

АРНОЛЬФЪ.

Ну такъ что-жъ,—все кончится пре-
красно!

ГОРАСЪ.

Надѣюсь.

АРНОЛЬФЪ.

Сверхъ того... хоть камышкомъ она
И бросила....

ГОРАСЪ.

Она была принуждена,
И я на этотъ счетъ вамъ честь даю въ поруки,
Что это видимо — все стариковы штуки.
Но я васъ удивлю теперь совсѣмъ другимъ:
Такою хитростью, что вѣрно вамъ самимъ
Покажется она прелестной, пресмѣшною!
И ужъ совсѣмъ съ ея несродной простотою.
Ахъ, подлинно любовь перерождаетъ насъ,
И выучитъ хитрить влюбленнаго тотчасъ.

Любезность, ловкость въ немъ рождаются не-
вольно,
И дѣлаетъ изъ насъ—ну чудо, да и полно!
Изъ труса, посмотрѣть, вдругъ явится храбрецъ!
Изъ скряги страшный мотъ! изъ дряни моло-
децъ!
Любовь живитъ сердца, насъ дѣлаетъ смѣлѣе,
И даже дурочекъ научитъ быть умнѣе.
Все это сдѣлалось съ Агнесою моей!
Божуся вамъ! Когда я разлетѣлся къ ней,
Вдругъ разкричавшися: да какъ вы это смѣли!
Подите прочь, и такъ вы намъ ужъ надоѣли!
Тотъ камень, помните... смѣялись вы чему,
Былъ выброшенъ—съ письмомъ, привязаннымъ
къ нему.
Ну что-жъ, сударь, и васъ оно не удивляетъ?
Ну, каково любовь людей перерождаетъ?
И послѣ этого браните насъ повѣсъ!
Скажите, что любовь не дѣлаетъ чудесъ?
А что смѣшно, и я нахохотался въ волю!
Какую глупую старикъ игралъ тутъ ролю!
Не правда ли?

АРНОЛЬФЪ.

Да, да!

ГОРАСЪ.

Посмѣйтесь же со мной!

(*Арнольфъ смѣется принужденно.*)

Но какъ вамъ кажется? Онъ долженъ быть пре-
злой.
Любовь моя—его прогнѣвала ужасно!
По моему—оно и глупо, и напрасно,

Бѣситься, прятаться, весь домъ вооружать,
Какъ будто я его хочу заштурмовать.
Вообразите жъ вы его теперь ужимки...
Какъ онъ командуетъ подъ шляпой невидимки,
Но какъ я отъ души надъ нимъ ни хохочу,
А попусту почти, ей Богу, хлопочу!
Да смѣйтесь же, какъ такъ серьезничать безбожно!

АРНОЛЬФЪ.

О нѣтъ! Я истинно смѣюся сколько можно.

ГОРАСЪ.

Теперь я покажу ея вамъ письмецо.
Какая искренность! Вотъ чувства на лицо!
Оно написано хоть просто, но прелестно!
Ей мысли украшать искусство неизвѣстно.
Тутъ все разсказано, какъ сердце ей велитъ,
Такъ отъ души—когда любовь заговоритъ!

АРНОЛЬФЪ, (*всторону.*)

Такъ вотъ, негодница, въ чемъ ваши упражненья!
Ты самоучкою пустилась въ сочиненья!

ГОРАСЪ.

Послушайте жъ.

(*Читаетъ.*) «Я хочу вамъ писать, но право «не знаю, какъ это сдѣлать? Я бы желала, «чтобъ вы много, очень много отъ меня узна-«ли, но не понимаю, съ чего начать, и право «сама недовольна своими словами. — Я вижу, «что меня ничему не учили, и отъ этого еще «больше боюсь писать что нибудь не такъ, или «сказать то, чего бы не должно. Божусь вамъ,

«я не понимаю, что вы со мною сдѣлали! Но «мнѣ очень жалко, что меня заставляютъ на «васъ сердиться; я чувствую, что мнѣ безъ «васъ страхъ скучно, и я бы очень была рада «быть вашею. Можетъ быть, не хорошо гово-«рить это; но я не могу не признаться: меня «увѣряютъ, что вы, молодые мужчины, обман-«щики, и все, что вы мнѣ ни говорили, это для «того только, чтобъ меня обмануть.—Не прав-«да, я этому не вѣрю, и мнѣ такъ было пріят-«во васъ слушать, что думать не хочу, чтобъ «вы солгали. — Пожалуйста признайтесь мнѣ, «точно ли это такъ? Я право добра, и вамъ «будетъ очень, очень грѣшно, если меня обма-«ните, и я думаю, что я тогда умру съ печали.»

АРНОЛЬФЪ, (*всторону.*)

Вотъ что!

ГОРАСЪ.

Что съ вами?

АРНОЛЬФЪ.

Такъ, ужасно
Разкашлялся!

ГОРАСЪ.

И такъ, признайтесь безпристрастно:
Ну что невиннѣе, милѣе можетъ быть?
Такъ просто, искренно все это объяснить!
И сердцо доброе не ясно ли тутъ видно?
И тѣмъ-то болѣе, не правда ли, обидно,
Что въ ней, какъ чувствуетъ теперь она сама,
Стараются убить способности ума!

Но къ счастію, любовь все, можетъ быть, по-
правитъ.
И если да судьба возможность мнѣ доставитъ,
Такъ я надѣюся, что этотъ негодяй,
Мучитель, скотъ, глупецъ, злодѣй...

АРНОЛЬФЪ.

Прощай! Прощай!

Куда же вы?

АРНОЛЬФЪ.

Сей часъ одно я вспомнилъ дѣло,
И нужно хлопотать, хоть очень надоѣло!

ГОРАСЪ.

Какъ жаль! Но я еще прошу васъ объ одномъ:
Скажите, какъ бы мнѣ поладить съ старикомъ?
Я съ вами говорю на этотъ счетъ открыто;
Но вы, какъ другъ, должны мнѣ въ этомъ
быть защитой.
А участь мнѣ ея, ей Богу, дорога!
И надо жъ на бѣду, чтобъ дѣвка и слуга,
Къ которымъ всячески хотѣлъ я приласкаться,
Такъ имъ напуганы, что рады хоть подраться.
До васъ, такъ у меня для этого была
Одна знакомая, да жаль, что умерла!
А подлинно была искусная старушка!
Ей это смастерить казалось бы игрушкой.
Но кончено — такъ вы, какъ истинный мнѣ
другъ...,

АРНОЛЬФЪ.

Ты самъ придумаешь, мнѣ право недосугъ!

ГОРАСЪ.

Прощайте жъ! Жаль, успѣхъ не слишкомъ
нашъ удаченъ!

—

V.

АРНОЛЬФЪ, (*одинъ.*)

О Боже мой! За что-жъ я эдакъ одураченъ?
Кто бъ больше моего могъ бѣшенство тутъ
скрыть?
Невинность! И со мной такъ дьявольски хитрить!
Ну съ роду ни какой не знавши переписки,
Осмѣлиться писать любовныя записки!
Я чувствую, что я рѣшительно убитъ.
Не даромъ проклиналъ я этихъ волокитъ!
Негодница въ него влюбилась безъ сомнѣнья!
Я философствовалъ—писалъ ей наставленья,
Училъ, берегъ ее, и—все забыто вдругъ!
То мало, что ее повѣса рветъ изъ рукъ:
Негодница меня срамитъ предъ цѣлымъ свѣ-
томъ,
И дѣлаетъ меня посмѣшища предметомъ!
Не спорю,—чтобы ей за это отомстить.
Мнѣ стоитъ, броса все, измѣнницу забыть:
Ихъ страстью глупою всего скорѣй погубишь;
Но слишкомъ горестно то потерять, что лю-
бишь!
За что же наконецъ, я долженъ, Боже мой!
Быть одураченнымъ — дурафьею такой!

Глупецъ! стыдись, какимъ ты вздоромъ озабо-
ченъ!
Да, да! Я надавать готовъ себѣ пощечинъ,
Но все-таки ее не въ силахъ разлюбить!
Пойдемъ негодницу въ злодѣйствѣ уличить!
Посмотримъ, каково свою сыграетъ ролю?
Но я ее во всемъ признаться приневолю.
Мой Богъ! За что-жъ тащусь я въ модные
мужья?
Но если обойтись безъ этого нельзя,
Будь милостивъ! услышь хоть разъ мое мо-
ленье:
Пошли ты мнѣ—другимъ подобное терпѣнье!

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

I.

АРНОЛЬФЪ, (*одинъ.*)
Нѣтъ силы! Голова моя идетъ кругомъ!
И въ страшныхъ хлопотахъ лишь думаю объ
томъ,
Что какъ бы это все искусно такъ уладить,
Чтобъ разомъ навсегда злодѣя мнѣ спровадить.
Ну признаюсь, хорошъ мнѣ сдѣланъ былъ пріе-
емъ!
Зарѣзавши меня съ повѣсою въ двоемъ,
Когда со всѣхъ сторонъ злодѣйка виновата,
Изволитъ умничать со мной за панибрата.

И что-жъ?—глупецъ! Когда себя я забывалъ,
Кричалъ, стучалъ, бранилъ ее и проклиналъ,
И словомъ, наконецъ, былъ въ бѣшенствѣ ужасномъ,
Въ измѣнницѣ мнѣ все казалось распрекраснымъ!
Я ею никогда такъ не былъ восхищенъ!
И вижу, что въ нее я по уши влюбленъ!
Но рѣшено!—Мое исполнится желанье!
И мнѣ ли, наконецъ, кто далъ ей воспитанье,
Кто съ нѣжностью отца любилъ ее, берегъ,
И ждалъ, что изъ нея навѣрно будетъ прокъ,
Кто называлъ ее, чуть чуть что не женою,
И съ этакимъ умомъ и съ этой головою
Окончить тѣмъ—чтобъ мнѣ глупцами и дѣтьми
Быть одураченнымъ! Нѣтъ, чортъ меня возьми!
Повѣса попусту изволилъ увиваться.
Увидимъ мы—кому перехитрить удастся!
Измѣнница, къ стыду, мнѣ слишкомъ дорога!

—

II.

АРНОЛЬФЪ, НОТАРІУСЪ.

НОТАРІУСЪ.

А! кстати, вотъ и онъ... покорнѣйшій слуга!
Я слышалъ, что для васъ контрактъ составить надо?

АРНОЛЬФЪ, (*не видя и не слыша его.*)
Какъ сдѣлать бы?

НОТАРІУСЪ.

Держась приказнаго обряда.

АРНОЛЬФЪ, (*также.*)
Предосторожности нужнѣе тутъ всего.

НОТАРІУСЪ.
О, я не упущу, конечно, ничего.

АРНОЛЬФЪ, (*также.*)
Признаться—мудрено, а надо ухитриться.

НОТАРІУСЪ,
Конечно,—на меня лишь стоитъ положиться.
Обдумавши—концы не трудно намъ свести.
Тотчасъ же подписать и въ книгу занести.

АРНОЛЬФЪ, (*также.*)
А главное... боюсь, къ несчастію, при этомъ,
Чтобъ слуховъ городскихъ не сдѣлаться пред-
метомъ.

НОТАРІУСЪ.
О! этого совсѣмъ не трудно избѣжать:
Я вашъ контрактъ могу секретно записать.

АРНОЛЬФЪ, (*также.*)
Любя ее, я всѣмъ ей жертвую охотно.

НОТАРІУСЪ.
Прекрасно! Почему жъ—и если вамъ угодно,
Вы можете свою невѣсту наградить.

АРНОЛЬФЪ, (*увидя нотаріуса.*)
Какъ? Что? Кого?

НОТАРІУСЪ.

Ее вамъ можно подарить
И укрѣпить за ней хоть все свое имѣнье;

Подарки принимать вошло въ обыкновенье.
Въ законахъ есть на все приказный свой обрядъ:
На сдѣлку, на заемъ, на выкупъ, на закладъ.
Вы удивляетесь! Лишь только прикажите:
Контрактъ ли, рядная ль, и что ни захотите,
Въ практическихъ рукахъ поспѣетъ все какъ разъ;
Мнѣ нужно отобрать лишь мнѣніе отъ васъ,
Переписать нашъ актъ, и будетъ все готово.

АРНОЛЬФЪ.

Кой чортъ! Да я тебѣ не говорилъ ни слова,
Вотъ выдумалъ! Кого прикажешь мнѣ дарить?

НОТАРІУСЪ.

Вы сами же контрактъ хотѣли заключить?

АРНОЛЬФЪ.

Хотѣлъ, да слышишь ли, отложено покуда.
Вотъ выѣхалъ еще чортъ вѣдаетъ откуда!
Уйти! Дуракъ меня насильно радъ женить.
(уходитъ.)

НОТАРІУСЪ.

Онъ, кажется, сказалъ — дуракъ! — Не можетъ быть!

—

III.

НОТАРІУСЪ, АЛИНЪ, ЖОРЖЕТА.

НОТАРІУСЪ, *(встрѣчая ихъ.)*

А! а! Вы ищете, конечно, господина?

АЛИНЪ.

Ну да.

НОТАРІУСЪ.

Вашъ господинъ — невѣжа и скотина!
И это я ему на дѣлѣ докажу.
Скажите жъ...

ЖОРЖЕТА.

Хорошо, я тотчасъ доложу.

IV.

АЛИНЪ, ЖОРЖЕТА, АРНОЛЬФЪ.

АЛИНЪ.

Да кстати, вотъ и онъ.

АРНОЛЬФЪ.

Ко мнѣ, ко мнѣ скорѣе!
Друзья мои! Вы мнѣ теперь всего нужнѣе,

ЖОРЖЕТА.

Нотаріусъ....

АРНОЛЬФЪ.

Чортъ съ нимъ! Молчи и не мѣшай:
И такъ мнѣ все вредитъ нашъ модный негодяй!
Какой вамъ будетъ стыдъ — ну сами разсудите,
Когда вы барина въ бѣдѣ не защитите!
Тогда ужъ никуда не высунуть вамъ глазъ,
Всѣ будутъ пальцами указывать на васъ.
И такъ, за нашу честь и общее спасенье

Въ троемъ противъ него составимъ ополченье,
И если нашъ злодѣй хоть мимо здѣсь пройдетъ....

ЖОРЖЕТА.

О! нѣтъ, ужъ онъ меня никакъ не проведетъ.

АРНОЛЬФЪ.

Смотрите жъ, — на его не поддавайтесь ласки.

ЖОРЖЕТА.

Да, какъ не такъ.

АЛИНЪ.

Другимъ пусть сказываетъ сказки!

АРНОЛЬФЪ.

Но если этотъ плутъ придетъ и скажетъ вамъ:
Алинъ! мой другъ! За что-жъ шумѣть по пустякамъ?

АЛИНЪ.

Пошолъ дуракъ!

АРНОЛЬФЪ.

Вотъ такъ. А ты мой другъ, Жоржета,
Да не сердись, — ну какъ тебѣ не стыдно это!

ЖОРЖЕТА.

Ты плутъ!

АРНОЛЬФЪ.

Не иначе.—Алинъ, позволь же мнѣ,
Хоть слово ей одно сказать на единѣ.

АЛИНЪ.

Вѣдь сказано тебѣ, что ты дуракъ!

АРНОЛЬФЪ.

Прекрасно!

(*Жоржетѣ.*)

Мой другъ! я въ барышню твою влюбленъ
ужасно;
Неужли жалости въ тебѣ ни сколько нѣтъ?
Не то умру — и ты за это дашъ отвѣтъ!

ЖОРЖЕТА.

Что ты присталъ ко мнѣ, мошенникъ!

АРНОЛЬФЪ.

Славно! Славно! —
Вы сами же меня пускали къ ней недавно.
Повѣрь, Алинъ, что я вамъ самый добрый другъ,
Я даромъ отъ людей не требую услугъ.
(вынимаетъ деньги.)
Ну выпей же — къ чему мнѣ дѣлать остановку?
Вотъ также добренькой Жоржетѣ на обновку.
(Они оба протягиваютъ руки и берутъ деньги.)
Возьмите — это вздоръ — и что у насъ за счетъ?
А между тѣмъ, Алинъ мнѣ вѣрно отопретъ?

АЛИНЪ, *(толкая Арнольфа.)*

Пошелъ!

АРНОЛЬФЪ.

Вотъ такъ!

АЛИНЪ, *(продолжая толкать.)*

Прочь! Прочь!

АРНОЛЬФЪ.

Довольно.

ЖОРЖЕТА, *(толкая Арнольфа.)*

Пошелъ же, плутъ, пошелъ!

АРНОЛЬФЪ,

Прекрасно, только
больно!
Оставьте, съ вами мнѣ возиться недосугъ.

ЖОРЖЕТА.

Я кажется, моихъ не пожалѣла рукъ?

АЛИНЪ.

Что-жъ, каково? — Я малъ, однако-жъ, чай, сильненекъ?

Ну, все ли хорошо?

АРНОЛЬФЪ.

Прекрасно! — Кромѣ денегъ,
Которыхъ вамъ, скоты, не должно было брать.

ЖОРЖЕТА.

Вѣдь въ памяти всего не можно жъ удержать.

АЛИНЪ.

Прикажите, такъ мы начнемъ пожалуй снова?

АРНОЛЬФЪ.

Ну, полноте жъ, — домой, и не болтать пустова,
А главное, — чтобъ вамъ все это было въ прокъ,
Смотрите жъ, не зѣвать и помнить мой урокъ.

—

V.

АРНОЛЬФЪ, (*одинъ.*)

Все слажено! — Теперь на вѣрное побѣда!
Лишь надо попросить прiятеля сосѣда,
Чтобъ онъ украдкою, но строго между тѣмъ,
Въ отсутствiе мое присматривалъ за всѣмъ.
Мы пожили, — но насъ глупцы не надували;
И мой молокососъ хоть тресни отъ печали,
А скоро, наконецъ, свою убавитъ спесь.

—

VI.

АРНОЛЬФЪ, ГОРАСЪ.

ГОРАСЪ.

Я къ счастью моему опять васъ встрѣтилъ здѣсь.
Вы правы—смѣлость намъ нужна необходимо.
Въ тотъ разъ, оставя васъ, и проходя здѣсь
мимо,
Примѣтивъ изъ дали Агнесу—и она
Страхъ подгорюнившись сидѣла у окна;
Но только что меня по счастью увидала,
Вскочила, бросилась, по лѣстницѣ сбѣжала
И какъ, не знаю самъ, но только въ тотъ же
мигъ,
Калитку отперла—и я въ калитку прыгъ!
Взбѣжалъ на верхъ, чтобъ съ ней поговорить
свободно...
Вдругъ, слышимъ мы, летитъ ревнивецъ нашъ
негодный!
Агнеса въ ужасѣ, и слыша страшный стукъ,
Безъ церемоніи тотчасъ меня въ сундукъ!
Вотъ онъ вошелъ; но я въ потьмахъ смотрѣлъ
ушами.
Старикъ расхаживалъ тяжелыми шагами,
Молчалъ, кряхтѣлъ, вздыхалъ, все подымалъ
вверхъ дномъ,
Съ досады по столу билъ страшнымъ кулакомъ,
И даже бѣдную собачку... такъ и съ тою
Столкнувшись—всякій разъ швырялъ ее ногою.

Но зацѣпивъ за столъ, — вотъ подлинно сюр-
призъ! —
Свой въ дребезги разбилъ фарфоровый сервизъ.
Изъ этого всего не трудно догадаться,
Что онъ и до меня изволитъ добираться;
Но въ бѣшенствѣ своемъ не видя барыша,
Разкокавши фарфоръ и все разтормоша,
Ушелъ—и впрочемъ насъ, замѣтьте, вышла пара;
Лишь онъ за дверь, а я изъ моего футляра.
Но чтобъ онъ не успѣлъ подкараулить насъ,
Съ Агнесой распростясь, я убѣжалъ тотчасъ.
Но мы условились, чтобъ нынче жъ попозднѣе,
Какъ всѣ улягутся, придти сюда скорѣе,
Три раза кашлянуть, и съ этимъ ужъ она
Мнѣ спуститъ лѣстницу тихонько изъ окна.
Вы примите во мнѣ навѣрное участье.
Мнѣ самому мое невѣроятно счастье;
Но все пріятнѣе, не знаю почему,
Пересказать объ немъ по дружбѣ кой кому.
Прощайте жъ! Вотъ отчетъ вамъ самый откро-
венный.
Я завтра къ вамъ явлюсь съ рапортомъ непре-
мѣнно.

—

VII.

АРНОЛЬФЪ, (*одинъ.*)

Нѣтъ! треснешь наконецъ, хоть каменный тутъ
будь.

Проклятая судьба не дастъ мнѣ отдохнуть!
Что новость, то ударъ! все сходитъ съ рукъ
злодѣю!
Вотъ такъ-таки меня и погоняетъ въ шею!
Но мнѣ ли, до сѣдыхъ доживши ужъ волосъ,
Позволить, чтобы мной шутилъ молокососъ?
Я слылъ философомъ, всѣхъ подчивалъ стихами,
Трунилъ надъ женами, смѣялся надъ мужьями,
Изслѣдовалъ, зачѣмъ, и какъ, и по чему
Отъ модницъ изъ мужей нѣтъ спуску ни кому;
Изъ опытовъ въ примѣръ записывалъ дурное,
И чтобъ сыскать жену—сокровище прямое,
Чуть, чуть не цѣлой вѣкъ на это посвятилъ,
Всю философію, весь умъ мой истощилъ
И что убійственно—что чуть ли ужъ не всякой,
На этотъ счетъ—судьбѣ подверженъ одинакой.
Но нѣтъ, мы ускользнемъ отъ общей череды;
Докажемъ, что мои не пропадутъ труды.
И мнѣ ли, наконецъ, который изъ зазрѣнья
Берегъ мужей, писалъ ихъ женамъ наставленья,
Навьючить на себя убійственный уборъ?
Ты врешь, судьба!—Пойду тебѣ на перекоръ!
Негодница моя хлопочетъ по пустому;
И если сердце въ ней ужъ отдано другому,
Такъ все-таки владѣть я стану остальнымъ,
И нынче же, когда съ соперникомъ моимъ,
На пагубу у нихъ назначено свиданье,
Торжественно мое исполнится желанье,
Одно, чѣмъ нѣсколько судьбѣ я одолженъ,
Что я хоть обо всемъ теперь предупрежденъ,

И этотъ негодяй, болтая на досугѣ,
Соперника въ своемъ встрѣчаетъ мнимомъ другѣ.

—

VIII.

АРНОЛЬФЪ, КРИЗАЛЬДЪ.

КРИЗАЛЬДЪ.

А, здравствуй! Я къ тебѣ нарочно поспѣшилъ.
Сегодня два письма я разомъ получилъ.
Оргонтъ, нашъ общій другъ, мнѣ пишетъ съ восхищеньемъ,
Что скоро насъ своимъ утѣшитъ возвращеньемъ;
Онъ изъ Америки пустился къ намъ въ двоемъ
Съ своимъ пріятелемъ и нашимъ землякомъ;
Да ты, я думаю, самъ былъ знакомъ съ Аристомъ?
Изъ бѣдняковъ онъ сталъ большимъ капиталистомъ,
И проситъ дружески, чтобы ему помочь,
Скорѣй здѣсь отыскать его бѣдняжку дочь,
Которой взять съ собой онъ не былъ въ состояньи,
И ввѣрилъ женщинѣ одной на воспитанье.
А какъ они друзья, и къ этому жъ одинъ
Имѣетъ кстати дочь, а у другаго сынъ,
Такъ ихъ намѣренье скорѣй поторопиться,
Женить дѣтей и тѣмъ по дружбѣ породниться.

Но, чай, Оргонтовъ сынъ успѣлъ ужъ побывать
И у тебя,—вѣдь ты Гораса долженъ знать?

АРНОЛЬФЪ.

Нѣтъ. (*всторону.*) Чортъ васъ побери!

КРИЗАЛЬДЪ.

Вотъ это жаль,
напрасно!

АРНОЛЬФЪ.

Какъ жаль?

КРИЗАЛЬДЪ.

Да отъ того, что малой-то прекрасный.

АРНОЛЬФЪ.

Ты врешь—онъ негодяй!

КРИЗАЛЬДЪ.

Какъ негодяй! За
что-жъ?

Не знавши...

АРНОЛЬФЪ.

Да, сударь, за то, что молодежъ
Вся перепорчена; и что у нихъ за нравы?
Шалить, повѣсничать, влюбляться для забавы:
Вотъ польза обществу отъ шалуновъ такихъ.
И послѣ этого—ну чортъ ли, братецъ, въ нихъ!

КРИЗАЛЬДЪ.

Но молодой Горасъ совсѣмъ противныхъ правилъ,
И хоть на счетъ его ты многое прибавилъ,
А странно, что одно вѣдь точно угадалъ.
Вообрази себѣ: лишь только онъ узналъ
О предположенной женидьбѣ стариками,

Какъ прибѣжалъ ко мнѣ, чуть чуть, что не съ слезами,
И этой новостью ужасно огорченъ;
Признался, что въ одну здѣсь дѣвушку влюбленъ,
Прося по дружески меня принять участье,
Уговорить отца его составить счастье,
И въ этомъ случаѣ обоимъ имъ помочь.
Что до меня, такъ я отъ этого не прочь:
Я радъ...

АРНОЛЬФЪ.

Вздоръ, вздоръ! Смотри, что въ голову влетѣло.
Къ чему, зачѣмъ, да какъ—тебѣ какое дѣло?
Что ты за выскочька? Помилуй! Наконецъ
Не хочешь ли, чтобъ имъ дурачился отецъ?
Чтобъ сынъ ему свои предписывалъ законы?
Давно ли, батюшка, попали въ селадоны?
Разнѣжились? Но вздоръ, я самъ Оргонту другъ.
Я цѣну чувствовать привыкъ его услугъ,
И за него готовъ вступиться, какъ за брата.
Когда онъ слово далъ, оно должно быть свято.
Я чести, выгодамъ его не измѣню,
И сына шалуна на зло тебѣ женю.

КРИЗАЛЬДЪ.

Да слушая тебя, нельзя не подивиться:
Ты что-то не путемъ изволишь горячиться!
Ужъ не случилось ли чего у васъ съ тѣхъ поръ?
Но что бы ни было, а это, братецъ, вздоръ.
Я помириться васъ сегодня же принужу.

АРНОЛЬФЪ, (*в сторону*.)

Попался я! Злодѣй все выведетъ наружу!
(*въ слухъ*.)
Вотъ выдумалъ! Что ты! Помилуй, Богъ съ тобой!
Намъ ссориться?—За что?—И, братецъ, вздоръ какой!

КРИЗАЛЬДЪ.

Да что ты ни толкуй, а что-то есть такое!...
Взгляни—да у тебя лицо совсѣмъ другое!
Ужъ не подъѣхалъ ли къ невѣстѣ кто нибудь?

АРНОЛЬФЪ.

На этотъ счетъ, сударь, я радъ вамъ присягнуть!
Да если бъ вздоръ какой и вышелъ между нами,
То справиться со мной не такъ легко, какъ съ вами.

КРИЗАЛЬДЪ.

Чему однако-жъ быть, того не миновать;
Стыдись съ твоимъ умомъ объ этомъ хлопотать.
Вѣдь ты жены къ себѣ насильно не привяжешь.

АРНОЛЬФЪ.

Вотъ дружескій совѣтъ! По этому прикажешь,
Забывши все, сударь, долгъ, совѣсть, даже честь....
По вашему всегда спокойно спать, да ѣсть?

КРИЗАЛЬДЪ.

Ты можешъ дѣйствовать, пожалуй, какъ угодно;
Но жизнью за успѣхъ ручаться намъ не сходно,
И ласкою скорѣй поладишь ты съ женой,
Чѣмъ шумомъ, ревностью и строгостью пустой!

АРНОЛЬФЪ.

Вотъ какъ проклятая ораторствуетъ мода!
Но знайте, у меня своя, сударь, метода.

КРИЗАЛЬДЪ.

Чтобъ методически попасться въ дураки!

АРНОЛЬФЪ.

Кто, я? Не можетъ быть!

КРИЗАЛЬДЪ.

Эхъ, братецъ, пустяки!
Ты на поваль себя женидьбой убиваешь!

АРНОЛЬФЪ.

Ну, хочешь объ закладъ?

КРИЗАЛЬДЪ.

Не бейся—проиграешь.

АРНОЛЬФЪ.

Такъ врешь,—и я на зло поставлю на своемъ.

КРИЗАЛЬДЪ.

То есть: начнешь, какъ всѣ, да кончишь не путемъ.

АРНОЛЬФЪ.

Да отвяжись, кой чортъ! И что за разговоры!
Я начисто прошу оставить эти вздоры.
Ты по пріятельски мнѣ слишкомъ надоѣлъ,
И помнится жъ, идти куда-то ты хотѣлъ?

КРИЗАЛЬДЪ.

О, нѣтъ, я у тебя охотно остаюся;
Вѣдь ты звалъ ужинать!

АРНОЛЬФЪ.

Ахъ, братецъ, я пощуся.
Безсовѣстный! Когда заботятъ насъ дѣла,

Какъ мысль объ ужинѣ къ вамъ въ голову
пришла?
Да вспомни, что тебѣ Аристъ препоручаетъ?
Гдѣ жъ дочь его? — Что-жъ вамъ похлопотать
мѣшаетъ?
Стыдись, сударь! — Сперва сыщи ее, спаси,
И съ голоду — тогда поужинать проси.

КРИЗАЛЬДЪ.

Пожалуй, я готовъ — ну, право, ты не даромъ
Хлопочешь о друзьяхъ съ невѣроятнымъ жа-
ромъ.
Прощай, женись себѣ—но просимъ не пенять.
(уходитъ.)

АРНОЛЬФЪ.

Я за себя, сударь, радъ жизнью отвѣчать!
Есть средства! Мы сей часъ воспользуемся ими.
(Стучитъ въ двери.)

IX.

АРНОЛЬФЪ, АЛИНЪ, ЖОРЖЕТА.

АРНОЛЬФЪ.

Друзья мои. Вы мнѣ теперь необходимы.
Отъ васъ я ни какихъ секретовъ не таю.
Вотъ случай оправдать довѣренность мою!
Награды ожидать вы можете заранѣ;
Когда обѣщано, такъ это какъ въ карманѣ.
(Алинъ щупаетъ въ своихъ карманахъ.)
И такъ, нашъ негодяй.... Ну полноте жъ шу-
мѣть!

Онъ хочетъ нынче насъ рѣшительно поддѣть,
И ночью въ комнату пожаловать къ Агнесѣ!
Но мы въ троемъ—себя не выдадимъ повѣсѣ.
Вооружитеся потолще чѣмъ нибудь,
И только онъ въ окно, чтобъ къ намъ пере-
шагнуть,
Вотъ тутъ, друзья мои, скорѣе за работу,
Да такъ, чтобъ лазить къ намъ отколотить охо-
ту!
Я молча, притаясь, васъ буду ободрять.
Но обо мнѣ прошу ни слова не болтать;
Я въ этомъ случаѣ на васъ надѣюсь смѣло.

АЛИНЪ.

Когда лишь нужно бить, такъ это наше дѣло!
Не промахнусь—моя не такова рука!

ЖОРЖЕТА.

Не бойтесь, и моя не слишкомъ-то легка!
Ужъ западетъ ему впередъ сюда дорога.

АРНОЛЬФЪ.

Ступайте же домой—да тише, ради Бога!

(Алинъ и Жоржета уходятъ.)

Жаль,—не кому съ меня примѣра перенять,
Такъ тонко, такъ умно, себя оберегать!
Другимъ такъ никакой объ этомъ нѣтъ заботы...
Но, впрочемъ, какъ же быть — у всѣхъ свои
расчеты.

—

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

I.

АРНОЛЬФЪ, АЛИНЪ, ЖОРЖЕТА.

АРНОЛЬФЪ.

Злодѣи! Кто просилъ такъ горячиться васъ?

АЛИНЪ.

Мы этимъ лихо вашъ исполнили приказъ.

АРНОЛЬФЪ.

Вы оправдать себя хотите: врете, черти!
Приказъ былъ колотить, однако-жъ не до смерти,
И то не въ голову—а просто по спинѣ.
Ну, что подумаютъ, что скажутъ обо мнѣ?
Все это можетъ быть легко теперь открытымъ
И кто бъ воображалъ найти его убитымъ...
Мошенники! Сей часъ бѣгите вы домой,
Запритеся себѣ, и съ мѣста ни ногой;
И мертвое храня на этотъ счетъ молчанье,
Ни слова— объ моемъ невинномъ приказаньи!

(Алинъ и Жоржета уходятъ.)

Вотъ скоро, кажется, ужъ станетъ разсвѣтать...
Ахъ, Боже мой! Куда мнѣ мертваго дѣвать?
Въ несчастьи этакомъ я истинно теряюсь.
И какъ съ отцемъ его бѣдняжкой разквитаюсь?

—

II.

АРНОЛЬФЪ, ГОРАСЪ.

ГОРАСЪ.

Мнѣ кажется, меня шпіонъ здѣсь стережетъ.

АРНОЛЬФЪ, (*не видя Гороса, который потомъ начинаетъ перекликаться.*)

Вотъ каково шутить!—Что это?—Кто идетъ?

ГОРАСЪ.

Ахъ, господинъ Арнольфъ!

АРНОЛЬФЪ, (*не узнавая Гораса.*)

Меня зовутъ?—Такъ точно...

Да кто вы таковы?

ГОРАСЪ.

Ну, право, какъ нарочно,
Здѣсь именно судьба насъ сводитъ всякій разъ!
А я отыскивать сбирался всюду васъ.
Какъ рано встали вы!

АРНОЛЬФЪ, (*всторону.*)

Вотъ чудо! Нѣтъ сомнѣнья;
Да это точно онъ—неужли жъ привидѣнье?

ГОРАСЪ.

Ахъ, если бъ знали вы, что сдѣлалось со мной!
Я чисто въ этотъ разъ помилованъ судьбой!
Но радъ, что хлопоталъ однако-жъ не напрасно.
Поздравьте вы меня—все кончилось прекрасно,
И такъ—что право я не могъ воображать!
Но это стоитъ вамъ подробно разсказать.

Мнѣ этотъ злой старикъ, ей Богу, наказанье!
Не знаю, какъ узналъ объ нашемъ онъ свиданьѣ!
Но только я хотѣлъ скакнуть въ окошко къ ней.
Вдругъ слышу голоса, и множество людей,
Большими палками вооруженныхъ славно,
Отдѣлывать меня пустились преисправно.
Что дѣлать? — Я назадъ, но въ страшныхъ торопяхъ,
Вдругъ поскользнувшися, такъ брыкнулся, что страхъ!
И кто бы ожидалъ, скажите, эту встрѣчу?
Я думалъ, что себя, упавши, изувечу!
И такъ, какъ съ высока я не привыкъ летать,
То я не скоро могъ опомниться и встать:
Они жъ изъ этого, какъ видно, заключили,
Что на поваль меня навѣрное убили.
Очнувшись, наконецъ, вотъ слышу я, что имъ
Большія хлопоты съ покойникомъ своимъ,
Ну, такъ, что за меня чуть не дошло до драки.
Кричатъ: мошенники, вы плуты, забіяки!
И послѣ этого... на цыпочкахъ съ крыльца,
Подкрались мнимаго ощупать мертвеца.
Въ потьмахъ не мудрено имъ было обмануться.
Мнѣ только стоило страшнѣе протянуться,
И я, нечаянно пошевеля ногой,
Ихъ такъ перепугалъ, что бросились домой.
Но чтобъ не дѣйствовать мнѣ приступомъ открытымъ,

Хотѣлъ итти, какъ вдругъ, услыша объ убитомъ,
Агнеса милая является въ слезахъ;
Ревнивецъ былъ тогда въ престрашныхъ хлопотахъ,
И этимъ случаемъ открылъ ей самъ дорогу.
Но видя, наконецъ, что живъ я, слава Богу!
Пришла въ такой восторгъ, что трудно разсказать!
Я знаю, это васъ не можетъ занимать;
Но съ вами говорить привыкъ я откровенно:
Короче вамъ,—она рѣшилась непремѣнно
Разстаться на всегда съ несноснымъ старикомъ,
И словомъ, съ этихъ поръ мнѣ ввѣриться во всемъ.
И такъ, вы видите передъ собой счастливца!
Но какъ не проклинать мнѣ стараго ревнивца,
Закоренѣлаго въ невѣжествѣ своемъ,
Который не далъ ей понятья ни о чемъ?
Другимъ она бъ была обманута конечно;
Но мы—мы поклялись любить другъ друга вѣчно,
И нѣтъ завиднѣе блаженства моего!
Теперь я батюшки боюся одного.
Но выборъ мой, сударь, совсѣмъ не заблужденье...
Любезная жена—прямое наслажденье!
И вы поможете, конечно, въ этомъ намъ.
Нельзя ли помѣстить ее покуда къ вамъ?
Но такъ, чтобы никакъ объ этомъ не узнали.

Увезть ее—меня вы сами жъ подбивали..
И какъ же, наконецъ, остаться намъ двоимъ,
Дѣвицѣ молодой съ повѣсой холостымъ?
А ужъ на васъ грѣшно взять въ этомъ подо-
зрѣнье.
Такъ лучшаго никакъ придумать я не могъ,
Какъ ввѣря дружеству безцѣнный мой залогъ,
Усердно васъ просить защитникомъ быть на-
шимъ.

АРНОЛЬФЪ.

О, съ удовольствіемъ! Я весь къ услугамъ ва-
шимъ.

ГОРАСЪ.

Неужли? Боже мой! Какъ васъ благодарить!

АРНОЛЬФЪ.

Ужъ я обоихъ васъ берусь разодолжить—
И доказать мое усердіе на дѣлѣ,
Невинной... съ мальчикомъ скитавшейся мамзелѣ.

ГОРАСЪ.

Какъ снисходительны по дружбѣ вы своей!
Я думалъ, что вы мнѣ откажете, ей, ей!
Но свѣтскій человѣкъ, какъ вы, кто вещи
знаетъ,
Охотно молодежъ за шалости прощаетъ.
Она вотъ здѣсь, сударь; такъ надо ей сказать.

АРНОЛЬФЪ.

Да какъ бы сдѣлать намъ?—Ужъ стало разсвѣ-
тать,
Такъ здѣсь принять ее, чтобъ не было при-
мѣтно;
Все это смастерить намъ надобно секретно.

А то чортъ знаетъ что, пожалуй, занесутъ!
Но мы не промахи! Такъ я ее... вотъ тутъ
Въ аллеѣ подожду... тамъ, знаешь, потемнѣе.

ГОРАСЪ.

О, осторожность намъ всего теперь нужнѣе.
Я тотчасъ на руки ее вамъ передамъ,
И дѣло кончивши, всѣ мигомъ по домамъ!
(*убѣгаетъ.*)

АРНОЛЬФЪ.

А, а! Негодница! Открылись ваши штуки...
Но я спасенъ! И ты ко мнѣ попалась въ руки.
(*отходитъ въ сторону и закутывается въ плащь.*)

III.

АРНОЛЬФЪ, ГОРАСЪ, АГНЕСА.

ГОРАСЪ, (*вводя Агнесу.*)

Не бойся, милая Агнеса; онъ мой другъ.
Да ну же, поскорѣй, намъ мѣшкать недосугъ,
И надобно теперь всего остерегаться.
Вотъ онъ; ты у него должна, мой другъ,
остаться.
(*Арнольфъ беретъ Агнесу за руку.*)

АГНЕСА. (*Горасу.*)

Зачѣмъ же ты идешъ?

ГОРАСЪ.

Я долженъ—хоть не радъ.

АГНЕСА.

Необмани жъ меня и приходи назадъ.

ГОРАСЪ.

Я постараюся какъ можно поскорѣе.

АГНЕСА.

Съ тобою какъ-то мнѣ гораздо веселѣе!

ГОРАСЪ.

Я самъ всегда бъ желалъ съ тобою вмѣстѣ
быть.

АГНЕСА.

Ахъ! если это такъ, зачѣмъ же уходить?

ГОРАСЪ.

Мой другъ, я разстаюсь съ тобою по неволѣ.

АГНЕСА.

Нѣтъ, видно я тебя люблю гораздо болѣ!
(Арнольфъ дергаетъ Агнесу.)
Ахъ, какъ онъ дергаетъ!

ГОРАСЪ.

О, это ничего.
Ты видишь, каково усердіе его.
Мой другъ теперь объ насъ съ большимъ хло-
почетъ жаромъ,
И онъ торопится, конечно, ужъ не даромъ.

АГНЕСА.

Да какъ я съ нимъ пойду? вѣдь онъ мнѣ не-
знакомъ? —

ГОРАСЪ.

Ты можешь на него надѣяться во всемъ.

АГНЕСА.

Мнѣ были бы твои пріятнѣе старанья.
(Арнольфу, который опять ее дергаетъ.)
Постойте.

ГОРАСЪ.

Ну, мой другъ, прощай же, до свиданья!

АГНЕСА.

Пожалуйста жъ приди.

ГОРАСЪ.

Да обману ли я?

АГНЕСА.

Не то, такъ право здѣсь разплачусь безъ тебя.

ГОРАСЪ (*всторону, уходя.*)

Какъ счастливо успѣлъ я кончить это дѣло!
И отдохнуть теперь могу, конечно, смѣло.

IV.

АРНОЛЬФЪ, АГНЕСА.

АРНОЛЬФЪ (*закрываясь плащемъ и перемѣнивши голосъ.*)

И такъ, покуда вашъ воротится Горасъ,
Я васъ, сударыня, пристрою здѣсь какъ разъ.
Пожалуйте.... Ну, что-жъ, и что за остановка?
(*Сбрасывая плащь.*)
А! а!

АГНЕСА.

Ахъ! Боже мой!

АРНОЛЬФЪ.

Ты струсила, плутовка!
Ты этой не ждала здѣсь встрѣчи роковой,

И не хотя теперь столкнулася со мной?
Попались. — Оба вы обмануты жестоко.
(Агнеса оглядывается, чтобъ увидѣть Гораса.)
Гляди, зови себѣ — повѣса твой далеко;
Не вырветъ онъ тебя, негодница, изъ рукъ.
А, а! Такъ я не зналъ за вами этихъ штукъ!
Вотъ что! Когда ко мнѣ съ вопросами приходятъ,
Что точно ли дѣтей подъ ёлочкой находятъ....
Ты знаешь, между тѣмъ, измѣнница, тайкомъ,
Шататься по ночамъ съ мужчиною вдвоемъ?
Смотри, какъ съ нимъ она умѣетъ объясняться!
Въ какой изволила ты школѣ обучаться?
Гдѣ набралась и словъ и нѣжностей такихъ?
Забыла наконецъ ты трусить домовыхъ?
И онъ причиною счастливой перемѣны?
Негодница! Дойти до этакой измѣны,
Забыть, чѣмъ жертвовалъ неблагодарной я!
За пазухой моей согрѣтая змѣя!
Которой всѣхъ моихъ благодѣяній мало,
И прямо въ сердцѣ мнѣ свое вонзаетъ жало!

АГНЕСА.

Ахъ какъ кричите вы!

АРНОЛЬФЪ.

Прошу меня простить.

АГНЕСА.

Да въ чемъ же вы меня хотите обвинить?

АРНОЛЬФЪ.

Измѣнница! Да кто жъ здѣсь пойманъ былъ съ тобою?

АГНЕСА.

Онъ хочетъ, чтобъ его я сдѣлалась женою —
И вашъ же былъ совѣтъ, чтобъ не нажить
грѣха,
Такъ лучше пріискать по сердцу жениха.

АРНОЛЬФЪ.

Я мѣтилъ на себя, ты это очень знала,
Негодница! И все однако-жъ убѣжала!

АГНЕСА.

Объ этомъ точно вы твердили мнѣ не разъ;
Но знаете, вѣдь онъ, ей Богу, лучше васъ!
По вашему, такъ мужъ все понукаетъ —
Такъ страшно, хоть кого, такъ право испугаетъ;
А по его, такъ мужъ не тормошитъ жену,
Не скажетъ никогда, какъ вы: пошла, да ну!
А съ нею бъ, кажется, вѣкъ цѣлый веселился,
И страхъ мнѣ хочется, чтобъ онъ на мнѣ же-
нился!

АРНОЛЬФЪ.

Ты влюблена въ него, негодница?

АГНЕСА.

Ну, да.

АРНОЛЬФЪ.

И признаваться мнѣ ты смѣешь безъ стыда?

АГНЕСА.

А почему жъ? Грѣшно за правду вамъ сердиться.

АРНОЛЬФЪ.

Да какъ осмѣлилась въ повѣсу ты влюбиться?

АГНЕСА.

Онъ въ этомъ виноватъ, такъ онъ и отвѣчай!
И я влюбилася... ей Богу невзначай.

АРНОЛЬФЪ.

Ты думать не должна бъ была объ этой страсти.

АГНЕСА.

Помилуйте! Въ моей ли это было власти?

АРНОЛЬФЪ.

Ты знала, какъ всегда я дорожилъ тобой?

АГНЕСА.

Ей Богу, нѣтъ-съ, и что вамъ хлопотать со мной.

АРНОЛЬФЪ.

Что съ нею хлопотать!—Вотъ что безчеловѣчно!
Такъ я не нравлюся?

АГНЕСА.

Кто, вы?

АРНОЛЬФЪ.

Да, я, конечно.

АГНЕСА.

Ей Богу, нѣтъ!

АРНОЛЬФЪ.

Какъ нѣтъ?

АГНЕСА.

Я право вамъ не лгу.

АРНОЛЬФЪ.

Злодѣйка! Чѣмъ же я не нравиться могу?

АГНЕСА.

Ахъ, Боже мой! Какъ чѣмъ? Да я сама не знаю!
Ну, нравьтеся себѣ—вѣдь я вамъ не мѣшаю;
Умѣйте такъ, какъ онъ, заставить полюбить.

АРНОЛЬФЪ.

Тебѣ ль, безстыдница, мнѣ это говорить!
Что онъ, я для тебя не все ли дѣлалъ тоже?

АГНЕСА.

Вотъ видите: онъ васъ и лучше, и моложе!
Такъ вамъ бы у него все это перенять.

АРНОЛЬФЪ, (*всторону.*)

Прошу, какъ вдругъ она пустилась разсуждать!
Ну, что за модная и свѣтская особа....
Ахъ чортъ возьми! Ну вотъ способностей ихъ
проба!
Дурафья всякая обманетъ хоть кого!
И такъ, когда тебѣ все это ничего,
Такъ что-жъ ты думаешь, мнѣ даромъ было
сходно
Кормить тебя?

АГНЕСА.

Онъ вамъ заплатитъ все охотно.

АРНОЛЬФЪ.

И послѣ этого вотъ съ дурой разсуждай!
Да чѣмъ, злодѣйка, мнѣ заплатитъ негодяй,
За милости мои и эти попеченья?

АГНЕСА.

Да что за милости, и что за одолженья?

АРНОЛЬФЪ.

А что мнѣ стоило тебя образовать?

АГНЕСА.

Ну, не грѣшно ли вамъ мнѣ этимъ попрекать?
По вашей милости, я очень понимаю,
Я просто дурочка и ничего не знаю,
Ну такъ, что этого мнѣ стыдно и самой,
И больше не хочу я дурой быть такой!

АРНОЛЬФЪ.

Чтобъ послѣ, можетъ быть, раскаяваться вѣчно,
Ты хочешь у него все перенять?

АГНЕСА.

Конечно!
И если я теперь кажусь не такъ смѣшна,
Такъ все-таки его благодарить должна.

АРНОЛЬФЪ.

Чего жъ еще, глупецъ, я стану дожидаться?
Чтобъ послѣ этого мнѣ съ ней не расчитаться?
Я чувствую, вся кровь отъ бѣшенства кипитъ!
Пощечинъ нѣсколько негодницѣ—и квитъ!

АГНЕСА.

Что-жъ дѣлать? Мнѣ во всемъ повиноваться надо!

АРНОЛЬФЪ, (*всторону.*)

Я ждалъ ли этого убійственнаго взгляда!
Забывши все, нѣтъ средствъ мнѣ больше устоять,
И нѣжность прежнюю къ ней чувствую опять.
(*Ей.*) Ну, помиримся же, шалунья, Богъ съ тобою;
Я забываю все, прощаю всей душею.
Умѣй же мнѣ теперь за это угодить —
И какъ нибудь меня старайся полюбить.

АГНЕСА.

Я чувствую, что мнѣ бы сдѣлать это должно...
Но это ужъ теперь, ей Богу, невозможно!

АРНОЛЬФЪ.

Пустое, мой дружокъ! Я побожиться радъ:

Ты слышишь этотъ вздохъ, ты видишь этотъ
взглядъ!
Всмотрись въ меня, себя разсудкомъ подкрѣпляя,
Забудь и страсть свою, и плута негодяя!
Неужли онъ тебя околдовалъ собой?
Ты будешь во сто разъ счастливѣе за мной;
Ты въ домѣ можешь всѣмъ располагать сво-
бодно;
Все мигомъ явится, когда тебѣ угодно!
Я цѣлый вѣкъ тебя клянуся обожать,
Ласкать, ухаживать, забавить, наряжать,
На все тебѣ даю охотно позволенье...
Ты можешь дѣлать все, почти безъ исключенья.
(всторону.)
О Боже! До чего доводитъ насъ любовь! *(Ей.)*
Потребуй? Я на все, жестокая, готовъ.
Я больше не боюсь насмѣшекъ злаго свѣта;
Ты хочешь ли, чтобъ я прибилъ себя за это?
Ты хочешь ли, чтобъ я унизился до слезъ?
Ты хочешь ли, чтобъ я надергалъ клокъ волосъ?
Ты хочешь ли, чтобъ я свернулъ, тиранка,
шею?

АГНЕСА.

Мнѣ чудно, отъ чего объ васъ я не жалѣю?
А право и Горасъ такъ громко не кричалъ.

АРНОЛЬФЪ.

Вотъ этого ужъ я никакъ не ожидалъ!
Я бѣшенство мое удерживалъ напрасно;
Страшись, измѣнница! Оно теперь ужасно!

Мнѣ стоитъ только васъ съ мерзавцемъ разлучить
И гдѣ нибудь тебя на вѣкъ закабалить.

—

V.

ТѢЖЕ, АЛИНЪ.

АЛИНЪ.

Бѣда, сударь, бѣда! Теперь-то мы пропали!
Вѣдь мертвый человѣкъ съ Агнесой убѣжали!

АРНОЛЬФЪ.

Молчи, глупецъ! Ты врешь, она передъ тобой.
Сей-часъ возьми ее и отведи домой.
Ну, что-жъ ты онѣмѣлъ? Чего перепугался?

АЛИНЪ.

Боюсь, чтобъ намъ мертвецъ на встрѣчу не попался.

АРНОЛЬФЪ.

По вашей милости онъ живъ еще, глупецъ.
Но мы спровадили злодѣя наконецъ,
А между тѣмъ, пока я отыщу карету,
Ты жизнью отвѣчай мнѣ за мерзавку эту.

(*Алинъ уводитъ Агнесу.*)

Вотъ такъ-то, припугнувъ негодницу путемъ,
Заставлю, можетъ быть, поставить на своемъ.

—

VI.

АРНОЛЬФЪ, ГОРАСЪ.

ГОРАСЪ.

Ахъ, господинъ Арнольфъ! Какое положенье!
Мнѣ ваше дружество одно теперь спасенье:
И счастье, и судьба, все нынче противъ насъ!
Другъ батюшкинъ, Кризальдъ, мнѣ встрѣтившись сей-часъ,
Увѣдомилъ, что онъ по должному участью,
Сыскалъ Ариста дочь, съ которою, къ-несчастью,
Они хотятъ меня насильно обвѣнчать.
Что дѣлать мнѣ теперь?

АРНОЛЬФЪ.

Что-жъ? Надо хлопотать.
Не унывай, старикъ поладитъ вѣрно съ нами.

—

VII.

ТѢЖЕ, КРИЗАЛЬДЪ.

КРИЗАЛЬДЪ.

Ну, господинъ Ласушъ, а я къ тебѣ съ вѣстями,

ГОРАСЪ.

Ласушъ! Возможно ли?

АРНОЛЬФЪ.

Да-съ, это точно я;

Что, батюшка? Теперь узнали вы меня?
Кто жъ въ дуракахъ?

КРИЗАЛЬДЪ.

Такъ вотъ кто этотъ обожатель

(*тихо Арнольфу.*)
Вѣдь я сыскалъ!..

АРНОЛЬФЪ.

Сыскалъ! Вотъ истинный пріятель!
Вы слышите, что онъ нашелъ Ариста дочь.
Я обѣщалъ, сударь, жениться вамъ помочь—
И обѣщаніе усердно исполняю:
Невѣста здѣсь, и васъ я съ нею поздравляю!
(*Кризальду*).
Давай ее!

КРИЗАЛЬДЪ.

Смотри, не попадись въ просакъ!
Она вѣдь у тебя.

АРНОЛЬФЪ.

Какъ у меня?

КРИЗАЛЬДЪ.

Да такъ:
Я доказательства на это всѣ имѣю.

АРНОЛЬФЪ, (*всторону.*)

Что слышу!

ГОРАСЪ, (*Кризальду.*)

Неужли? Я вѣрить вамъ не смѣю!

АРНОЛЬФЪ.

Не правда, вздоръ, сударь, и это не она!

КРИЗАЛЬДЪ.

Ея родней тебѣ Агнеса отдана,
И что ты ни толкуй, она теперь, братъ, наша.

АРНОЛЬФЪ.

Вы съ жизнью вырвете ее!

—

VIII.

ТѢЖЕ, ЖОРЖЕТА.

ЖОРЖЕТА.

Ну, воля ваша!
А право барышню никакъ не удержать.
Вотъ такъ и наровитъ изъ дому убѣжать:
Намъ отъ нее, сударь, ужъ больно достается.

АРНОЛЬФЪ.

Такъ я уйму...

—

IX.

ТѢЖЕ, АГНЕСА, АЛИНЪ.

АГНЕСА, (*толкая Алина.*)

Пусти!

АЛИНЪ.

Она, сударь, дерется!
Помилуйте!

АГНЕСА, (*увидя Гораса, бѣжитъ къ нему; Арнольфъ ее удерживаетъ.*)

Горасъ!

АРНОЛЬФЪ.

Негодница!

АГНЕСА, (*вырываясь.*)

Вотъ онъ!

Пустите!

АРНОЛЬФЪ.

Вздоръ! Не то, такъ буду принужденъ...

КРИЗАЛЬДЪ, (*удерживая Арнольфа.*)

Ну, полно же, постой, не горячись напрасно;
Съ такимъ соперникомъ тягаться, братъ, опасно,
И радъ или не радъ, а съ нею распростись.

АРНОЛЬФЪ, (*уходя въ отчаяніи, вталкиваетъ къ себѣ въ домъ Алина и Жоржету, которые дожидались его у дверей.*)

Все кончено!

КРИЗАЛЬДЪ.

Прощай, и лучше не женись!

—

X.

КРИЗАЛЬДЪ, АГНЕСА, ГОРАСЪ.

КРИЗАЛЬДЪ.

Ну, дѣло слажено, и кажется какъ надо!

(*Агнесѣ.*)

Вы рады этому

АГНЕСА.

Ахъ, очень, очень рада!

КРИЗАЛЬДЪ.

Такъ школа лучшая для женщины—любовь.
Вы у меня своихъ дождетеся отцовъ.
Всѣ налицо?

ГОРАСЪ.

И вы, и счастливый повѣса!
Чего жъ желать?

АГНЕСА.

Чтобъ всѣмъ понравилась Агнеса!

ШАЛОСТИ ВЛЮБЛЕННЫХЪ.

КОМЕДІЯ

ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ, ВЪ СТИХАХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ.

Г. Жеронтъ.

Агата, его питомица.

Лиза, ея горничная.

Эрастъ, офицеръ, влюбленный въ Агату.

Криспинъ, слуга его.

Дѣйствіе въ домѣ Жеронта, въ саду.

ШАЛОСТИ ВЛЮБЛЕННЫХЪ.

КОМЕДІЯ ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ, ВЪ СТИХАХЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

I.

АГАТА, ЛИЗА, (*выходятъ вмѣстѣ.*)

ЛИЗА.

Вотъ новость подлинно: когда бы должно спать,
Ужъ барышня моя изволитъ здѣсь гулять!
Да кто васъ за ушко такъ рано подымаетъ?

АГАТА.

Ахъ! тише говори — здѣсь все меня пугаетъ:
Эрастъ....

ЛИЗА.

Ну, что-жъ?....

АГАТА.

Эрастъ—увидится со мной...

ЛИЗА.

Но кто же услужилъ вамъ вѣсточкой такой?

АГАТА.

Пріѣзда я его не даромъ ожидала,
Вчера онъ здѣсь прошелъ—я въ мигъ его узнала.

ЛИЗА.

Теперь я не дивлюсь, что вы еще со сна
Успѣли убѣжать отъ глазъ опекуна.
Любовь проказницей бываетъ въ наши лѣта!

АГАТА.

Сей-часъ лишь у окна, съ тоскою ждавъ разсвѣта,
Я вдругъ услышала, что ходятъ у дверей.
Тотчасъ сбѣжала внизъ, и къ радости моей,
Дверь отперта.... Скажи, въ любви нетерпѣливой,
Какъ случай упустить и рѣдкій, и счастливой?
И такъ, имъ пользуясь, я вышла погулять
И даже, можетъ быть, Эраста здѣсь застать.

ЛИЗА.

Прекрасно вздумано — и какъ не торопиться?
Вѣдь долго васъ прождавъ, онъ могъ бы простудиться!
Лишь подали сигналъ — и вы изъ-подтишка
Ужъ вышли встрѣтить здѣсь любезнаго дружка.
Проворно подлинно; но если въ часъ несчастный
Вашъ грозный опекунъ, ревнивецъ преужасный,
Застанетъ насъ теперь—не ждать тогда добра.

АГАТА.

Отъ ревности его мнѣ вырваться пора,
И прихоти его намъ стоили не мало.
Покорность въ сторону — и вѣрь, во что бъ ни стало,
Онъ будетъ принужденъ поставить на моемъ;
Забывши власть свою, дать волю мнѣ во всемъ.

ЛИЗА.

Ахъ, если бъ удалось намѣренье такое!
Мнѣ такъ наскучило житье мое плохое,
Что чорту бъ лучше я рѣшилася служить,
Все легче, кажется. А здѣсь, чтобъ угодить,
День, вечеръ, утро, ночь—все должно суетиться—
И если все терпѣть — придетъ хоть удавиться.
Каковъ есть Божій день, не смолкнетъ нашъ старикъ:
Бѣги, подай, прими, подыметъ шумъ и крикъ;
Не спи, и запирай и двери, и окошки;
Гляди, нейдетъ ли кто украдкой по дорожкѣ?
Самъ бѣгаетъ, бранитъ, боится всѣхъ услугъ;
Всю ночь, какъ домовой, все шаритъ здѣсь вокругъ.
Чтобъ крѣпко не заснуть, велитъ мнѣ спать на стулѣ;
Самъ глазомъ спитъ однимъ, другимъ на караулѣ!
Отъ скупости своей готовъ бѣжать онъ въ лѣсъ;
Угрюмъ, сердитъ, ревнивъ — и словомъ, сущій бѣсъ!
Нѣтъ, лучше соглашусь я по міру таскаться
И даже умереть, лишь съ нимъ бы развязаться.

АГАТА.

Повѣрь, что мы съ тобой увидимъ скоро свѣтъ!
Эрастъ мой непохожъ на страшный твой портретъ.
Покойной матушкой воспитанъ онъ со мною,
Привыкли мы во всемъ дѣлиться съ нимъ душою,
И вѣчно поклялись другъ друга обожать.

Повѣрь, что старичку меня не удержать!
Не то, такъ потерявъ послѣднее терпѣнье,
Томиться и зѣвать въ моемъ уединеньѣ,
Съ отчаянья на все, по чести, я рѣшусь!
Тихонько по-мужски съ тобой переряжусь,
И рыцарски тогда, отъ скуки и мученій,
Мы пустимся искать пріятныхъ приключеній!

ЛИЗА.

Пускаться вдаль для нихъ нѣтъ нужды никакой.
Ихъ стоитъ захотѣть, такъ сыщемъ подъ рукой.

АГАТА.

Я, Лиза, такъ жива—и это не скрываю,
Что я отъ скуки здѣсь почти что умираю.
Въ пріятныхъ обществахъ къ весельямъ пріу-
часъ,
Я, кажется, туда бъ на крыльяхъ понеслась!
И мысль, что я могу съ Эрастомъ быть сча-
стливой,
Лишь больше дѣлаетъ меня нетерпѣливой.
Съ моей способностью, признаться ты должна,
Не трудно будетъ мнѣ провесть опекуна.
Но какъ, скажи ты мнѣ, мы дверь нашли от-
крытой?

ЛИЗА.

Конечно, Аргусъ нашъ, потемками прикрытый,
Ушелъ и насъ забылъ защелкнуть на запоръ.
Онъ вѣчно по ночамъ пускается въ дозоръ,
А съ свѣтомъ, какъ на зло, будить меня примчится!
Желала бъ очень я—и жаль, что не случится—
Чтобъ ночью удалось какимъ нибудь ворамъ

Отдѣлать старичка порядкомъ по бокамъ!
Но шумъ.... уйдемте.—Нѣтъ, вотъ славное мѣ-
стечко,
Увидѣть, кто идетъ и уловить словечко.
(*прячутся за дерево.*)

—

II.

ТѢЖЕ, ЖЕРОНТЪ.

ЖЕРОНТЪ.

Всю ночь я на пролетъ мой караулилъ домъ,
И, кажется, еще всѣ спятъ здѣсь мертвымъ
сномъ.
А чтобъ ко мнѣ никакъ не забралися воры,
Я тысячи гвоздей наколотилъ въ заборы.
Теперь спокойнѣе; а то какой-то страхъ
Всю ночь, я признаюсь, мерещился въ глазахъ.
Причиной этому, что позднею порою,
Вчера, какой-то франтъ приглядывалъ за мною.
Какъ быть! пришло терпѣть. Проклятая лю-
бовь
Мнѣ средства не даетъ избавиться враговъ!
И чтобъ съ Агатою совсѣмъ не разбраниться,
Все совѣстился я кругомъ огородиться;
Но что-то шаркнуло вотъ въ этой сторонѣ!
Ахти! да какъ темно! -Неужъ-то кто ко мнѣ?
Пойти.... Эй! вы! кто тамъ? — Никто не отвѣ-
чаетъ!
Молчанье на вопросъ добра не предвѣщаетъ!

ЛИЗА.

Ахъ, право я боюсь!....

ЖЕРОНТЪ.

А, а! поймалъ я васъ!....

АГАТА.

А! это вы, сударь, съ дозора въ этотъ часъ?

ЖЕРОНТЪ.

Да, это точно я;—но вы какой судьбою,
Ни свѣтъ и ни заря, здѣсь встрѣтились со мною?

АГАТА.

Вотъ новое еще? да что-жъ тутъ за бѣда,
Что выдти на часокъ мнѣ вздумалось сюда,
И съ Лизою вдвоемъ подъ деревомъ, у входа
Сидѣть и ожидать здѣсь солнышка восхода.

ЛИЗА.

Да, точно такъ.

ЖЕРОНТЪ.

Впередъ прошу здѣсь не сидѣть;
На солнышко бъ могли въ окошко вы смотрѣть.
Божусь, что хитрости скрываются тутъ снова!

ЛИЗА, (*всторону.*)

Ахъ, какъ бы хорошо!

ЖЕРОНТЪ.

А что еще?

ЛИЗА.

Ни слова.

ЖЕРОНТЪ.

Всѣ скромницы теперь, вамъ должно бъ это
знать,
Такъ рано безъ причинъ не думаютъ вставать;
Пресмирно спятъ себѣ, и вѣрно побоятся
Съ разсвѣтомъ выходить на воздухъ прохлаж-
даться.

ЛИЗА.

Но можно ли, сударь, насъ этимъ упрекать?
Настанетъ только ночь, другаго не слыхать:
То выдутъ, отопрутъ, то придутъ, запираютъ,
Крикъ, кашель... я божусь, всю ночь надоѣдаютъ!
Когда же какъ нибудь удастся мнѣ вздремать,
Ужасный стукъ ключей разбудитъ въ мигъ опять.
Ложусь.... но нѣтъ, на зло какой-то чортъ,
конечно,
Который досаждать рѣшился людямъ вѣчно,
Подыметъ страшный шумъ и снова будитъ
насъ!

ЖЕРОНТЪ.

А кто же этотъ чортъ?

ЛИЗА.

Я въ немъ узнала васъ!

ЖЕРОНТЪ, (*въ сердцахъ.*)

Меня?....

ЛИЗА.

Да, васъ, сударь! Крестить наскуча
печки,
И въ страхѣ отъ чертей безъ пользы ставить
свѣчки,
Я вздумала — того я не забуду вѣкъ —

Узнать, кто мой злодѣй, иль чортъ, иль человѣкъ?
И такъ, на лѣстницѣ, съ удачною уловкой,
Ступенекъ нѣсколько опутавши веревкой,
Успѣха своего рѣшилась ожидать.
Лишь только улеглось все въ домѣ нашемъ спать,
То я на цыпочкахъ, безъ свѣчки, не робѣя,
Пустилася стеречь безсоннаго злодѣя.
Но только къ уголку прижалась я тайкомъ,
Вдругъ—трахъ по лѣстницѣ, и чортъ мой кубаремъ
Летитъ и головой ступеньки вслухъ считаетъ!
Мнѣ смѣхъ, я хохочу, а чортъ мой умираетъ;
Кричитъ—бѣгу и вдругъ, кто бъ думать могъ о томъ?
Я вижу васъ, сударь, съ разбитымъ страшно лбомъ,
Безъ памяти, безъ чувствъ и поздно ужъ узнала:
Что васъ ошибкой я за чорта принимала!

ЖЕРОНТЪ.

Злодѣйка! Я путемъ раздѣлаюсь съ тобой!
Осмѣлиться шутить надъ барской головой!
Иль уморить меня ты случая искала?

ЛИЗА.

Ахъ, нѣтъ, сударь,—поймать я чорта лишь желала!

ЖЕРОНТЪ.

Не знаю въ этотъ мигъ мѣшаетъ что рукамъ,
Чтобъ эту дерзкую отхлопать по щекамъ!

АГАТА, (*удерживая его.*)

Потише крошечку!

ЖЕРОНТЪ.

Прошу васъ не мѣшаться;
Не то, такъ сгоряча—и вамъ могло бъ достаться!
Ни слова болѣе. (*Тихо.*) Чтобъ дерзость наказать,
Сей-часъ же должно мнѣ съ двора ее согнать.
(*Лизѣ.*) Сей-часъ съ двора долой!

ЛИЗА, (*съ притворною горестію.*)

Какое наказанье!
Ахъ! сжальтеся, сударь!...

ЖЕРОНТЪ.

Нѣтъ, вѣчное изгнанье!

ЛИЗА.

Ну, право, вы смѣшны! Когда въ счастливый часъ.
Самъ Богъ мнѣ случай далъ избавиться отъ васъ.
Вы Лизу бѣдную считаете пропавшей?
Лѣнивый ученикъ, изъ школы убѣжавшій;
Невѣста-дѣвушка, которой наконецъ
Пришлось отъ матушки уѣхать подъ вѣнецъ;
Судья, просителей позвавшій на крестины;
Племянникъ, дядиной дождавшійся кончины;
Поэтъ, который ждетъ и славы и похвалъ,
И франтъ, собой прельщать поѣхавшій на балъ,—

Повѣрьте, всѣ они не столько въ восхищеньи,
Какъ я—вотъ въ этотъ мигъ, при нашемъ раз-
лученьи!

ЖЕРОНТЪ.

Такъ ты съ охотою разстанешься со мной?

ЛИЗА.

Клянусь, я безъ ума отъ радости такой!

ЖЕРОНТЪ.

Когда же это такъ, ошибку я поправлю;
Хотѣлъ тебя согнать—на зло теперь оставлю,
И средства отыщу унять обѣихъ васъ.
(*Агатѣ.*)
А вы—ни слова мнѣ, и въ комнату сей-часъ!
(*Удерживаетъ Лизу, которая идетъ за Агатой.*)
Тебя жъ, голубушка, прошу со мной остаться!

—

III.

ЖЕРОНТЪ, ЛИЗА.

ЖЕРОНТЪ, (*всторону.*)

Чтобъ дѣло шло на ладъ, къ ней надо прила-
скаться.
Ну, Лиза, по рукамъ, и миръ, и тишина.
Довольна будешь ты—лишь только будь вѣрна.

ЛИЗА.

Ахъ, ваши милости почти невѣроятны!
Забудьте, что вашъ лобъ—и случай непріятный...

ЖЕРОНТЪ.

Ну, ну, забудемъ все—такъ этому и быть;
Но ты за то должна мнѣ службу сослужить.
Ахъ, Лиза, облегчи душевное страданье!

ЛИЗА.

Съ охотою, сударь; откройте лишь желанье.

ЖЕРОНТЪ.

Ты знаешь, вотъ ужъ годъ, какъ случай мнѣ велитъ
Хранить Агатушку отъ хищныхъ волокитъ;
Но нынче, по глазамъ, я точно примѣчаю,
Что я ее не въ прокъ отъ зла остерегаю!
Въ столицѣ живучи, она въ семнадцать лѣтъ,
По глупости родни, пустилась прямо въ свѣтъ.
Когда жъ родня ея вся вымерла на службѣ,
Такъ я, какъ опекунъ, увезъ ее—по дружбѣ.
Съ тѣхъ поръ, я признаюсь, пылаю къ ней душой,
И очень бы хотѣлъ имѣть ее женой!

ЛИЗА.

Женой? ее, сударь!

ЖЕРОНТЪ.

Что-жъ тутъ за удивленье?

ЛИЗА.

Стыдитесь!

ЖЕРОНТЪ.

Почему-жъ?

ЛИЗА.

Какое заблужденье!
Но, нѣтъ, вы шутите, что ищите жены;
И въ этомъ я пошлюсь—на ваши сѣдины.

ЖЕРОНТЪ.

От первой я жены не могъ дѣтей добиться;
Что съ той не удалось, такъ съ этою случится.
Чтобъ видѣть вкругъ себя, при смерти хоть моей,
Не алчную родню, но собственныхъ дѣтей!

ЛИЗА.

Вотъ это, кажется, ужъ попусту стараться.
По мнѣ, такъ врядъ отъ васъ потомства намъ дождаться.
Я въ этомъ побожусь.

ЖЕРОНТЪ.

Но почему жъ? И какъ?

ЛИЗА.

Не знаю почему—а кажется, что такъ.

ЖЕРОНТЪ.

Пустое, враки, вздоръ! Я на своемъ поставлю,
И хлопотать тебя тутъ вѣрно не заставлю.

ЛИЗА, (*всторону*.)

Найдутся безъ меня.

ЖЕРОНТЪ.

Ахъ, Лиза! Здѣсь что шагъ,
То новыя бѣды иль вѣрно новый врагъ.
Отъ хитрости людей, что дѣлать мнѣ, не знаю.
Хоть крѣпко я мою овечку запираю;
Но волки алчные все рыщутъ здѣсь кругомъ.
И такъ, я наконецъ рѣшился ужъ на томъ,
Чтобъ хищной ихъ толпѣ не дать здѣсь расплодиться,
Покрѣпче какъ нибудь отъ нихъ огородиться:
И домъ, и садъ, и дворъ рѣшетками закрыть,

Но такъ, чтобъ солнышко могло сквозь ихъ
свѣтить.
А чтобъ распорядить и мѣстомъ, и работой,
Надѣюсь, Лизанька поможетъ мнѣ съ охотой.

ЛИЗА.

Кто? я?

ЖЕРОНТЪ.

Мнѣ хочется все сдѣлать это такъ,
Чтобъ барышня твоя не думала никакъ,
Что я съ намѣреньемъ настроилъ здѣсь засады;
А то, избави Богъ, она умретъ съ досады!..
Намъ дѣлу этому такой дать должно видъ:
Что это отъ бѣды поставленъ только щитъ,
А чтобъ увѣрить въ томъ, такъ скажемъ, что
узнали,
Что воры въ эту ночь сосѣдей обокрали.

ЛИЗА.

Вотъ средство подлинно въ любовь къ себѣ
склонить!

ЖЕРОНТЪ.

Тутъ дѣлать нечего, такъ этому и быть.
Хочу — и настою.

ЛИЗА.

Не стыдно ль въ ваши годы
Вступать въ вторичный бракъ наперекоръ при-
роды?
Иль это для того, чтобъ ахнулъ только свѣтъ,
Увидя старика съ женой въ шестнадцать лѣтъ.
Стыдитеся, сударь! За замыслы такіе,

Не только странные, но глупые, смѣшные,
Васъ право бъ стоило запрятать въ желтый
домъ.

ЖЕРОНТЪ.

Что должно дѣлать мнѣ, самъ знаю я о томъ.

ЛИЗА.

Когда бы мнѣ судьба въ супруги васъ послала:
Я мигомъ старичка по модѣ бъ причесала.
Но это въ сторону,—а знайте только то,
Что я вамъ помогать не стану ни за что,
И барышнѣ моей, конечно, я во власти
Сей-часъ же разсказать объ эдакой напасти.

ЖЕРОНТЪ.

Когда нельзя добромъ, такъ я тебя инымъ
Заставлю не мѣшать намѣреньямъ моимъ.

ЛИЗА.

На все рѣшилась я, и, словомъ, что хотите:
Бранитесь, злитеся, коверкайтесь, кричите,
Но все-таки скажу, что сватьбѣ не бывать!
Ревнивецъ вы такой, что должно васъ сковать,
Что ревность есть порокъ, что въ обществахъ
стадами
Ревнивые мужья таскаются съ рогами;
Что всякой женщинѣ отъ язвы этой злой
Остаться лучше въ вѣкъ дѣвицей иль вдовой,
Чѣмъ съ адской ревностью связаться на стра-
данья!
Сказала все... бѣгу, прощайте, до свиданья!

—

IV.

ЖЕРОНТЪ, (*одинъ.*)

Здѣсь всѣ меня бѣсить рѣшились какъ на смѣхъ.
Да правда, насъ чужой не радуетъ успѣхъ.
Но, чтобъ не пострадать ихъ адскимъ загово-
ромъ,
Я Лизу задержу подъ крѣпкимъ здѣсь надзоромъ,
А самъ, уговоря Агату, наконецъ
Ударимъ по рукамъ, и тотчасъ подъ вѣнецъ.

—

V.

ЖЕРОНТЪ, КРИСПИНЪ.

КРИСПИНЪ, (*не видя Жеронта.*)

Мнѣ баринъ поручилъ повысмотрѣть вѣрнѣе,
Откуда бъ въ этотъ домъ забраться намъ скорѣе.
Ай, ай!—Вотъ опекунъ; что дѣлать мнѣ теперь?

ЖЕРОНТЪ.

Зачѣмъ ты здѣсь, дружокъ—и лезешь прямо въ
дверь?

КРИСПИНЪ.

А, здравствуйте!

ЖЕРОНТЪ.

Ну, что-жъ?...

КРИСПИНЪ.

Здоровы ли?

ЖЕРОНТЪ.

Конечно;

Ты видишь это самъ.

КРИСПИНЪ.

Я радъ тому сердечно.

ЖЕРОНТЪ.

Ты радъ или не радъ—какой тебѣ здѣсь слѣдъ?
Что ты за человѣкъ?

КРИСПИНЪ.

Что вамъ сказать въ отвѣтъ?
Художествъ столько я имѣю за собою,
Что, кажется, рожденъ всеобщимъ быть слугою.
Весь свѣтъ моя родня; я свѣтъ прошелъ кругомъ;
Достатка не имѣвъ, кормлюсь моимъ трудомъ;
Живу же какъ и всѣ, согласно съ нашимъ вѣкомъ:
То плутомъ иногда, то честнымъ человѣкомъ.
Въ семнадцать лѣтъ, сударь, я отданъ былъ во флотъ,
Но смерть боясь воды, чтобъ сдѣлать оборотъ,
Оттуда я бѣжалъ и перешелъ въ пѣхоту.
Тутъ пули и штыки отбили вновь охоту.
Опять я ускользнулъ—и эдакой судьбой
Обѣгавши весь свѣтъ, я сталъ совсѣмъ другой!

ЖЕРОНТЪ, (*всторону.*)

Похвально подлинно!—Я человѣкъ семейный....
А это точно плутъ, и плутъ первостатейный!
Избавиться бъ его... (*Криспину.*) Къ чему жъ ты здѣсь?

КРИСПИНЪ.

И такъ

Прощайте!

ЖЕРОНТЪ, (*удерживая его.*)

Нѣтъ, скажи?

КРИСПИНЪ, (*всторону.*)

Не вывернусь никакъ.

ЖЕРОНТЪ.

По мнѣ на тѣхъ бродягъ ты кажешься похожимъ,
Отъ коихъ по ночамъ покоя нѣтъ прохожимъ.

КРИСПИНЪ.

Кто?—я, сударь? ахъ, нѣтъ! мой промыслъ не таковъ.
Случившись какъ-то здѣсь, я вмѣсто докторовъ,
По своему, тайкомъ леченьемъ занимаюсь,
Хожу и... травы здѣсь отыскивать стараюсь!

ЖЕРОНТЪ.

Какъ, травы?

КРИСПИНЪ.

Бойтеся!—За мною тьма затѣй;
Я химикъ, фокусникъ—и даже чародѣй!
Какъ видите меня, такъ честью вамъ божуся,
Что всякую болѣзнь я вылечить возьмуся.
Подагру, кашель ли, больные ли глаза,
Все это вылечу конечно въ полчаса.
И истинно, сударь, что лекарь я чудесный,
И ловкій, и лихой, и публикѣ извѣстный!

ЖЕРОНТЪ.

По платью бъ вашему—нельзя того сказать.

КРИСПИНЪ.

Какъ можно объ умѣ по платью заключать!
Повѣрьте, никогда бъ мнѣ не бывать слугою:
Да разъ поссорилась одна бѣда со мною;
Но, впрочемъ... ей меня со свѣта не согнать!

ЖЕРОНТЪ.

А, а! такъ ты дружокъ....

КРИСПИНЪ.

Ужъ стоитъ разсказать.
Представьте: какъ-то разъ, идя большой дорогой,
Такъ, подъ вечеръ, въ троемъ, помочь одной
убогой....
Вдругъ вижу—изо рва карету тащутъ прочь.
Бывъ жалостливъ всегда, спѣшу тотчасъ помочь,
Бѣгу—и вытащить карету чтобъ дружнѣе,
Я выбралъ изъ нея все лишнее скорѣе...
За это—чуть съ меня жъ не сняли головы!
Вы видите теперь здѣсь люди каковы!

ЖЕРОНТЪ.

И ништо бъ, кажется:—но я хочу добиться,
Зачѣмъ пришелъ сюда?

КРИСПИНЪ.

Къ чему же тутъ сер-
диться?
Кто? я? зачѣмъ пришолъ?

ЖЕРОНТЪ.

Да, ты.

КРИСПИНЪ.

Я очень радъ
Всегда ходить гулять въ такой прекрасный садъ.

ЖЕРОНТЪ.

Гулять!—Впередъ, сударь, онъ будетъ запи-
раться.
Прощайте!

КРИСПИНЪ.

Очень жаль! Но прежде, чѣмъ раз-
статься,
Причина тайная спросить у васъ велитъ:
Чей это домъ?

ЖЕРОНТЪ.

Того, кому принадлежитъ.

КРИСПИНЪ.

Прекраснѣйшій отвѣтъ! Ей, ей, я восхищаюсь!
Я такъ васъ полюбилъ, что съ горестью про-
щаюсь.
Да кстати на ночлегъ, который врядъ найдешь,
Какъ скоро я приду....

ЖЕРОНТЪ.

Смотря, какъ ты пойдешь.

КРИСПИНЪ, (*сторону.*)

Нѣтъ! Видно, что старикъ выходитъ изъ тер-
пѣнья.

(*Жеронту.*)

Прощайте же, сударь! Еще бъ для увѣренья,
Мнѣ только объ одномъ спросить хотѣлось васъ:
По вашему, сударь, теперь который часъ?

ЖЕРОНТЪ.

Вотъ дерзость! Иль меня находишь ты похожимъ
На башню, чтобъ часы показывать прохожимъ?
Иди и спрашивай гдѣ хочешь ты о томъ;
Не время мнѣ болтать съ такимъ говоруномъ,
Прошу мнѣ дать покой—и прочь отсель скорѣе.
Счастливый путь; прощай! (*уходитъ.*)

—

VI.

КРИСПИНЪ, (*одинъ.*)

Нѣтъ, надо быть смѣлѣе!
Что приступъ не хорошъ, не должно унывать!
Старикъ хоть сущій волкъ—но насъ не испугать.
Огородись себѣ всей силой поднебесной:
Замковъ я не боюсь—я слесарь самъ чудесный!..
Но вотъ и баринъ мой!

—

VII.

ЭРАСТЪ, КРИСПИНЪ.

ЭРАСТЪ.

Ты здѣсь, я очень радъ!
Что много ты успѣлъ—я бьюся объ закладъ.
Скажи жъ, что новаго, и какъ бы ухитриться,
Чтобъ съ нашимъ старикомъ скорѣе подружиться?

КРИСПИНЪ.

Ахъ, все не то, сударь! Признаться должно вамъ,
Что вы, какъ кажется, совсѣмъ по пустякамъ
Изволили сюда такъ прытко торопиться,
И чуть ли не назадъ приходитъ воротиться.
А Боже упаси отъ эдакой ѣзды!
Скачи то вверхъ, то внизъ, и жди всегда бѣды.
Проклятыхъ этихъ горъ не даромъ ненавидишь:

Съ нихъ такъ кувыркнешься — что неба не
увидишь!
Къ-несчастью, я не разъ все это испыталъ.

ЭРАСТЪ.

Оставь ты этотъ вздоръ. Скажи мнѣ, что узналъ?

КРИСПИНЪ.

Съ охотою, сударь!—Я здѣсь увидѣлъ чудо:
Увидѣлъ старика и принятъ очень худо.
Безъ пушекъ, я божусь, не сластся этотъ домъ.

ЭРАСТЪ.

Стыдися унывать и думать о пустомъ.
Любовь хитра: она искусный нашъ вожатый!
Обманемъ старика и улетимъ съ Агатой.
Лишь стоитъ выдумать, какъ къ дѣлу присту-
пить.

КРИСПИНЪ.

Я вѣрю, что легко могло бы это быть...
Да жаль, что кошелекъ теперь у насъ пусте-
некъ.
Любить и воевать—никакъ нельзя безъ денегъ!

ЭРАСТЪ.

За это я берусь—ужъ ты не хлопочи;
Повѣрь, что попадемъ мы скоро въ богачи.
Но я не деревень, не денегъ добиваюсь:
Люблю Агату я, Агатой лишь прельщаюсь!
У матери ея, какъ съ нѣжною сестрой,
Воспитанъ; я привыкъ любить ее душой;
Разставшись, узнаю, что мать ея скончалась,
Что дочь къ жестокому опекуну попалась,
И что злодѣй ее здѣсь держитъ подъ замкомъ.
Я очень радъ тому, что съ нимъ я незнакомъ.

А онъ, какъ говорятъ, ревнивецъ преужасный,
И скупъ, и такъ угрюмъ!..

КРИСПИНЪ.

Вотъ отзывъ беспристрастный!
И точно онъ таковъ. Теперь бы намъ рѣшить:
Какъ къ крѣпости такой вѣрнѣе подступить!
И словомъ—никого не милуя пощадой,
Какъ лучше взять ее, иль штурмомъ, иль осадой!

ЭРАСТЪ.

Пріѣхавши съ войны, опять ты началъ врать
Бивачнымъ языкомъ.

КРИСПИНЪ.

Дѣла всѣ начинать
Намъ должно головой—и продолжать руками.
Я такъ давно знакомъ съ военными дѣлами,
Что нынче самъ могу совѣтомъ услужить.
И такъ, повѣрьте мнѣ, чтобъ крѣпость осадить:
Сперва снимай посты наружные скорѣе,
Потомъ узнай мѣста, которыя слабѣе;
Когда же пристально все высмотришь кругомъ
Траншеи—и катай пріятеля потомъ!
Тутъ бомбы страшную надѣлаютъ тревогу,
Пѣхота и штыки откроютъ въ мигъ дорогу;
Спѣши, лѣти, бери и нѣчего зѣвать.
Какъ крѣпость—и дѣвицъ такъ должно штурмовать!
Не правда ли?

ЭРАСТЪ.

Ты правъ; случиться это можетъ.
Но знай, что Лиза мнѣ во многомъ здѣсь поможетъ.

КРИСПИНЪ.

Тѣмъ лучше; въ крѣпости чѣмъ болѣе друзей,
Тѣмъ трудность одолѣть и легче и скорѣй!
Теперь лишь стоитъ намъ ей сдѣлать предложенье,
Не нужно ль ей чего, не нужно ль подкрѣпленья?
И какъ къ свиданью намъ сигналы подавать?

ЭРАСТЪ.

Рѣшимся же теперь, какъ лучше намъ начать.
А здѣсь, чтобъ съ старикомъ опять не повстрѣчаться,
Уйдемъ скорѣе прочь—на приступъ собираться!

—

VIII.

КРИСПИНЪ, (*одинъ.*)

А я, какъ инженеръ, подумаю теперь
Траншею заложить и дунуть въ эту дверь!
Чтобъ мигомъ нашъ старикъ, пустившись въ ретираду,
Намъ мѣсто уступилъ—иль выдержалъ осаду!

—

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

I.

ЖЕРОНТЪ, (*одинъ.*)

«Секретъ,» сказалъ одинъ какой-то древній
грекъ,
Отмѣнно опытный и умный человѣкъ:
«Секретъ такая вещь, которой нѣтъ важнѣе,
И въ нашъ болтливый вѣкъ сберечь всего труд-
нѣе.»
А я такъ думаю, какъ многіе изъ насъ,
Что дѣвушку сберечь труднѣе во сто разъ!
Но бѣдный слесарь мой усталъ ужъ дожидаться,
И проситъ поскорѣй за дѣло приниматься.
И такъ, чтобы ему нимало не мѣшать,
Агату съ Лизою я вышлю погулять.
А то такъ молоткомъ ударитъ вдругъ съ раз-
маха,
Такъ, Боже сохрани, онѣ умрутъ отъ страха!
Когда же это все улажу безъ труда,
Терпѣнью пріучать примусь ихъ тогда:
Эй, вы! красавицы!

—

II.

ЖЕРОНТЪ, АГАТА, ЛИЗА.

ЖЕРОНТЪ.

И такъ, я въ угожденье
Со мной здѣсь погулять даю вамъ позволенье.

ЛИЗА.

Вотъ милость рѣдкая!... Я думаю, самъ Богъ
Надъ нами наконецъ вамъ сжалиться помогъ!
Сюрпризу вашему нельзя не удивляться.
Мы ждали цѣлый годъ, чтобъ разъ его дождаться.

ЖЕРОНТЪ.

Полезна иногда и перемѣна мѣстъ.
Все тоже и одно намъ скоро надоѣстъ.

АГАТА.

Повѣрьте мнѣ, сударь, гдѣ бъ ни была я съ вами,
На все бъ смотрѣла я такими же глазами,
И даже признаюсь, когда на васъ гляжу —
Сама я не своя: вздыхаю и дрожу.

ЖЕРОНТЪ.

Что слышу! О, восторгъ! Повѣрь, что безъ сомнѣнья,
Твой будущій супругъ уйметъ твои волненья!

АГАТА.

У насъ такъ дѣвушки, чтобъ лучше имъ успѣть,
При словѣ жениха стараются краснѣть,
Тоскуютъ, охаютъ, какъ будто бы боятся —
И точно въ монастырь сбираются спасаться;
А я такъ, говоря открытою душой,
По чести тутъ бѣды не вижу ни какой,
И искренно скажу, чтобъ жить повеселѣе:
Я за мужъ бы пойти желала поскорѣе.

ЛИЗА.

И точно, дѣвушкамъ въ такихъ еще лѣтахъ
Рановько бъ, кажется, заботясь о грѣхахъ,

Замужства убѣгать и съ свѣтомъ разлучаться!
Къ тому жъ, монастыри, нельзя въ томъ не признаться,
Вошли у насъ въ обрядъ не прежде же мужей!
И такъ, чтобъ подражать обычаямъ людей,
Не лучше ли всего, послѣдуя природѣ,
Держаться намъ того, который больше въ модѣ?
А что-же до меня, хотя бъ и на бѣду,
Но я ужъ въ монастырь, ей Богу, не пойду.

ЖЕРОНТЪ.

Вы судите, ей-ей, и дѣльно, и прекрасно!
И мнѣніе мое съ обѣими согласно.
Мнѣ также завестись хотѣлось бы женой!
Хоть тысячи невѣстъ волочатся за мной,
И мнѣ формально всѣ въ любви своей божились,
Однако-жъ я сказалъ, что поздно ужъ хватились,
Что ты одна, мой другъ, препятствуешь тому,
Что я влюбленъ въ тебя, и къ счастью моему,
Взаимно милъ тебѣ!

АГАТА.

Кто, — вы?

ЖЕРОНТЪ.

Да, да, милаша!
Я радъ, что имъ теперь любовь извѣстна наша.

АГАТА.

Какъ вы увѣрили?

ЖЕРОНТЪ.

Что даже и во снѣ
Нерѣдко иногда ты грезишь обо мнѣ.

АГАТА.

Такъ смѣло увѣрять не должно бъ торопиться.

ЖЕРОНТЪ.

Кто счастливъ, тотъ всегда скорѣй проговорится!

АГАТА, *(въ сердцахъ.)*

И я не разсержусь еще до этихъ поръ!

ЖЕРОНТЪ.

За что же, мой дружокъ?

АГАТА.

За то, что это вздоръ,
И вашего вранья смѣшнѣе не бывало!

ЖЕРОНТЪ.

Такъ я не милъ тебѣ?

АГАТА.

О, это бъ было мало:
Я ненавижу васъ!

ЖЕРОНТЪ.

За что жъ, скажи?

АГАТА.

Да такъ.
Сверхъ воли полюбить не можно намъ никакъ.

ЛИЗА.

Хоть отзывъ и жестокъ, за то онъ безпри-
страстенъ.

ЖЕРОНТЪ, *(Агатѣ.)*

Неблагодарная! Я самъ въ себѣ не властенъ.

ЛИЗА, *(удерживая Жеронта.)*

Умѣрьте этотъ гнѣвъ, и лучше разберемъ,
Кого прельстите вы фигурой и лицемъ?
Вы всѣ ужъ сморщились, — въ ней прелести
открыты;

Она мила, ловка—вы скучны и сердиты!
Она лишь въ свѣтъ, — а вамъ со свѣта, чай,
пора!
Ей надобенъ женихъ,—вамъ нужны доктора!
У ней зубочковъ рядъ, что всякій бы прель-
стился—
У васъ всего одинъ и тотъ переломился!
Судите же теперь, съ наружностью такой,
Ну, можно ли, сударь, прельстить кого собой?

ЖЕРОНТЪ, (*всторону.*)

Когда жъ за всю любовь терплю одно презрѣнье,
На все рѣшуся я, и—даже на отмщенье,
И прелести ея отъ свѣтскаго вреда
Сей-часъ же подъ замокъ запрячу навсегда:
Чтобъ тамъ, одумавшись, отъ франтовъ поотстала,
И, наконецъ, ко мнѣ съ раскаяньемъ предстала!
(*Агатѣ.*)
Сей-часъ за мной!

АГАТА.

Куда жъ, хотѣла бъ я узнать?

ЖЕРОНТЪ.

Узнаешь скоро все, не время тутъ болтать.

—

III.

ТѢЖЕ, ЭРАСТЪ, (*входя, какъ будто нечаянно, кланяется Жеронту.*)

ЖЕРОНТЪ, (*всторону.*)

О, встрѣча страшная, проклятое свиданье!

О, скучный человѣкъ! о, модное созданье!

(Эрасту.)

Могу ли я спросить, что здѣсь угодно вамъ?

ЛИЗА, (*тихо Агатѣ.*)

Ахъ, это вашъ Эрастъ!

АГАТА.

И онъ не даромъ къ
намъ.

(*Эрастъ продолжаетъ кланяться.*)

ЖЕРОНТЪ.

Совсѣмъ не нужно тутъ ни шаркать, ни кри-
вляться;
Прошу мнѣ отвѣчать, чтобъ съ вами распро-
щаться.

ЭРАСТЪ.

Сердечно радуясь, что васъ увидѣть могъ,
Отдавъ почтенье вамъ, я мой исполню долгъ.
Моя не въ далекѣ сломалась здѣсь карета;
Пока жъ окончится, сударь, починка эта,
Гуляя, я зайти сюда былъ очень радъ!
Здѣсь воздухъ также свѣжъ, какъ вашъ пре-
красенъ садъ.

ЖЕРОНТЪ.

Все такъ разхваливать вашъ трудъ совсѣмъ на-
прасенъ.
Мнѣ кажется, мой садъ ни мало не прекрасенъ;
А воздухъ, такъ божусь, здѣсь воздухъ не та-
ковъ—
Не только не хорошъ, но даже не здоровъ!

АГАТА.

Ахъ, это истина! я въ этомъ увѣряю,
Съ тѣхъ поръ, какъ здѣсь живу, чуть-чуть не
умираю!

ЭРАСТЪ.

По вашей свѣжести, признаться вы должны,
Ни кто бы не сказалъ, чтобъ были вы больны.

ЖЕРОНТЪ.

Что въ этомъ вамъ, она больна или здорова.
Прошу васъ поискать разсѣянья другова.

ЭРАСТЪ, (*смотря на Агату.*)

Ахъ, эти прелести, которымъ я клянусь...
(*Жеронту, показывая, будто говоритъ о мѣстоположеніи.*)
То есть, окрестности, я въ этомъ признаюсь,
Питаютъ сердце, взоръ, творятъ мое блаженство,
Въ нихъ вижу полное природы совершенство,
И ихъ боготворить готовъ я отъ души!

ЖЕРОНТЪ.

Да здѣшнія мѣста довольно хороши;
Но вамъ, чтобъ не могли заговориться снова,
Не лучше ль поспѣшить: карета, чай, готова.
А здѣсь такъ васъ ничто не можетъ задержать,
Ступайте-ка скорѣй, чтобъ время не терять.

ЭРАСТЪ.

Въ минуту ѣду я—но прежде мнѣ скажите ..

ЖЕРОНТЪ.

Когда же вы еще остаться здѣсь хотите,
Позвольте мнѣ сперва исполнить мой обрядъ:
(*Агатѣ и Лизѣ.*)
Скорѣе прочь!

ЛИЗА.

Ахъ, нѣтъ!

ЖЕРОНТЪ.

Прочь, прочь, вамъ говорятъ.

ЭРАСТЪ.

На это я, сударь, никакъ не соглашуся;
Чтобъ ихъ не огорчить, я тотчасъ удалюся.

АГАТА, (*Эрасту.*)

Ахъ, нѣтъ, останьтеся! И лучше какъ нибудь
Нельзя ли вамъ, сударь, пуститься завтра въ путь?
Здѣсь тьма опасностей! Къ тому жъ — мои бъ совѣты:
Вамъ ѣхать не одним.

ЖЕРОНТЪ.

Какіе этикеты!

(*Агата уходитъ.*)

—

IV.

ЖЕРОНТЪ, ЛИЗА, ЭРАСТЪ, КРИСПИНЪ.

ЖЕРОНТЪ, (*Лизѣ.*)

Прошу за ней!

ЛИЗА.

Иду. Но вамъ на зло, на страхъ,
Открыто здѣсь скажу при этихъ господахъ,
Что вѣрно кто нибудь, хотя изъ сожалѣнья,
Спасетъ насъ наконецъ отъ вашего гоненья;

Что здѣсь мы ровно годъ и, право, безъ при-
чинъ,
Страдая, издали лишь смотримъ на мужчинъ;
Что намъ ни съ кѣмъ изъ нихъ нѣтъ средства
повстрѣчаться;
Что здѣсь живемъ на то, чтобъ вѣчно запираться;
Льемъ слезы, думая, что вымеръ цѣлый свѣтъ
И міромъ завладѣлъ ревнивецъ во сто лѣтъ!
Судите жъ, дѣвушкѣ здѣсь можно ль быть
счастливой?...

ЖЕРОНТЪ, (*зажимая Лизѣ ротъ, вталкиваетъ ее въ дверь.*)

Я вырву твой языкъ, и дерзкій, и болтливой!

—

V.

ЖЕРОНТЪ, ЭРАСТЪ, КРИСПИНЪ

ЖЕРОНТЪ, (*всторону.*)

Останусь лучше здѣсь, пока внутри тайкомъ
Мой слесарь безъ меня прикроетъ все кругомъ;
Къ тому же, ихъ печаль в ю душу мнѣ измy-
читъ!

(*Эрасту.*)

Теперь вы можете, пока вамъ не наскучитъ,
Свободно говорить.

ЭРАСТЪ.

Мнѣ право очень жаль,
Что ввелъ я вашу дочь нечаянно въ печаль.

ЖЕРОНТЪ.

Какую дочь, сударь?

ЭРАСТЪ.

Такъ женушку, конечно?

ЖЕРОНТЪ.

Да, — нѣчто близкое.

ЭРАСТЪ.

Я радуюсь сердечно!
Вы женитесь на ней! — Въ столь вѣтреныхъ лѣтахъ
Похвально, что ее вы держите въ рукахъ.
Къ-несчастію, у насъ мужья такіе рѣдки;
За то и женщины — ужасныя кокетки!

ЖЕРОНТЪ.

Что до моей жены, такъ увѣряю васъ,
Бросаться по гостямъ не будетъ на показъ.

КРИСПИНЪ.

Божественно, сударь!—Я женщинъ такъ боюся,
И столько золъ на нихъ, что сердцемъ веселюся,
Когда найду кого, кто также ихъ бранитъ.

ЖЕРОНТЪ, (*Эрасту.*)

Онъ малый не дуракъ, и правду говоритъ.

ЭРАСТЪ.

По моему, такъ тотъ еще смѣшнѣе вдвое,
Кто слово женское считаетъ за святое;
Не видитъ, что надъ нимъ творятся чудеса,
И смотритъ на жену зажмуривши глаза.
Скажите, можно ли за женщину ручаться,
Не лучше ли за ней присматривать стараться;
Когда заговоритъ, скорѣе закричать;

Заспорила она—въ минуту запирать?
И дѣлать нѣчего, когда за все старанье,
Обманывать мужей—ихъ первое желанье!

ЖЕРОНТЪ.

Мы... мы единственны, на этотъ съ вами счетъ.
Что до меня, такъ врядъ меня кто проведетъ:
Я всякій Божій день себя остерегаю,
И имъ во всемъ мѣшать всѣ средства прибираю!
Что мнѣ до этого? Пусть женскіе друзья,
Всѣ франты, женихи, и графы, и князья,
И въ шпорахъ, и въ усахъ, и въ киверахъ
пернатыхъ,
Которые живутъ—на счетъ людей женатыхъ,
Пусть всѣ они кричатъ, что я такой-сякой—
Я плюю,—и служить не буду имъ женой!

ЭРАСТЪ.

Помилуйте, да какъ не дорожить женою?
Не всѣмъ родиться въ свѣтъ съ холодною ду-
шою!
Ахъ, нѣтъ, сама любовь насъ учитъ ревновать.
Однако-жъ многіе другое говорятъ:
Ревнивецъ—мнѣ смѣшно — но вотъ ихъ раз-
сужденье:
Ревнивецъ, самое прежалкое творенье!
Всегда въ отчаяньи, въ сомнѣніяхъ пустыхъ;
Онъ созданъ для того, чтобъ мучить лишь дру-
гихъ,
Для всѣхъ несносенъ онъ и самъ себѣ стра-
данье;
Обманывать его, есть общее желанье!
И будто должно бы ревнивыхъ всѣхъ мужей

Ловить и запирать, какъ бѣшеныхъ людей!
Вотъ свѣтскій приговоръ, который такъ ужа-
сенъ,
Но я вамъ признаюсь—я съ этимъ несогласенъ,
И даже увѣрять охотно всѣхъ готовъ,
Что ревность не порокъ, но лишняя любовь;
Что чувства ревности въ сердцахъ не побѣди-
мы,
И милы женщинамъ, когда онѣ любимы!

ЖЕРОНТЪ.

Клянусь, что вы меня приводите въ восторгъ!
Все это записать почту за первый долгъ,
Чтобы читать глупцамъ такія поученья.

КРИСПИНЪ.

Не должно упускать такого вдохновенья:
Я мигомъ запишу, зайти лишь только бъ къ
вамъ...

ЖЕРОНТЪ, (*удерживая Криспина.*)

Слуга покорнѣйшій! Я памятливъ и самъ.
Вы слишкомъ ласковы. (*Эрасту.*) Теперь, су-
дарь, прощайте,
Счастливый путь! вотъ онъ, и время не теряйте!
Да Богъ васъ укрѣпитъ въ намѣреньи благомъ!
И я прошу впередъ—не посѣщать мой домъ!

—

VI.

ТѢЖЕ, ЛИЗА.

ЛИЗА, (*вбѣгая въ отчаяніи.*)
Ахъ! ахъ! Бѣда! бѣда! Какое приключенье!
О жалость! о ударъ! о страшное мученье!
О бѣдный господинъ, ты съ горести умрешь!..
Гдѣ онъ? Ни гдѣ его, къ-несчастью, не найдешь!

ЖЕРОНТЪ, (*бѣгая за Лизой.*)
Я здѣсь! я здѣсь!... О страхъ!

ЛИЗА.
Ахъ, съ силой не сберуся!

ЖЕРОНТЪ.
Скорѣе говори, и такъ я весь трясуся!

ЛИЗА.
Агата...

ЭРАСТЪ.
Ахъ, скажи...

ЛИЗА.
Я вся дрожу сама!
Ахъ! барышня моя, сошла, сударь, съ ума!

ЖЕРОНТЪ.
Агата?

ЭРАСТЪ.
О, ударъ!

ЖЕРОНТЪ.
Нѣтъ, это не возможно!

ЛИЗА.

Я честью вамъ клянусь, что это все неложно!
Проклятый слесарь вашъ всему, сударь, виной.
Едва лишь невзначай ужасною рукой
Ударилъ молоткомъ — весь домъ нашъ зашатался,
Агата вздрогнула и умъ ея смѣшался.
Не знаетъ, что начать; бѣжитъ и видитъ вдругъ
Рѣшетки страшныя, прибитыя вокругъ:
Тутъ вмигъ лишась ума, все иначе толкуетъ,
Смѣется, сердится, и плачетъ, и танцуетъ;
Потомъ, накинувши престранный свой нарядъ,
Въ которомъ ѣздила, бывало, въ маскарадъ,
И въ бѣшенствѣ своемъ, гоняяся за мною,
Меня вальсировать заставила съ собою!
И словомъ, вамъ сказать, хоть это и грѣшно,
На барышню смотрѣть и жалко, и смѣшно!

ЭРАСТЪ, (*всторону.*)

Что слышу?.. Я погибъ!

ЖЕРОНТЪ.

Зарѣзанъ я судьбиной!

ЛИЗА.

Несчастью этому не сами ль вы причиной?
Вотъ дѣвушекъ, сударь, какъ страшно запирать!

ЖЕРОНТЪ.

Ахъ, если бъ это зналъ! Мнѣ лучше бъ подождать.

ЛИЗА.

Признаться, мы ее сначала затворили;
Но шумъ и крикъ ея мнѣ голову вскружили.

Съ досады, такъ и бьетъ объ двери головой!...
Нѣтъ, строгостью никакъ не сладить намъ съ
больной!

Но вотъ несчастная...

—

VII.

ТѢЖЕ, АГАТА, (*въ испанскомъ костюмѣ, съ гитарою въ рукахъ, представляя музыканта.*)

АГАТА, (*поетъ.*)

ЛИЗА.

Какое превращенье;
Опять другой нарядъ и новое явленье!

ЭРАСТЪ, (*Криспину.*)

Она хоть безъ ума, клянусь любить ее!

КРИСПИНЪ.

Иную бъ и съ умомъ я не взялъ за нее.

АГАТА.

А, вотъ товарищи, такіе жъ музыканты,
Артисты, гордецы, бездѣнежные франты.
Я также вашъ сочленъ, и титломъ симъ гор-
жусь.
Дочь Ут-ре-ми-фа-соль, и я себѣ дивлюсь;
Чудесный мой талантъ извѣстенъ всей вселен-
ной!
Ни что—одинъ дуэтъ, по моему безцѣнной!

Тѣмъ болѣ, что онъ мой; а васъ, какъ знатоковъ,
Прошу лишь подтвердить, что точно онъ таковъ.

ЖЕРОНТЪ.

Сомнѣнья нѣтъ, она формальной дурой стала!

ЛИЗА.

Я знала это все, и васъ не увѣряла.

(*Агата дѣлаетъ рулады и поетъ.*)

КРИСПИНЪ.

Посмотришь на нее, такъ право чудеса;
Какой сердитый видъ и страшные глаза!

АГАТА.

Люблю таланты я!—(*Подаетъ одну руку Жеронту, которою больно жметъ его, другую даетъ цѣловать Эрасту.*)
Еще, еще,—смѣлѣе!
Дуетъ мой для меня всѣхъ лучше и нѣжнѣе:
Въ нёмъ тонъ пріятнѣйшій и съ чувствомъ, и съ душой,
Живъ, легокъ, быстръ, хорошъ, плѣняетъ всѣхъ собой!
Акорды же его такъ новы и пріятны!...
Недавно, какъ-то разъ, какой-то баринъ знатный,
Больной, въ параличѣ, совсѣмъ почти безъ ногъ,
Позвалъ меня къ себѣ привесть его въ восторгъ;
Едва я начала играть мое творенье,
Сидѣвшіе врачи, забывъ свое леченье,
Всѣ слуги, самъ больной, не зная, что начать,
Схватившись за руки, всѣ бросились — плясать!

КРИСПИНЪ, (*Эрасту.*)

О, чудо! Вотъ талантъ, который не у многихъ,
Чтобъ музыкой своей вылечивать безногихъ!
Есть чѣмъ похвастаться!

ЭРАСТЪ.

Молчи, несносный
враль.
Тебѣ лишь одному несчастную не жаль!

АГАТА.

Молчанье!—Геній мой, Олимпомъ вдохновенный,
Объемлетъ пылкій духъ гармоніей священной!
Влекусь! Какой восторгъ! Онъ вылетѣть готовъ;
Страшитесь помѣшать внушенію боговъ...
Я чувствую въ груди ужасное стѣсненье!...
(*Кашляетъ прямо на Жеронта.*)
Представь! Я кашель сей сочла за вдохновенье!
А, кстати, мой дуетъ, который такъ любимъ,
Внушенъ мнѣ не мечтой, но геніемъ моимъ!
Въ немъ все божественно—и чувство, и натура!
(*Даетъ Жеронту ноты, а Эрасту письмо.*)
Берите: вотъ твоя—и ваша партитура.
(*Приготовляясь пѣть, кашляетъ.*)

КРИСПИНЪ.

Не лучше ль отойти, чтобъ кашлю не мѣшать.

ЛИЗА, (*всторону.*)

Ахъ, какъ бы поскорѣй намъ шутку разыграть!

ЖЕРОНТЪ, (*Агатѣ.*)

Мой другъ, въ умѣ твоемъ престрашная тре-
вога!..
Вглядись, я твой Жеронтъ! Уймися, ради Бога

АГАТА.

И такъ, ты будешь пѣть?

ЖЕРОНТЪ.

Лишь стóитъ приказать,
Не только буду пѣть—я радъ хоть танцовать!

ЭРАСТЪ, (*открывая письмо, всторону.*)

Криспинъ!.... Письмо!....

КРИСПИНЪ, (*тихо Эрасту.*)

Письмо! А, а! — Такъ вотъ въ чемъ
дѣло!
Все понялъ я, теперь ручаюсь въ этомъ смѣло.

АГАТА.

О хоръ! О славный хоръ! Всѣ силы собери:
Вамъ должно начинать; смотрите жъ — разъ,
два, три!

(*Считая кадансъ, бьетъ по головѣ Жеронта нотами; наконецъ, разсердившись, толкаетъ его ногою.*)

Ну, ну! Скорѣй, скорѣй! Чего же ты зѣваешь?
О, жалкій музыкантъ! Ты душу раздираешь!
Скажи, какой скрипачъ, къ стыду артистовъ
всѣхъ,
Взялся тебя учить, и выучилъ на смѣхъ?
Ревѣть или молчать—вотъ все твое умѣнье!

ЖЕРОНТЪ.

Мой другъ! Я говорилъ себѣ же въ извиненье,
Что музыки не зналъ я съ роду моего.

АГАТА.

Невѣжда! И ты смѣлъ, не смысля ничего,
Придти мѣшать сюда своею глупой страстью,

Двухъ пламенныхъ сердецъ взаимному согласью?
Кто слышалъ, чтобъ сова, которой страшенъ свѣтъ,
Съ прелестнымъ соловьемъ рѣшилась пѣть дуэтъ?
Ты былъ глупцомъ и имъ останешься безспорно.

КРИСПИНЪ, (*Агатѣ.*)

Мой баринъ, донести осмѣлюсь вамъ покорно,
Исполнитъ вѣрно все.

АГАТА.

Чтобъ это доказать,
Онъ долженъ ввечеру мнѣ серенаду дать,
И музыкой своей и ловкой, и завидной,
Увлечь меня!...

ЛИЗА, (*Криспину.*)

Смотри жъ!

КРИСПИНЪ.

Я малый дальновидный!
Финала, можетъ быть, лишь ждете вы?

АГАТА.

Да, да!

КРИСПИНЪ.

Финалъ сей стóитъ намъ немалаго труда.
(*Тихо Агатѣ.*)
У насъ же на бѣду наличныхъ не хватаетъ!

АГАТА, (*тихо Криспину.*)

Не бойтесь!—Будетъ все, ни что не помѣшаетъ.

ЭРАСТЪ, (*Агатѣ.*)

О, этотъ вамъ сюрпризъ сего-дня жъ можно дать!

АГАТА.

Прощайте жъ, господа, я буду ожидать!
(*Припѣвая и танцуя, уходитъ.*)

ЖЕРОНТЪ.

Ахъ, Лиза, побѣжимъ; намъ должно постараться
Помочь, чтобъ навсегда ей дурой не остаться!
(*уходитъ съ Лизою.*)

—

VIII.

ЭРАСТЪ, КРИСПИНЪ.

ЭРАСТЪ.

Ушли!... прочтемъ скорѣй. (*Читаетъ*) «Во всемъ ввѣряюсь вамъ.
«Простите хитрости, въ ней все мое спасенье;
«Когда Эрастъ къ моимъ чувствителенъ слезамъ,
«То вѣрно поспѣшитъ прервать мое мученье!»—
Надѣйся—и во всемъ любви моей повѣрь!
О выдумкѣ такой что скажешь ты теперь?

КРИСПИНЪ.

Что въ хитростяхъ любви всѣ женщины плутовки,
И насъ обманывать онѣ ужасно ловки.

ЭРАСТЪ.

Намъ надо поспѣшить, какъ можно поскорѣй.
Ты мастеръ былъ всегда обманывать людей:
Подумай, какъ бы мнѣ спасти ее вѣрнѣе?

КРИСПИНЪ.

Неужто жъ увести?

ЭРАСТЪ.

Что-жъ этого скорѣе?

КРИСПИНЪ.

Конечно, и тому я былъ бы очень радъ;
Боюсь лишь...

ЭРАСТЪ.

Но чего жъ?..

КРИСПИНЪ.

Да кой-какихъ наградъ.

ЭРАСТЪ.

Но я женюсь на ней.

КРИСПИНЪ.

Я буду ль тѣмъ утѣшенъ?
Вы женитесь, а я—рискую быть повѣшенъ!

ЭРАСТЪ.

Еще придумалъ я: Дорваль.. онъ мнѣ знакомъ...
Ты знаешь вѣдь его?

КРИСПИНЪ.

Что-жъ въ этомъ?

ЭРАСТЪ.

Дѣло въ томъ,
Что онъ недалеко живетъ съ своей сестрою:
Убѣжище мнѣ дать онъ будетъ радъ душою.
Къ нему мы полѣтимъ, чтобъ бѣшеный старикъ,
Не могши насъ сыскать, съ досады сталъ въ тупикъ.

И если бъ удалось, то я не сомнѣваюсь,
Что нынче жъ ввечеру съ Агатой обвѣнча-
юсь!

IX.

ТѢЖЕ, ЖЕРОНТЪ.

ЖЕРОНТЪ.

Я съ горести моей таскаюсь какъ шальной!
(*Эрасту, указывая на Криспина.*)
Позвольте васъ спросить, сей малый дорогой
Не вашъ ли человѣкъ?

ЭРАСТЪ.

Такъ точно.

ЖЕРОНТЪ.

Ахъ, спасите!
Съ слезами васъ прошу, помочь мнѣ прикажите.

ЭРАСТЪ.

Съ охотою сударь; но чѣмъ?

ЖЕРОНТЪ.

Онъ славный врачь,
Въ лѣченьѣ ни какихъ не знаетъ неудачь!
Онъ самъ мнѣ сдѣлалъ честь со мною подру-
житься,
И вѣрно пособить несчастной согласится.

КРИСПИНЪ, (*гордо.*)

О! средства для того конечно бы нашлись;
Но вы... со мною здѣсь такъ дерзко обошлись,
Что я...

ЖЕРОНТЪ.

Помилуйте...

КРИСПИНЪ.

Часовъ не вынимая,
Мнѣ отвѣчать, что вы не башня городская!

ЖЕРОНТЪ.

Помилуйте!

КРИСПИНЪ.

Стыда такого на челѣ
Я даже не имѣлъ на огненной землѣ!

ЖЕРОНТЪ.

Ахъ, сжальтеся, хотя надъ дѣвушкой несчастной;
Умѣрьте этотъ гнѣвъ, гнѣвъ истинно напрасный!

(*Эрасту.*)
Вступитесь за меня!

ЭРАСТЪ.

Для дружбы хоть моей,
Криспинъ, прошу тебя, помочь ей поскорѣй!

КРИСПИНЪ.

А если такъ, для васъ все сдѣлаю формально,
И вылечить ее берусь—радикально!

ЖЕРОНТЪ.

И вы надѣетесь,...

КРИСПИНЪ.

Прошу лишь не мѣшать;
Мнѣ должно напередъ прочесть мою тетрадь,
И средство отыскать, котораго держуся.

ЖЕРОНТЪ.

Я васъ благодарить по чести не найдуся!
Но вѣрьте, что готовъ всѣмъ жертвовать для
васъ.

КРИСПИНЪ.

Идите; я явлюсь и вылечу какъ разъ!
(*Жеронтъ, кланяясь Криспину и Эрасту, уходитъ.*)

—

X.

ЭРАСТЪ, КРИСПИНЪ.

ЭРАСТЪ.

Что значитъ это все? Скажи, какой судьбою
Попалъ ты въ доктора?

КРИСПИНЪ.

Ужъ чисто самъ собою!
Признаться жъ, думаю, все вышло изъ того,
Что здѣсь же, невзначай наткнувшись на него,
На сдѣланный вопросъ: чего я тутъ зѣваю?
Ему я отвѣчалъ, что травы собираю;
Что я искусный врачь, и многими изъ нихъ
Берусь отъ всего вылѣчивать больныхъ.
Онъ вѣрно вспомнилъ то и бросился за мною.

ЭРАСТЪ.

Тѣмъ лучше.—Ахъ, Криспинъ, я восхищенъ
тобою!
Намъ этого никакъ не должно упускать:

Надежда и любовь всю трудность побѣдятъ!
Пойдемъ, и хитрость мы придумаемъ такую,
Которой всѣхъ скорѣй ты вылечишь больную.

КРИСПИНЪ.

Съ охотой бы, сударь; но врядъ на этотъ разъ
Успѣю что нибудь я выкинуть для васъ...
Мы такъ безденежны! А эта мнѣ примѣта...

ЭРАСТЪ, (*уходя*)

Но вспомни о письмѣ!

—

XI.

КРИСПИНЪ, (*одинъ.*)

Фальшивая монета!
Надѣясь на него, съ отчаянья умрешь;
Любовное письмо—не денежный платежъ.

=

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

I.

ЭРАСТЪ, (*одинъ.*)

По чести, въ женщинахъ мнѣ ловкость ихъ завидна.
Какъ дѣвушка умна, хитра и дальновидна,
Когда любовь, шутя, сердечко ей зажжетъ?

Что хочешь дѣлай ты, она свое возьметъ!
Но, между тѣмъ, чтобъ намъ все кончить поскорѣе,
Я средства отыскалъ, которыхъ нѣтъ вѣрнѣе:
Криспинъ мой явится піэсу разыграть;
Лишь денегъ на вояжъ не знаю, гдѣ достать!

—

II.

ЖЕРОНТЪ, ЭРАСТЪ.

ЖЕРОНТЪ, (*не видя Эраста.*)

Нѣтъ силъ! Лишаюся надежды я послѣдней!
Бросаюсь, суечусь какъ бѣсъ передъ обѣдней!
Не знаю, что начать... и, кажется, къ бѣдамъ
Я, глядя на нее, рехнуся скоро самъ!
Что вижу я, вы здѣсь! Ахъ, сжальтесь, благодѣтель!
Страданья моего самъ Богъ теперь свидѣтель!
Чудесный этотъ врачь—искусства образецъ,
Онъ скоро ли придетъ, скажите, мой отецъ?
Въ несчастіи моемъ нельзя не торопиться;
Теряя все, готовъ на все я согласиться!

ЭРАСТЪ.

Не бойтесь ничего, есть средство пособить.
Я право отъ души готовъ вамъ услужить.
Больная жъ такъ меня растрогала собою,
Что я... я право въ ней учавствую душою!

Что-жъ до врача, такъ онъ къ вамъ явится
сей-часъ.
Въ искусствѣ я его испытывалъ не разъ;
Но онъ вступилъ со мной въ такія разсужденья,
Объ участи больной и средствахъ излѣченья,
Что я умомъ его по чести восхищенъ!

ЖЕРОНТЪ.

Я вами истинно, какъ другомъ одолженъ!
Волшебный этотъ врачь такъ много обѣщаетъ,
Что, кажется, его мнѣ небо посылаетъ!

ЭРАСТЪ.

Ручаться за него мнѣ, впрочемъ, нужды нѣтъ.
Всѣ эти мудрецы, объѣздивъ цѣлый свѣтъ,
Вы сами знаете, какую пыль пускаютъ,
И если вѣрить имъ, такъ мертвыхъ воскреша-
ютъ,
Но этотъ человѣкъ, по всѣмъ его словамъ,
Я въ этомъ побожусь, родился къ чудесамъ!
Желая жъ оказать услугу мнѣ прямую,
Клялся, что къ вечеру онъ вылѣчитъ больную
А онъ, какъ кажется, не знаетъ неудачь.

ЖЕРОНТЪ.

О, кстати ли, сударь! Онъ точно славный врачь.
Кто за моремъ ученъ, тотъ выученъ не худо:
На эдакихъ людей здѣсь смотрятъ, какъ на чудо!

—

III.

ТѢЖЕ, ЛИЗА.

ЛИЗА, (*вбѣгая.*)
Нѣтъ средства! Барышня вздурилася опять!
Несчастную, ей-ей, придется вамъ связать.

IV.

ТѢЖЕ, АГАТА, (*въ видѣ старухи.*)

АГАТА.
А, здраствуйте! Меня давно вы вѣрно ждете.
Скажите жъ, весело ль, здорово ли живете?
Дай Богъ, чтобъ никогда не знали вы тоски,
И были счастливы, любезные дружки!
Печаль сушитъ людей, съ ней нѣчего дружиться.
Повѣрьте въ этомъ мнѣ, что лучше веселиться!

ЭРАСТЪ, (*Жеронту.*)
Ахъ, какъ она мила! И я на этотъ разъ,
Хотѣлъ бы самъ на ней жениться вмѣсто васъ!

АГАТА, (*грозя Эрасту.*)
Ахъ, ахъ, шалунъ! Чему изволишь ты дивиться?
Лѣтъ за сорокъ тому, такъ стоило бъ влюбиться!
Представьте, въ жизнь мою не знала я румянъ,
А щечки и теперь какъ красненькій сафьянъ!
Хоть правда, мой отецъ, и стала я сѣдою,
Но все-таки нельзя назвать меня дурною;

Я, право, изъ старухъ, какъ роза межъ цвѣ-
товъ,
Глаза, какъ звѣздочки, все видятъ безъ очковъ,
Собой еще бодра, люблю повеселиться...
И даже танцовать готова я пуститься.

ЛИЗА.

Прекрасно!

АГАТА.

Право, я горжусь не безъ причинъ.
(*Показывая на свои зубы.*)
Изъ этихъ жемжужковъ не выпалъ ни одинъ,
А волей Божіей, девятый ужъ десятокъ
О святкахъ наступилъ.

ЛИЗА.

Порядочный достатокъ!

АГАТА.

Да, такъ! А все еще гожуся хоть куда!
Признаться, мой дружокъ, мнѣ стоило труда
Отъ здѣшнихъ волокитъ спасти свое имѣнье,
Вотъ такъ и наровятъ, чтобъ въѣхать во вла-
дѣнье.
Да я спровадила всю эту молодежъ;
Свяжись-ка съ кѣмъ изъ нихъ, тамъ мигомъ
пропадешь.

ЭРАСТЪ, (*тихо Жеронту.*)
Вы часто ли ее отъ этого лѣчили?

ЖЕРОНТЪ, (*тихо Эрасту.*)
Ни разу!—И, ей-ей, ее заворожили!

АГАТА.

Богатство въ сторону, я право сущій кладъ.
Лишь дѣти-то меня печалятъ и крушатъ!

Да мнѣ бъ и этихъ лѣтъ вы вѣрно не сказали,
Когда бъ по склонности насъ за-мужъ выдавали!
Ахъ, истинно грѣшно, что нынче дочерямъ
Всѣ ищутъ жениховъ по деньгамъ да чинамъ!
Нѣтъ, мы блаженствуемъ взаимной только
страстью
И я съ покойникомъ, ужъ подлинно къ-не-
счастью,
На свѣтъ произвела превзбалмочныхъ ребятъ!

ЛИЗА.

Ай, ай!

АГАТА.

Все мальчиковъ и сущихъ чертенятъ!
Представьте, что они, забывъ ко мнѣ почтенье,
Рѣшились у меня оспоривать имѣнье?
Однако-жъ, это вздоръ; я вижу по всему,
Что скоро за долги упрячутъ ихъ въ тюрьму.
Ахъ, въ дѣтяхъ подлинно моя несчастна доля!
Но дѣлать нѣчего—Его Святая воля!

ЖЕРОНТЪ, (*всторону.*)

Представить не могу, какъ можно такъ мечтать!

ЛИЗА, (*всторону.*)

Ну, право, мастерски! Ужъ нѣчего сказать!

АГАТА, (*Жеронту.*)

Теперь я въ крайности, и чтобъ окончить дѣло,
Которое въ судѣ къ рѣшенью подоспѣло,
Къ тому жъ позадарить безжалостныхъ судей....
Прошу васъ деньгами помочь мнѣ поскорѣй.

ЖЕРОНТЪ.

Мой другъ! Не нужно тутъ ни денегъ, ни поклоновъ;
Я даромъ кончу все, защитою законовъ.

АГАТА.

Нѣтъ, нѣтъ, голубчикъ мой, меня не увѣряй;
Законы по себѣ, а денежки подай!

ЖЕРОНТЪ.

Мой другъ, войди въ себя....

АГАТА.

Ахъ, сжальтесь надъ несчастной!
Я съ горести умру!

ЖЕРОНТЪ, (*Эрасту.*)

Нѣтъ, это ужъ ужасно!
Мой Богъ! Что дѣлать мнѣ?

ЭРАСТЪ, (*тихо Жеронту.*)

Уймите этотъ жаръ.
Боюсь, чтобъ право съ ней не сдѣлался ударъ!

ЛИЗА, (*Жеронту.*)

Бѣда, когда ее разсердите немножко;
Она взбѣжитъ на верхъ и выпрыгнетъ въ окошко!

ЖЕРОНТЪ.

Ай! ай!

ЛИЗА.

Къ тому жъ, сударь, мнѣ помнится, что вамъ
Сей-часъ лишь принесли проценты по долгамъ,
Потѣшьте же ее, ей будетъ страхъ пріятно!

ЖЕРОНТЪ, (*тихо Лизѣ.*)

И я же, давши ей, ихъ взять могу обратно.

(*Агатѣ, отдавая деньги.*)

Вотъ деньги, ангелъ мой! — Желаю отъ души,
Чтобъ были лишь отъ нихъ успѣхи хороши!

АГАТА.

Вотъ добрый человѣкъ! — Спасибо, мой любезной!
Я право ихъ ждала, какъ помощи небесной!

(*Лизѣ, показывая на Эраста.*)

А ты, голубушка, ихъ стряпчему вручи.

(*Эрасту.*)

Смотри же, мой дружокъ, получше хлопочи.

ЛИЗА, (*Агатѣ.*)

Онъ мигомъ кончитъ все.

ЭРАСТЪ, (*Агатѣ.*)

Съ охотою берусь.
Что кончу хорошо — я честью вамъ божуся!

АГАТА, (*Эрасту.*)

Теперь я посиѣшу надѣть другой чепецъ,
Чтобъ вмѣстѣ мнѣ съ тобой поѣхать, мой отецъ,
Судей позадарить и выиграть тѣмъ дѣло!

(*Жеронту.*)

Что Богъ отплатитъ вамъ, ручаюсь въ этомъ смѣло.
Теперь-то, признаюсь, я чувствую сама,
Что горе и съ дѣтьми — когда въ нихъ нѣтъ ума!

(*уходитъ.*)

—

V.

ЖЕРОНТЪ, ЭРАСТЪ, ЛИЗА.

ЛИЗА, (*тихо Эрасту, отдавая деньги.*)
Вотъ деньги вамъ, сударь, чтобъ дѣло шло
скорѣе.

ЭРАСТЪ, (*тихо Лизѣ.*)
Надѣйтесь на меня, и дѣйствуйте смѣлѣе.

ЖЕРОНТЪ, (*Лизѣ.*)
Смотри жъ, чтобъ денежки....

ЛИЗА.
Къ чему весь этотъ страхъ?
Бояться нѣчего — они у насъ въ рукахъ!
(*уходитъ.*)

VI.

ЖЕРОНТЪ, ЭРАСТЪ.

ЖЕРОНТЪ.
И такъ, вы видѣли несчастной изступленье;
А докторъ вашъ нейдетъ; какое положенье!

ЭРАСТЪ.
Не знаю, чтобъ могло задерживать его?
Да вотъ и онъ, сударь; не бойтесь ничего.

VII.

ТѢЖЕ, КРИСПИНЪ.

ЖЕРОНТЪ, (*Криспину.*)

Скорѣй, скорѣй, сударь! Вы медлите безбожно!
Больная такъ дуритъ, что сладить невозможно!

КРИСПИНЪ.

Одинъ мудрецъ сказалъ въ древнѣйшіе вѣка:
«Во всемъ, что дѣлаешь, спѣши всегда слегка,»
Но я, я въ мигъ, сударь, открылъ пружину дѣла:
Во-первыхъ, въ верхней ли, иль въ нижней части тѣла
Скрывается въ больной дурачествъ элементъ?—
Гальенъ твердитъ, что *да*, а Иппократесъ: *нѣтъ*,
И такъ, чтобъ согласить сихъ медиковъ ученыхъ,
Въ ихъ мнѣньяхъ, практикѣ и въ спорахъ ихъ мудреныхъ,
И словомъ, разогнать всю мрачность этихъ книгъ —
Такъ кажется, что я все сдѣлалъ это въ мигъ!

ЖЕРОНТЪ.

Вы, стало, видите болѣзни сей причину?

КРИСПИНЪ.

Такъ ясно, какъ въ стекло прозрачную картину!

ЖЕРОНТЪ.

Помѣшанныхъ, сударь, лѣчили ль вы когда?

КРИСПИНЪ.

И женщинъ, и мужчинъ, безъ всякаго труда.
Но вы увидите. Сказать же между нами,
Я пользую тремя арабскими словами,
Которыхъ таинство есть чудо изъ чудесъ!
Я даже лѣчивалъ владѣтельныхъ принцессъ!
Другіе медики, незная сей догадки,
Лишь могутъ исцѣлять тѣлесные припадки;
Но я — я врачь ума! И мой медикаментъ
Публично заслужилъ мнѣ докторскій патентъ.
Когда жъ не вѣрите, такъ можно постараться
И васъ свести съ ума, — вамъ нечего бояться:
Все это для того, чтобъ только доказать,
Какъ скоро бъ я успѣлъ васъ вылѣчить опять!

ЖЕРОНТЪ.

Мой Богъ, не дай меня лукавому попутать!

КРИСПИНЪ.

Пойдемте же къ больной, чтобъ пульсъ у ней пощупать.

ЖЕРОНТЪ, (*удерживая Криспина.*)

Нѣтъ, нѣтъ, напрасный трудъ! Я самъ, сударь, я самъ
Въ минуту поспѣшу ее представить къ вамъ
(*уходитъ.*)

VIII.

ЭРАСТЪ, КРИСПИНЪ.

ЭРАСТЪ.

Криспинъ! Поздравь меня — дѣла идутъ здѣсь славно!

Агата безъ тебя, такъ мило и забавно
Успѣла выпросить и денегъ намъ въ займы!

КРИСПИНЪ.

Вы шутите?...

ЭРАСТЪ.

Клянусь!—И кажется, что мы
Теперь не промигнемъ, чтобъ кончить все ско-
рѣе,
Вся трудность только въ томъ, что какъ бы
похитрѣе
Ревнива разлучить съ Агатой хоть на часъ.
Онъ, бѣгая за ней, съ нея не сводитъ глазъ,
И намъ отдѣлаться конечно помѣшаетъ.

КРИСПИНЪ.

Все это смастерить Криспинъ вамъ обѣщаетъ.
Вы такъ ловки, а я не промахъ также самъ!
Что славно отличусь, ручаюсь въ этомъ вамъ.

ЭРАСТЪ, (*послѣ нѣкотораго молчанія.*)

Постой, я выдумалъ развязку пресмѣшную:
Чтобъ увезти скорѣй Агату дорогую,
Ты долженъ старика увѣрить только въ томъ,
Что силой всѣхъ лѣкарствъ, со всѣмъ твоимъ
умомъ,
Помочь тебѣ больной нѣтъ способа иного,
Какъ эту же болѣзнь переселить въ другаго;
Я тотчасъ вызовусь все это испытать;
А тамъ, берусь его я такъ перепугать,
Что если нашъ старикъ отъ страха не рехнется,
Такъ вѣрно убѣжитъ и гдѣ нибудь запрется!

КРИСПИНЪ.

Прекрасно! Но, я чай, не худо бъ стороной,
Агатѣ намекнуть о выдумкѣ такой?

ЭРАСТЪ.

О, что до этого, такъ я ужъ постараюсь!
Я счастіемъ моимъ заранѣ восхищаюсь!
А чтобъ Агатѣ я могъ все пересказать,
Старайся старика побольше заболтать.
Но кстати, вотъ и онъ съ извѣстьемъ пре-
ужаснымъ.

КРИСПИНЪ, (*встрѣчая Жеронта.*)

Объятья дружества—убѣжище несчастнымъ!

—

IX.

ТѢЖЕ, ЖЕРОНТЪ, (*вбѣгая въ отчаяніи.*)

ЖЕРОНТЪ.

Спасите, господа! Нѣтъ силъ, ей-ей, во мнѣ!
Несчастная теперь все бредитъ о войнѣ;
Пречудно разрядясь, какъ будто въ маскарадѣ,
Явилася сей--часъ въ воинственномъ нарядѣ,
И въ страшномъ, наконецъ, безпамятствѣ своемъ,
Гоняется за мной съ преострымъ тесакомъ!
Чтобъ съ нами воевать, надѣла было латы,
И хочетъ цѣлый свѣтъ завербовать въ солдаты!
И даже и меня!....

—

X.

ТѢЖЕ, ЛИЗА, АГАТА *(въ военномъ нарядѣ.)*

АГАТА.

Ура! За мной во слѣдъ!
Герои! Мы живемъ для славы и побѣдъ!
(Эрасту.)
Ты здѣсь! Я очень радъ! что встрѣтился съ тобою.
И такъ, мой милый другъ, порадуйся со мною!
Собравшись съ деньгами, я нынче же готовъ
Летѣть, чтобъ поражать отечества враговъ!

ЖЕРОНТЪ.

Какія странности!

АГАТА.

Признаться между нами:
Избави Богъ, имѣть дѣла съ ростовщиками!
Хоть грабить ближняго законы не велятъ,
Но право, наконецъ, они насъ раззорятъ;
И тотъ, кто далъ мнѣ въ долгъ, при крайности ужасной,
Изъ всѣхъ растовщиковъ мошенникъ первокласной!
И право бъ стоило, чтобъ былъ сей-часъ же тутъ,
Въ примѣръ и страхъ другимъ, повѣшенъ этотъ плутъ;
Но время дорого, мнѣ должно торопиться.
(Эрасту.)
Поѣдемте со мной, чтобъ вмѣстѣ отличиться!

ЭРАСТЪ, (*Агатѣ.*)

Съ охотой.—И кому жъ васъ лучше проводить?
(*тихо Жеронту.*)
Я это говорю, чтобъ ей лишь угодить.

АГАТА.

Прощай, любовь! Бѣгу сѣтей твоихъ опасныхъ!
Конечно, я бы могъ надѣлать тьму несчастныхъ:
Я ловокъ, живъ, хорошъ, и мальчикъ хоть куда!
Мнѣ женщинъ побѣждать не стоило бъ труда;
Но это торжество томительно и скучно;
На женщинъ я смотрю всегда нреравнодушно!
Богъ брани мой кумиръ — и я его рукой
Въ храмъ славы возношусь съ увѣнчанной главой!
Что-жъ медлить? Полетимъ! И трудно ли рѣшиться?
(*Криспину.*)
Скорѣе лошадей, намъ должно торопиться!
Спѣши, бѣги, лети!

КРИСПИНЪ, (*Жеронту, отводя его всторону.*)

Не бойтесь ничего;
Я тотчасъ объясню: все это отъ того...
Что въ ней...

ЖЕРОНТЪ (*подбѣгаетъ къ Эрасту, примѣтя, что онъ шепчется съ Агатою.*)

Но вы, сударь!...

ЭРАСТЪ, (*тихо Жеронту.*)

Я дѣлалъ наблюденье:
Теперь въ ея глазахъ примѣтно воспаленье;

Припадка страшнаго намъ должно ожидать.
Велите поскорѣй хоть креслы ей подать.

(Лиза приноситъ креслы.)

АГАТА.

Я долго ль буду ждать кроваваго сраженья,
Побѣды и вѣнцовъ и славы упоенья?
Ахъ, сколько жалкихъ вдовъ и дѣвушекъ въ слезахъ!
Утѣштесь! Мы отметимъ, коль честь у насъ въ сердцахъ.
За мной, друзья! Для насъ не страшны смертны бои!
Въ отечествѣ у насъ всѣ воины герои!
Ура! Восторжествуй и мщенье и любовь!
Разите! бодрствуйте! рѣками лейте кровь!
Впередъ! Что вижу я? Свершилось пораженье!
Враги побѣждены! — Какое восхищенье!

(упадаетъ въ кресла.)

КРИСПИНЪ, *(Жеронту.)*

Вотъ ужасы! Каковъ, скажите жъ, нашъ герой?

ЖЕРОНТЪ, *(Криспину.)*

Въ ней нѣтъ, мнѣ кажется, надежды никакой.

КРИСПИНЪ, *(отводитъ Жеронта въ сторону, оставляя Эраста говорить съ Агатою.)*

Напротивъ, этотъ бредъ и обморокъ ужасный,
Есть славный переломъ и случай разпрекрасный!
Въ больную жъ, кажется, вселился адскій духъ,
Духъ злобы и любви — и онъ-то это вдругъ
Вскружилъ ей голову и завладѣлъ сердечкомъ!

ЛИЗА.

Плутишка! Дорожитъ, чай, эдакимъ мѣстечкомъ?

КРИСПИНЪ, (*Жеронту.*)

Когда жъ я этотъ духъ не выгоню сей-часъ,
Онъ вѣрно взбѣсится,—и всѣхъ погубитъ насъ!
А выжить мнѣ его нѣтъ способа инаго,
Какъ эту же бѣду перевести въ другаго—
И все бы кончилось!...

ЖЕРОНТЪ.

Нельзя ли вамъ его,
Хоть въ Лизу перевесть съ согласья моего?

ЛИЗА.

Вотъ мило вздумано!—Прошу меня избавить;
Бѣда, когда взбѣшусь, — со мной и такъ не сладить!

ЭРАСТЪ.

Скорѣй! Скорѣй!—Въ больной пылаетъ страшный жаръ!

КРИСПИНЪ.

Что слышу? Что начать?—О, горестный ударъ?
Мой умъ совсѣмъ погрязъ въ лекарственной пучинѣ!
Когда бы этотъ духъ свирѣпствовалъ въ мужчинѣ,—
Онъ мигомъ бы исчезъ, ручаюсь въ этомъ вамъ.
Но въ женщинѣ! — Бѣда! — Онъ ужасъ какъ упрямъ!

ЭРАСТЪ, (*Жеронту.*)

И такъ, онъ опытъ свой пусть сдѣлаетъ со мною.
Изъ дружбы къ вамъ, сударь, я жертвую собою!

Тѣмъ болѣе еще, что онъ на этотъ разъ,
Какъ видно по всему, дурачитъ только насъ!
(Криспину.)
Я уличу тебя!

КРИСПИНЪ.

Себя лишь берегите!
Но дѣло рѣшено; — вы этого хотите?
Извольте! — станьте здѣсь, — нѣтъ, нѣтъ, — со-
всѣмъ не такъ;
Нѣтъ, ближе, ближе къ ней, а иначе — никакъ.
Теперь — къ ногамъ ее падите съ униженьемъ;
Прелестной красотой любуйтесь съ восхи-
щеньемъ!
Смотрите, — не сюда, но прямо ей въ глаза;
Прекрасно! — Гдѣ восторгъ, тамъ вѣчно чудеса!
Я выкинуть готовъ божественную штучку!....
Теперь своей рукой ея прижмите ручку....
(Жеронту.)
Не бойтесь! — Дѣвушкамъ вѣдь это не вредитъ:
Имъ часто ручки жмутъ, но рѣдкая кричитъ.
Согласны ль вы, сударь?

ЖЕРОНТЪ.

На все, что вамъ угодно,
На все согласенъ я!

КРИСПИНЪ.

Вотъ это безподобно!
И такъ, вы чудеса увидите сей-часъ.
Прошу лишь отступить, мнѣ право не до васъ.
(Криспинъ, при слѣдующихъ словахъ, дѣлаетъ надъ Эрастомъ и Агатою своею палочкою разныя движенія.)
Микросъ! — Саламы! — Марокъ! —

АГАТА (вскакивая съ креселъ.)

Какой внезапный свѣтъ мнѣ взоры озаряетъ!

ЭРАСТЪ, (въ бѣшенствѣ).

Какая мрачна ночь вселенну покрываетъ!

АГАТА.

Какой спокойства духъ встрѣчаетъ сердце вновь!

ЭРАСТЪ.

О боги! Вкругъ меня ручьями льется кровь! —
Какія пропасти разверзлись предо мною!....
Чудовище!.... бѣги!—Иль яростной рукою....
Ты, съ срамомъ уязвленъ, въ тьму тартара падешь!

(Эрастъ, вынимая шпагу, бросается на Жеронта.)

КРИСПИНЪ, (удерживая Эраста.)

О страхъ! — Его ни чѣмъ, какъ видно, не уймешь!

(Жеронту.)

Спасайтеся, сударь!

ЭРАСТЪ.

Нѣтъ, гнѣвъ не укоснѣетъ!...
Ни въ десять круглыхъ лѣтъ ударъ не исцѣлѣетъ!

КРИСПИНЪ.

Ахъ! нѣтъ ли хоть у васъ отъ прежнихъ докторовъ,
Иль капель гофманскихъ, иль спирта, иль духовъ,
Чтобы унять....

ЖЕРОНТЪ, (въ страхѣ.)

Ахъ, есть, благодаря судьбинѣ!

(Ищетъ въ карманахъ ключь и отдаетъ Лизѣ.)

Бѣги, вотъ ключь, и тамъ въ шкапу, вверху,
въ корзинѣ,
Есть банка съ ерлыкомъ....

ЛИЗА.

Да ихъ тамъ много есть.
Не лучше ль вамъ самимъ и сбѣгать и принесть!

КРИСПИНЪ.

Бѣгите же скорѣй, и сжальтесь надъ несчаст-
нымъ:
Онъ мучится за васъ—и сдѣлался ужаснымъ!

ЛИЗА, *(толкая Жеронта въ двери.)*

Бѣгите же скорѣй!

ЖЕРОНТЪ, *(уходя.)*

Въ минуту ворочусь!

XI.

ЭРАСТЪ, АГАТА, ЛИЗА, КРИСПИНЪ.

ЭРАСТЪ.

Намъ время дорого, и медлить я страшусь,
Агата поспѣшимъ, насъ счастье ожидаетъ!
Пусть бѣсится старикъ, онъ намъ не помѣшаетъ!

АГАТА, *(подавая Эрасту руку.)*

И руку и себя—я все вручаю вамъ!
(убѣгаетъ съ Эрастомъ.)

ЛИЗА, *(Криспину.)*

За наше торжество—ударимъ по рукамъ!

Ну, право, мы съ тобой умнѣе всѣхъ ученыхъ!
Виватъ, Криспинъ!

КРИСПИНЪ.

Виватъ и хитрости влюбленныхъ!
(Убѣгаетъ съ Лизою за Агатой и Эрастомъ.)

XII.

ЖЕРОНТЪ, *(кричитъ изъ комнаты.)*

Бѣгу! бѣгу! — Вотъ спиртъ и капли разныхъ пробъ!
(вбѣгаетъ.)
Ихъ нѣтъ! — Но гдѣ жъ они? - Я чувствую ознобъ!
Эй! эй! Гдѣ вы?—гдѣ вы?.... Сомнѣніе ужасно!
(бѣгаетъ по театру.)
Ни здѣсь, ни тамъ—нигдѣ!—Я бѣгаю напрасно!
О страхъ! я трепещу! — Что сдѣлалось со мной?
Обмапутъ, раззоренъ, зарѣзанъ я судьбой!
Они ушли!.. бѣгу—Я знаю всѣ дороги!
Схвачу! — Свяжу! — Нѣтъ силъ! Мои нѣмѣютъ ноги!
Ихъ адской хитростью обманутъ я въ-конецъ!
Я баба! я оселъ!.... я истинный глупецъ!
Кто бъ думать могъ? О, гнѣвъ! О, лютое коварство!

О, глупый опекунъ! *(бросая банку.)* О, адское
лекарство!
Отмщу!.... рѣшусь на все! Погибнетъ этотъ
плутъ!
Бѣгу! Сыщу — и всѣхъ представлю тотчасъ въ
судъ!

ГОВОРУНЪ.

КОМЕДІЯ

ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ, ВЪ СТИХАХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ.

Графъ Звоновъ.
Прелестина, молодая вдова.
Модестовъ.
Чванова, тетка Прелестиной.
Свахина,
Вѣстина,
Споркина, } пріятельницы Чвановой.
Вздоркина,
Громова,
Лиза, служанка Прелестиной.
Слуга.

Дѣйствіе въ домѣ Прелестиной.

ГОВОРУНЪ.

КОМЕДІЯ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ, ВЪ СТИХАХЪ.

I.

ПРЕЛЕСТИНА, ЛИЗА.

ПРЕЛЕСТИНА.

Графъ Звоновъ, наконецъ, со мною распрощался,
Несносный говорунъ! насилу отвязался.
Представь, что онъ съ утра мололъ мнѣ всякій
вздоръ;
Но, чтобы какъ нибудь съ нимъ кончить раз-
говоръ,
Нарочно я ему коммисій надавала,
И онъ отправился.

ЛИЗА.

Я это испытала.
И нынче ужъ всегда отъ эдакихъ людей
Стараюсь ускользнуть какъ можно поскорѣй.
Признаться, этотъ графъ неважная находка;
Языкъ же у него, ну, сущая трещотка:

Стучитъ, кричитъ, гремитъ, такой подыметъ звонъ,
Что право хоть кого бѣжать заставитъ вонъ!
О подвигахъ своихъ онъ всякому клянется;
Въ чемъ нынче увѣрялъ, въ томъ завтра отопрется;
Злословье и хвалы онъ мастеръ сочинять;
Не знаетъ одного: чтобъ кстати помолчать.

ПРЕЛЕСТИНА.

Ты права!

ЛИЗА.

Да къ-тому-жъ весь свѣтъ такого мнѣнья:
Что эти болтуны прежалкія творенья!
Таковъ нашъ графъ; хоть онъ, по милости родни,
Недавно ѣздитъ къ вамъ, но право, эти дни
Мнѣ вѣкомъ кажутся—и сердце замираетъ,
Когда воображу, что онъ васъ обожаетъ!
Но нѣтъ, и вамъ нельзя другъ друга полюбить:
Вы любите молчать, онъ любитъ говорить;
Вы скромны и отъ всѣхъ снискали уваженье,
А онъ несносный враль, онъ общества мученье.
Модестовъ, напримѣръ, такъ этотъ не таковъ;
Онъ первый для меня изъ вашихъ жениховъ:
Такъ скроменъ, милъ, уменъ и молодецъ собою.

ПРЕЛЕСТИНА.

О, что до этого, согласна я съ тобою;
Но какъ дѣла мои покуда таковы,
Что воля тетушки....

ЛИЗА.

Помилуйте! Но вы
Вдова—и можете...

ПРЕЛЕСТИНА.

Но что меня принудитъ
Ее тѣмъ огорчить? она меня такъ любитъ,
Что даже дѣлаетъ наслѣдницей своей—
И я обязана повиноваться ей!
Къ-тому-же тетушка хоть графа не видала,
Но ей объ немъ родня такъ много насказала,
Что думаетъ, ему къ отказу нѣтъ причинъ;
И если есть женихъ, такъ это онъ одинъ;
Что онъ въ большихъ связяхъ, служилъ всегда примѣрно,
И мѣста важнаго добьется здѣсь навѣрно.

ЛИЗА.

Но и Модестовъ нашъ, какъ кажется, хотѣлъ
Искать здѣсь должности; но если бъ не успѣлъ...
Такъ все жъ, сударыня,—я все не полагаю,
Чтобъ этотъ графъ...

ПРЕЛЕСТИНА.

Ахъ, нѣтъ! но я сама не знаю...

ЛИЗА.

И такъ, когда его любовь вамъ дорога...
Что-жъ дѣлать? хоть и жаль, но я вамъ не слуга.
Избави Богъ! Да онъ не будетъ спать, ни кушать,
Все будетъ говорить, а я изволь лишь слушать!

Нѣтъ! лучше ужъ по мнѣ, чѣмъ вѣчно все терпѣть,
Такъ броситься въ рѣку и разомъ умереть.
Къ-тому-жъ, не больно ли? и гдѣ же справедливость...
У женщинъ похищать ихъ право на болтливость!

ПРЕЛЕСТИНА.

Ахъ, Лиза!.... Но скажи, что-жъ въ случаѣ такомъ
Могла бы сдѣлать я?

ЛИЗА.

Поставить на своемъ;
Вооружиться всѣмъ, во что бы то ни стало;
Къ-тому-же, попросить вамъ право бъ не мѣшало,
Хоть Вѣстину—она такъ съ тетушкой дружна,—
Поговорить за васъ.

ПРЕЛЕСТИНА.

Мнѣ жаль, что я должна
Невольно ввѣриться болтливой сей особѣ;
Не лучше ль Свахиной?...

ЛИЗА.

Да вотъ онѣ и обѣ!

—

II.

ТѢЖЕ, ВѢСТИНА, СВАХИНА.

ВѢСТИНА, (*Прелестиной.*)

А! здравствуй, милая. Ну, съ Богомъ, въ добрый часъ;
Я рада.... но къ-чему-жъ таиться такъ отъ насъ?

ПРЕЛЕСТИНА.

Скажите въ чемъ? и я съ покорностью готова...

СВАХИНА.

На что-жъ секретничать? и что-же въ томъ худова,
Что милой вдовушкѣ нашелся новый другъ.

ПРЕЛЕСТИНА.

Но кто же вамъ сказалъ?

ВѢСТИНА.

Вашъ будущій супругъ,
Графъ Звоновъ увѣрялъ, что онъ почти женился!

СВАХИНА.

Не только увѣрялъ, но даже побожился!

ЛИЗА.

О! дѣла у него не станетъ за божбой!

ПРЕЛЕСТИНА.

Могла ли ожидать я новости такой?
На мнѣ ужъ женятся, а я о томъ не знаю!
Но я, сударыни, васъ честью увѣряю,
Что такъ секретничать не стали бъ ни за что;
И все, что знаю я, такъ это только то,

Что графъ, какъ говорятъ, и слухъ довольно
вѣренъ,
Чрезъ тетушку ко мнѣ посвататься намѣренъ.
Любя ее — на все рѣшуся, можетъ быть....
Но сдѣлаться женой, и мужа не любить —
Ужасно!....

ВѢСТИНА.

Э, мой другъ!.....

СВАХИНА.

Смѣшно, о чемъ хлопочешь!
Ну, мужъ не нравится, люби кого захочешь.
Съ богатою женой у мужа ссоры нѣтъ.

ПРЕЛЕСТИНА.

Я васъ благодарю за дружескій совѣтъ;
Но это бъ значило: ужъ слишкомъ жить по модѣ,
Иныя, можетъ быть... но и не въ этомъ родѣ.
И васъ же я прошу, нельзя ли вамъ въ-двоемъ,
По дружбѣ съ тетушкой, ее увѣрить въ томъ,
Что съ этимъ графомъ мнѣ навѣрно не ужиться,
И что болтливый мужъ — всегда съ женой бра-
нится.

СВАХИНА.

Съ охотою, мой другъ; я рада всѣмъ служить:
И свадьбы снаряжать, и свадьбы разводить.

ПРЕЛЕСТИНА.

Я васъ благодарю. Но я, изъ состраданья,
Желала бъ васъ спасти отъ скучнаго свиданья:
Я жду.... что графъ....

ЛИЗА.

О, нѣтъ! я бьюся объ закладъ,

Что онъ сего-дня къ намъ не будетъ ужъ на-
задъ,
Въ гостяхъ онъ завсегда предолго остается:
Прощаться такъ готовъ, а ѣхать не сберется.
Ахъ, этотъ анекдотъ, чай, знаетъ цѣлый свѣтъ:
Что разъ, когда его вы звали на обѣдъ,
Онъ вздумалъ поутру, при вѣсточкѣ прекрасной,
Къ знакомой завернуть, болтуньѣ первокласной;
У этой ужъ съ гостьми шло дѣло на разладъ:
Онъ тотчасъ къ нимъ подсѣлъ и — мигомъ на
подхватъ
Пустились всѣ они и въ споры, и въ разсказы.
Не знаю, долго ли творились ихъ проказы,
Но наконецъ нашъ графъ, боясь опоздать,
Раскланявшись скорѣй, пустился къ намъ скакать,
И что-же? на обѣдъ—мы право удивились —
Пріѣхалъ ужъ тогда, когда мы спать ложились!

ВѢСТИНА.

Вотъ случай, чтобъ его формально осмѣять.

СВАХИНА.

Объ этомъ я берусь сей-часъ же разсказать,
И мигомъ поскачу....

ПРЕЛЕСТИНА.

Но намъ всего нужнѣе
Заѣхать, съ тетушкой увидѣться скорѣе.

ГРАФЪ ЗВОНОВЪ, *(за сценою.)*

Нѣтъ, это пустяки; теперь не та пора,
Чтобъ вашей барынѣ уѣхать со двора;
Я все-таки войду, увѣрюсь, объяснюся,
И если дома нѣтъ, такъ здѣсь се дождуся.

СВАХИНА.

Ай, ай! я слышу шумъ и точно,—это онъ...
Уйдемте, убѣжимъ, чтобъ не попасть въ полонъ!

(Всѣ, кромѣ Лизы, уходятъ.)

ЛИЗА.

Вотъ чудный человѣкъ! никакъ не унываетъ:
Ну, не съ кѣмъ говорить — съ самимъ собой болтаетъ!

—

III.

ЛИЗА. ГРАФЪ ЗВОНОВЪ.

ГРАФЪ, *(не видя Лизы.)*

По чести, пресмѣшно и ѣздить и ходить,
Не встрѣтя никого, чтобъ съ кѣмъ поговорить.
Увидѣвшись съ людьми, садишся, отдыхаешь,
Толкуешь, говоришь, и что нибудь узнаешь.
Графъ Чвановъ, напримѣръ... мнѣ графъ старинный другъ!
Заѣхалъ къ графу я, а графу недосугъ!
Графини дома нѣтъ; и что-жъ? вообразите....

ЛИЗА.

Позвольте васъ спросить, вы съ кѣмъ здѣсь говорите?

ГРАФЪ.

А, а, здорова ли? все къ лучшему идетъ;
Здорова? очень радъ, я зналъ то напередъ.

А барыня твоя? какое приключенье!
Представь, она сей-часъ дала мнѣ порученье,
Заѣхать къ Лелевой, кой-что ей разсказать.
Бѣгу, скачу, лечу и—могъ ли ожидать....
Когда бъ я не былъ самъ, я счелъ бы то за
враки:
Я въ домѣ не нашелъ ни бѣшевой собаки —
Все пусто, заперто, не встрѣтился ни съ кѣмъ,—
И съѣздивъ по нуждѣ, пріѣхалъ я ни съ чѣмъ!
Вчера я точно жъ такъ кружился по неволѣ:
Съ разсвѣтомъ поскакалъ къ обѣднѣ я къ Ни-
колѣ,
Обѣдня кончилась, поѣхалъ я въ Сенатъ,
Оттуда во дворецъ, оттуда въ Лѣтній Садъ,
Изъ Сада къ Знаменью, отъ Знаменья въ Мор-
скую,
Съ Морской въ Фурштатскую, съ Фурштатской
на Сѣнную,
Съ Сѣнной въ Литейную, съ Литейной на Пески,
Съ Песковъ въ Садовую—какіе все скачки!
Съ Садовой къ Гавани, изъ Гавани къ Почтамт-
ской,
Съ Почтамтской къ Невскому, изъ Невскаго
къ Казанской,
Оттуда поскакалъ объѣхать острова, —
Отъ мысли ужъ одной кружится голова!
Я мигомъ облетѣлъ: Васильевскій, Петровскій,
Елагинъ, Каменный, Аптекарскій, Крестовскій;
Съ Крестовскаго....

ЛИЗА, (*перебивая.*)

И я сего-дня точно жъ такъ

Бросалась безъ ума разъ двадцать на чердакъ,
Оттуда въ лавочку, изъ лавочки въ людскую,
Оттуда въ погреба, оттуда въ кладовую,
Лишь съ лѣстницы сбѣгу, на лѣстницу опять;
Кричатъ: бѣги, подай—умѣй лишь успѣвать;
И мой, и шей, и гладь, чтобъ мигомъ все поспѣло.
Но, къ-счастью, наконецъ, спроворила я дѣло,
Пока у барыни одинъ изъ жениховъ,
Извѣстный очень графъ и страшный краснословъ,
Болталъ, болталъ, болталъ, весь домъ привелъ въ тревогу;
Но вспомня, что онъ гость, убрался, слава Богу!
И барыня моя не встрѣтиться чтобъ съ нимъ,
На цѣлый день, сударь, уѣхала къ роднымъ.

ГРАФЪ.

Ты слишкомъ, кажется, изволила забыться?
Такъ дерзко отвѣчать мнѣ всякій побоится,
И если бъ меньше я Прелестину цѣнилъ,
Я бъ тотчасъ показалъ... но я тебя простилъ.
Совѣтую впередъ, чтобъ не нажить худова,
Съ почтеньемъ отвѣчать или не пикнуть слова.

ЛИЗА.

Нѣтъ! даръ молчанія наука не по насъ,
И въ этомъ я пошлюсь на перваго на васъ.

ГРАФЪ.

И такъ, за дерзости накажешся ты строго;
Такихъ, какъ я, людей, конечно здѣсь не много,
И это угадать могла бы ты сама;
Но я не виноватъ, что нѣтъ въ тебѣ ума.

Я скоро объяснюсь съ твоею госпожею,
Я буду мужемъ ей, она моей женою;
Я скоро генералъ, сомнѣнья въ этомъ нѣтъ;
Меня ль не произвесть, служивши двадцать
лѣтъ?
Смѣшно бъ Модестову ей сдѣлать предпочтенье;
Я вѣрно передъ нимъ... но что тутъ за сра-
вненье!..
Женитьбой услужить я могъ бы и другимъ:
Саржинской, Лелевой—я ими страхъ любимъ!
Но, впрочемъ, для меня Прелестина милѣе:
Не такъ хоть хороша, за то она умнѣе,
Добра, ловка, скромна и, трудно что сыскать,
Не любитъ никогда ни спорить, ни болтать.

ЛИЗА.

Я васъ благодарю за ваше снисхожденье.
Какая честь для насъ! какое одолженье!

ГРАФЪ.

Прощай; теперь скачу министровъ торопить.
Нельзя же имъ меня съ Модестовымъ сравнить.
Да, кстати, вотъ и онъ.

ЛИЗА.

Прощайте..., очень рада!
(Уходитъ.)

ГРАФЪ, *(съ улыбкою.)*

Онъ бѣшенъ; на лицѣ написана досада!
Но онъ соперникъ мой... и я—я очень радъ.

—

IV.

ГРАФЪ ЗВОНОВЪ, МОДЕСТОВЪ.

ГРАФЪ, (*встрѣчая Модестова.*)

А, здравствуйте, сударь! Я слышалъ, говорятъ,
Что вы—мнѣ странно то, но шутки тутъ не къ
мѣсту—
Хотите у меня отбить мою невѣсту?
И мѣсто самое, которое просилъ,
Которое умомъ и кровью заслужилъ.
Что вы, что вы, сударь, въ числѣ моихъ зло-
дѣевъ,
Что ищете пожать плоды моихъ трофеевъ,
Что вы, читавшіе мой списокъ послужной,
Равняться вздумали заслугами со мной!
Не смѣя отвѣчать...

МОДЕСТОВЪ.

Я время дожидался,
Пока вы кончите; но всякій бы признался,
Что вы сердиться такъ за это не должны,
И службой нашею мы, кажется, равны.

ГРАФЪ.

Какъ? мы равны, сударь!—Вы ль это говорите?
Заслуги ли свои съ моими вы сравните?
Я въ службу на лицо вступилъ въ пятнадцать
лѣтъ,
Я былъ ужъ офицеръ,—а вы, сударь, кадетъ.
Я всюду поспѣвалъ: былъ въ тысячи сраженьяхъ,
яхъ,

Въ траншеяхъ, въ приступахъ, въ побѣдахъ,
въ пораженьяхъ,
Вездѣ торжествовалъ—и въ мирѣ, и въ войнѣ;
Спросите всякаго: всѣ знаютъ обо мнѣ!
Всѣ видѣли меня при тысячи осадахъ,
Переднимъ въ приступахъ и заднимъ въ рети-
радахъ!
Могу ли позабыть я первый мой походъ?
То было въ Австріи, не вспомню только годъ,
Въ Іюлѣ мѣсяцѣ, числа... числа шестаго,
Шестаго, точно такъ; съ поста передоваго
Сраженье началось поутру въ три часа,
И тутъ-то въ первый разъ я строилъ чудеса!
Графъ Знатовъ въ этотъ штурмъ чуть жизни
не лишился!
Вы знаете его?—Онъ выгодно женился.
Жена его мила, въ большихъ теперь связяхъ,
А лучше что всего, богата такъ, что страхъ!
Но грѣхъ завидовать такой его удачѣ;
Я былъ вчера у нихъ, они живутъ на дачѣ,
Представьте...

МОДЕСТОВЪ.

Знаю все—я право очень радъ,
Что вы изъ Австріи пріѣхали назадъ.
А что до нашихъ мѣстъ, успѣхи вамъ пока-
жутъ,
Что я не безъ друзей.

ГРАФЪ.

Имъ на отрѣзъ от-
кажутъ,
И мѣста моего конечно я дождусь;

Когда не вѣрите, такъ я вамъ побожусь!
Мои, сударь, друзья на вашихъ не похожи,
И ваши—мелочь все, а наши—такъ вельможи!
И чтобъ рѣшительно увѣрить въ этомъ васъ,
Такъ я съ однимъ письмомъ отправлюся сей-
часъ,
Искать протекціи—она всему порука!
А отъ кого письмо? вотъ въ этомъ-то и штука.
Чтобъ знать, кѣмъ дѣйствовать и успѣвать въ
дѣлахъ!
Особа эта здѣсь въ большихъ теперь связяхъ:
Загорской другъ она. Но болѣе ни слова;
Стараться за меня нѣтъ ничего дурнова.
На счетъ протекціи я здѣсь сильнѣе всѣхъ,
И смѣло, наконецъ, ручаюсь за успѣхъ.

МОДЕСТОВЪ, (*всторону.*)

Загорской другъ? да кто жъ? Вѣтрова?—статься
можетъ:
Она знакома мнѣ, и вѣрно мнѣ поможетъ:
Вотъ случай!—И теперь успѣть не мудрено —
Нарочно съѣзжу къ ней.

ГРАФЪ.

Ужъ дѣло рѣшено.
Но если бъ даже мнѣ, чего не можетъ статься,
Пришлося какъ нибудь отъ мѣста отказаться,
Такъ все Прелестиной не вамъ же обладать,
И тетка можетъ ей...

МОДЕСТОВЪ, (*съ насмѣшкою.*)

Любить васъ приказать.

ГРАФЪ.

Нельзя ли помолчать; я говорю конечно,
И лучше и скорѣй...

МОДЕСТОВЪ, (*перебивая.*)

И страхъ безчеловѣчно!

ГРАФЪ.

О, зависть!—Но я васъ смѣяться отучу;
Я это говорю и этимъ не шучу.
Языкъ, сударь, для насъ всего дороже въ свѣтѣ;
Въ любви ли, въ обществѣ ль, въ ученомъ ли совѣтѣ—
Искусснымъ языкомъ мы сдѣлать можемъ все:
Коль мало этого, прибавлю вамъ еще,
Что стыдно и смѣшно, и глупо для инова,
Съ терпѣньемъ слушать вздоръ и не сказать ни слова.

МОДЕСТОВЪ.

Нужнѣе, кажется, чтобъ дѣлу пособить,
Такъ больше хлопотать и меньше говорить:
Болтанье лишнее и скучно и несносно....

ГРАФЪ.

Или меня бѣсить хотите вы нарочно?—
Васъ слушать и молчать терпѣнья право нѣтъ.
Меня ли вамъ учить? Когда я былъ трехъ лѣтъ,
Такъ я ужъ говорилъ гораздо васъ бойчѣе,
И громче, и скорѣй, и лучше, и вольнѣе!
Однажды съ братьями заспорилъ что-то я;
Но это такъ умно, что бабушка моя,
Взявъ на руки меня....

МОДЕСТОВЪ, (*всторону.*)

Ну, люди ужъ сбѣжались!

—

V.

ТѢЖЕ, СЛУГА.

СЛУГА, (*графу.*)

Князь проситъ ѣхать васъ, куда вы съ нимъ сбирались.

ГРАФЪ, (*слугѣ.*)

Сей-часъ.—(*Модестову.*) Взявъ на руки меня....

МОДЕСТОВЪ, (*всторону.*)

Я бьюся объ закладъ,

Что онъ...

СЛУГА, (*графу.*)

Князь ждетъ, сударь.

ГРАФЪ, (*слугѣ.*)

Онъ ждетъ—я очень радъ.

Сей-часъ.—(*Слуга уходитъ.*)

—

VI.

ГРАФЪ ЗВОНОВЪ, МОДЕСТОВЪ.

Взявъ на руки,—простите повторенье,—
Взявъ на руки меня, старушка, въ восхищеньѣ,
Сказала батюшкѣ: «припомни, мой сынокъ,
Я вижу по всему въ ребенкѣ будетъ прокъ!»—
И правда, одаренъ я памятью чудесной!
Я все перечиталъ, мнѣ все теперь извѣстно,
Я разомъ выучу хоть тысячу стиховъ,
И такъ понаторѣлъ, что самъ писать готовъ!
И что-жъ мудренаго? я знаю всѣ размѣры,
И мигомъ бы попалъ въ Софоклы иль Гомеры;
Здѣсь геніемъ прослыть трудъ право не великъ:
Лишь нуженъ Меценатъ и греческій языкъ.

МОДЕСТОВЪ.

Имѣйте даръ и вкусъ—они для васъ нужнѣе.

ГРАФЪ.

Но я вамъ докажу, что этого сильнѣе:
Что въ рѣчи именно извѣстнаго творца,
Публично признанъ тотъ чуть-чуть не за глупца,
Кто пишетъ и, къ стыду, по-гречески не знаетъ,
Хоть самъ, не доучась, другихъ онъ научаетъ;
Но кто безъ слабостей? у всякаго своя,
Онъ добрый человѣкъ и—Богъ ему судья!
А впрочемъ, почему жъ не тѣшиться отъ скуки?
Но, кромѣ языковъ, я знаю всѣ науки:
Исторія изъ нихъ главнѣйшій мой предметъ.
Попробуйте спросить—я мигомъ дамъ отвѣтъ.

Я знаю все, сударь: героевъ, ихъ дѣянья,
Всѣ царства, города и словомъ, всѣ преданья!
Тутъ Дарій въ торжествѣ, тамъ Александръ въ
цѣпяхъ
Везется въ Персію... Простите, въ торопяхъ
Я въ происшествіяхъ, какъ кажется, сбиваюсь.

МОДЕСТОВЪ.

Я вашимъ знаніемъ по чести восхищаюсь!
И право бъ стоило, коль смѣю дать совѣтъ,
Такія свѣдѣнья издать скорѣе въ свѣтъ.
Божусь, для рѣдкости ихъ съ жадностью ра-
скупятъ.

ГРАФЪ.

Съ твореніемъ такимъ не иначе поступятъ.

—

VII.

ТѢЖЕ, ЛИЗА.

ЛИЗА, (*вбѣгая, говоритъ графу.*)

Я васъ, сударь, спѣшу обрадовать скорѣй;
Къ намъ съѣхалось сей-часъ премножество го-
стей!
И кто же? тетушка со всей домашней свитой.
Вотъ случай увѣнчать талантъ вашъ знамени-
той,
И, вмѣсто барыни, пріема сдѣлать честь.

Вамъ справиться легко — ихъ счетомъ только
шесть,
И всѣ, ручаюсь вамъ, ужасныя болтушки!

ГРАФЪ.

Я знаю, каковы московскія старушки!
Но это ничего, я ихъ не побоюсь;
Пойду, сберу, приму, и съ ними къ вамъ
явлюсь.
(Уходитъ.)

—

VIII.

МОДЕСТОВЪ, ЛИЗА.

МОДЕСТОВЪ.

Что скажешь, Лиза, мнѣ?

ЛИЗА.

Останьтеся въ покоѣ;
Что онъ ни говори, но это все пустое;
Я вамъ протекторша—и дѣло рѣшено!

МОДЕСТОВЪ.

Но барыня твоя?

ЛИЗА.

Со мною за одно;
Лишь мѣсто графское намъ голову вскружило.

МОДЕСТОВЪ.

И такъ, когда оно ее обворожило,
Я все употреблю, чтобы его занять;
И мнѣ нашъ говорунъ изволилъ разсказать,

Какими средствами успѣть въ моемъ исканьи.
Но, между тѣмъ, прощай, и я, во ожиданьи,
Что просьбу и мою уважатъ, можетъ быть,
Сей-часъ же поспѣшу его предупредить. —

(Уходитъ къ кулисамъ.)

ЛИЗА.

Эй, стулья поскорѣй! я слышу шумъ сраженья.

—

IX.

СПОРКИНА, ВЗДОРКИНА, ГРОМОВА, СВАХИНА, ВѢСТИНА, ЧВАНОВА, ГРАФЪ ЗВОНОВЪ, ЛИЗА.

СПОРКИНА, ВЗДОРКИНА *(входятъ первыя и говорятъ вмѣстѣ.)*

Мы спорить не хотимъ, но странны увѣренья!...

ГРОМОВА, *(съ жаромъ.)*

Вы вѣрьте или нѣтъ, но я не соглашусь.

(Лакеи и Лиза ставятъ стулья; всѣ садятся, а графъ садится въ серединѣ, подлѣ Чвановой.)

ГРАФЪ, *(Чвановой.)*

Всѣ сѣли, очень радъ; я подлѣ васъ сажусь.
Теперь займемтеся; я право съ нетерпѣньемъ
Готовъ хоть цѣлый день васъ слушать съ восхищеньемъ!

ВѢСТИНА, *(Чвановой.)*

И такъ, я вамъ скажу, что ѣхавши отъ васъ,
Мнѣ Хлоеву пришлось увидѣть въ первый разъ;
Она.....

СВАКИНА.

Была мила, но нынче подурнѣла.

ВЗДОРКИНА.

Ужъ слишкомъ рядится!

СПОРКИНА.

И слишкомъ постарѣла.

ЧВАНОВА, (*говоритъ протяжно.*)

А я такъ разскажу вамъ новый анекдотъ....

ГРАФЪ.

Прекрасно, я люблю ужасно этотъ родъ....
И знаю самъ....

ГРОМОВА.

И я....

СПОРКИНА.

И я....

ЧВАНОВА.

Все это вѣроятно;
Но я....

СПОРКИНА.

Я слушаю.

ГРАФЪ, (*Чвановой.*)

Васъ слушать всѣмъ пріятно!

ГРОМОВА, (*тихо Вздоркиной.*)

Она скучна!

ВЗДОРКИНА.

И страхъ протяжно говоритъ!

ЧВАНОВА.

И такъ, прошу молчать, чтобъ было безъ обидъ.
Послушайте жъ: одна изъ здѣшнихъ дамъ въ собраньи....

ГРАФЪ, (*Чвановой.*)

Въ собраньи? а въ какомъ?

ЧВАНОВА.

Что нужды вамъ въ названьи?

Въ какомъ бы ни было, а дѣло только въ томъ:
Въ собраніи—съ однимъ военнымъ молодцомъ...

ГРАФЪ.

Съ военнымъ? такъ! они преловкіе мужчины.

ЧВАНОВА.

Чтобъ вамъ ихъ не назвать, на это есть причины,
Особа знатная, а мальчикъ также князь.

СВАХИНА.

Теперь я поняла.

ГРАФЪ.

Я знаю эту связь
Съ Аглаевой?....

ВѢСТИНА, (*всторону.*)

Да онъ старушку право взбѣситъ!

ЧВАНОВА, (*въ сердцахъ.*)

Нѣтъ, нѣтъ, сударь! пустякъ; нѣтъ, эта не чудеситъ,
Хотя и молода,—а той ужъ сорокъ лѣтъ.

ГРАФЪ.

Такъ это Знатова?

СПОРИНИНА.

Брызгалова?

ЧВАНОВА.

Нѣтъ! нѣтъ!

ГРОМОВА.

Вѣтрова?

ВЗДОРКИНА.

Лелева?

СВАХИНА.

Ильмена, можетъ статься?

ЧВАНОВА.

Да дайте жъ досказать.

ГРАФЪ, (*Чвановой.*)

Я радъ повиноваться,

Но я.....

ЧВАНОВА.

Да что за срамъ! уймися, мой отецъ!
Мнѣ эдакъ замолчать придется наконецъ.

ГРАФЪ.

Помилуйте!

ЧВАНОВА.

Меня такъ это удивляетъ!

ГРАФЪ.

Ни слова — я молчу.

ЧВАНОВА, (*Вѣстиной.*)

И все-таки болтаетъ!

СПОРКИНА.

Чтобъ споровъ избѣжать, не лучше ль положить
Намъ очередь, чтобъ знать, кто долженъ говорить?

ГРАФЪ.

Клянусь, что сохраню всю святость договора!

ЧВАНОВА.

Условье первое: чтобы зачинщикъ спора
Платилъ за это штрафъ.

ГРАФЪ.

Какъ, штрафъ?

СПОРКИНА.

И штрафъ большой.

ГРАФЪ.

Что я не провинюсь, ручаюсь вамъ душой!

ВѢСТИНА.

Не лучше ль намъ въ театръ поѣхать посмѣ-
яться?

ВЗДОРКИНА.

Да что вамъ вздумалось?

ГРАФЪ.

Что будетъ тамъ играться?

ВѢСТИНА.

Комедья: Говорунъ...

ГРАФЪ.

Комедья Говорунъ?
Вотъ новость для меня! — Да кто же тотъ ша-
лунъ,
Кто смѣлъ безъ моего и плана и совѣта
Всю важность поддержать столь труднаго сю-
жета?
Тутъ надобенъ языкъ, пріятный, легкій слогъ,
Спросился бъ у меня — и я бъ ему помогъ.

СПОРКИНА.

Ахъ! я охотница большая до комедій.

СВАХИНА.

А я — до жалкихъ драмъ!

ЧВАНОВА.

А я—такъ до трагедій!
И мнѣ, по счастью, здѣсь всѣ видѣть удалось.

ГРАФЪ.

Да, нынче ихъ у насъ довольно развелось;
Но я всегда жалѣлъ объ ихъ несчастной долѣ:
Сыграютъ раза два, и бросятъ по неволѣ.

ЧВАНОВА, (*графу.*)

Вы вѣрно пишите? И вашъ по дружбѣ долгъ...

ГРАФЪ.

Писать—я не пишу, но знаю въ этомъ толкъ...
Я пользуюсь умомъ, другихъ не безпокоя,
Но разъ въ трагедіи, играя роль героя,
Я слезы проливать заставилъ всѣхъ рѣкой!....

(*Вскакивая со стула.*)

«О гордый Орбасанъ! тебя зову на бой!»

ЧВАНОВА.

И полно-те, сударь!

ВѢСТИНА, (*Чвановой.*)

Да намъ приходитъ худо.

ГРАФЪ.

Когда бъ я былъ актеръ — я бъ былъ осьмое
чудо!

ВѢСТИНА.

Дошло и до чудесъ!—Скажу я вамъ теперь,
Что къ намъ изъ-за моря....

ГРАФЪ.

А! это вѣрно звѣрь,
Который на показъ къ намъ привезенъ въ сто-
лицу?

Я видѣлъ ужъ его: онъ страхъ похожъ на
птицу.
И можетъ, говорятъ,—мы вѣрить не могли,—
И плавать, и летать, и бѣгать по земли!
Я тотчасъ опишу вамъ всю его фигуру:
Во-первыхъ....

ЧВАНОВА.

Чтобъ меня не приняли за дуру,
Прошу не докучать мнѣ странностью такой.

ВѢСТИНА, *(въ сторону.)*

И лучше бы молчать, чѣмъ мучить всѣхъ собой.

(Въ-слухъ.)

Да, кстати—говорятъ, что будто Пустякова
Теперь....

ГРАФЪ.

Разводится, чтобъ выдти за другова.

СВАХИНА.

Да съ кѣмъ? — она вдова.

СПОРКИНА.

Вы слишкомъ не-въ-попадъ
Вмѣшались въ разговоръ.

ГРАФЪ.

Я точно виноватъ.

ВѢСТИНА.

Купила, говорятъ, имѣнье пребольшое,
И чуть ли наконецъ....

ГРАФЪ.

Вотъ это ужъ пустое.
Я въ этомъ побожусь.

ВѢСТИНА.

Да дайте жъ досказать!

ГРАФЪ.

Позвольте....

ВѢСТИНА.

Нѣтъ, сударь....

ГРАФЪ.

Но можно ль увѣрять!...

ЧВАНОВА.

Молчите....

ГРАФЪ.

Нѣтъ, никакъ.

СПОРКИНА.

Имѣйте же терпѣнье.

ГРАФЪ.

Я долго ужъ терпѣлъ....

ЧВАНОВА.

Хотя изъ уваженья....

ВѢСТИНА.

Я знать должна....

ГРАФЪ.

И я.... я знаю это все.

ГРОМОВА.

О, Боже!

СВАХИНА.

О, злодѣй!

ГРАФЪ.

Прибавлю вамъ еще,

Что я....

ВѢСТИНА.

Она всегда....

ГРАФЪ.

Съ родни....

ВѢСТИНА.

Она со мною
Дружна, и пишетъ мнѣ....

ГРАФЪ.

Она съ моей сестрою
Училась, и вчера....

ЧВАНОВА.

Помилуйте!...

ГРАФЪ.

Я вамъ....

ГРОМОВА.

Уймитесь.

СПОРКИНА.

Что за шумъ!

ВѢСТИНА.

Клянусь!....

ГРАФЪ.

Я самъ—я самъ
Вчера....

ВѢСТИНА.

Нѣтъ....

ЧВАНОВА.

Нѣтъ....

ГРАФЪ.

Она....

СПОРКИНА.

Помилуйте!

ГРОМОВА.

Тревога!

ЧВАНОВА.

Нѣтъ силъ!

ВѢСТИНА.

Взбѣшусь!

ЧВАНОВА.

Умру!

ГРОМОВА.

Побойтеся хоть Бога!

ГРАФЪ.

Нѣтъ, въ этомъ ужъ меня никакъ не убѣдить!
И истинѣ моей вамъ должно уступить;
И именно, съ моей фамиліей блестящей
Она родня, родня—по линьи нисходящей!

ВѢСТИНА.

Я съ ней, я съ ней, сударь, съ ребячества дружна;
Меня ли увѣрять? я знать ее должна,
И вѣрно ужъ ко мнѣ о купленномъ помѣстьѣ
По почтѣ отъ нее получится извѣстье.

СПОРКИНА.

Нѣтъ силы! у меня кружится голова.
Я даже бы могла,... но я не такова.
Я споровъ не терплю, всегда ихъ убѣгаю,
И для того и вамъ охотно уступаю.

ЧВАНОВА.

Вотъ ловкость, вотъ вашъ умъ, вотъ ваша острота:
Почтенной женщинѣ не дать разинуть рта!

Всѣ вмѣстѣ.

Да гдѣ жъ учтивость тутъ, тѣ милые разсказы?
Хваленый человѣкъ!—и вотъ его проказы!

СВАХИНА.

Позвольте! дайте намъ перевести хоть духъ.
Покойный Пустяковъ мой былъ старинный другъ,
Я знаю лучше всѣхъ, чѣмъ онъ себя прославилъ,
И какъ онъ нажился, и что женѣ оставилъ.

Всѣ вмѣстѣ.

ГРАФЪ.

Божусь, божусь, божусь! я знаю весь ихъ родъ;
Мнѣ всѣ они родня—ихъ предокъ былъ Федотъ.
Федотъ родилъ Ѳому, Ѳома родилъ Ивана,
Иванъ родилъ Кузьму, Кузьма родилъ Демьяна,
Демьянъ—у этого родился сынъ Борисъ;
У этого Егоръ, у этого Денисъ;
Денисъ родилъ Илью, Илья родилъ Сергѣя,
Сергѣй родилъ Луку, Лука родилъ Андрея,
Андрей...... (*кашляетъ.*)

ГРОМОВА.

Андрей, Андрей — чтобъ чортъ его побралъ!
Нѣтъ силы—я бѣгу. (*Уходитъ.*)

—

X.

ТѢЖЕ, КРОМѢ ГРОМОВОЙ.

ГРАФЪ, (*продолжая.*)

Я вамъ не досказалъ;
Андрей былъ человѣкъ, несчастливо женатой;
Но кто жъ ему велѣлъ жениться на богатой?
Отъ денежныхъ невѣстъ накладны барыши,
И часто при душахъ—невѣста безъ души!
Къ-тому-жъ она была фамальи очень знатной
И съ нашею въ родствѣ..... (*кашляетъ.*)

СВАХИНА, (*всторону.*)

Болтунъ невѣроятной!
Бѣгу!—(*Уходитъ.*)

—

XI.

ТѢЖЕ, КРОМѢ СВАХИНОЙ.

ГРАФЪ, (*продолжая.*)

Отецъ ея былъ съ молода шалунъ,
Но славный человѣкъ и страшный говорунъ!
И онъ-то, наконецъ, по матушкѣ покойной
Придется дѣдомъ мнѣ.—(*чихаетъ.*)

ВЗДОРКИНА.

Вотъ внукъ его достойной!
Невѣжа!—(*уходитъ.*)

—

XII.

ТѢЖЕ, КРОМѢ ВЗДОРКИНОЙ.

ГРАФЪ, (*продолжая.*)

Признаюсь, что этотъ человѣкъ
И славно, и умно, и чудно прожилъ вѣкъ!
Онъ славы достигалъ различными путями:
И счастьемъ, и мечемъ, и прозой, и стихами,
И словомъ вамъ сказать, былъ воинъ и поэтъ.
Да что-жъ онъ написалъ? вы спросите въ отвѣтъ.
О! прозы и стиховъ ужасную громаду.
Я могъ бы вамъ прочесть одну его тираду,
Но этимъ услужить въ другой ужъ лучше разъ—
Теперь мнѣ недосугъ..., (*нюхаетъ табакъ.*)

СПОРКИНА, (*всторону.*)

Теперь—онъ мучитъ насъ!
Мнѣ дурно.... (*уходитъ.*)

—

XIII.

ТѢЖЕ, КРОМѢ СПОРКИНОЙ.

ГРАФЪ, (*продолжая.*)

Наконецъ, что этого чуднѣе!
Прибавлю вамъ еще, чтобъ кончить поскорѣе,
Что этотъ говорунъ, намъ родственникъ и другъ,—
Простите вы меня, всего не вспомнишь вдругъ,—
Имѣлъ двухъ сыновей, и милыхъ и прекрасныхъ,

Хоть равныхъ по уму, но нравомъ несоглас-
ныхъ:
Одинъ.... (*сморкаетъ.*)

ЧВАНОВА. (*всторону.*)

Мнѣ тошно!.... я умру.... (*уходитъ съ Вѣстиною.*)

—

XIV.

ГРАФЪ ЗВОНОВЪ, (*не примѣчая, что онъ остался одинъ, продолжаетъ разсказывать.*)

Онъ былъ юристъ;
Прекрасный человѣкъ, но на руку не чистъ!
За взятки онъ подъ судъ нечаянно попался,
Но сколько ни хваталъ, хитро онъ оправдался,
И снова, наконецъ—кто могъ бы ожидать?—
Съ друзьями распростясь, поѣхалъ воровать!

—

XV.

ГРАФЪ ЗВОНОВЪ, ЛИЗА (*подкрадываясь на цыпочкахъ, становится за его стуломъ.*)

ГРАФЪ.

Другой прославился совсѣмъ путемъ различнымъ:
Сынъ воина—отца, былъ воиномъ отличнымъ,

Служилъ, терпѣлъ, дрался какъ истинный герой,
И въ полѣ посѣдѣвъ, поѣхалъ на покой.
Онъ женщинъ не терпѣлъ — я признаюсь не-
вольно,
Простите вы меня—мнѣ право очень больно!
Что-жъ дѣлать? мой чудакъ....

ЛИЗА, (*изъ-за стула.*)

Помилуйте! Божусь,
Учтивость лишняя—я право не сержусь!

ГРАФЪ, (*вскакивая со стула.*)

Что вижу? это ты, но гдѣ жъ мои старушки?
Ихъ нѣтъ—и я одинъ; о, вздорные болтушки!
Вообрази себѣ, замучивши меня,
Изволили уйти! Но, глупость извиня,
Я вѣрю, наконецъ, что самый даръ счастливой,
Даръ первый въ женщинѣ—не слишкомъ быть
болтливой.

ЛИЗА.

За ваше торжество имъ должно вамъ отмстить:
Одинъ противъ шести и всѣхъ заговорить,
Замучить, разозлить, оспорить, обезславить,
И даже, наконецъ—ихъ всѣхъ бѣжать заставить!

ГРАФЪ.

Бѣжать? кто? я?—Божусь, все это клевета;
Я даже не успѣлъ путемъ разинуть рта,
Сказать двухъ словъ.... но мнѣ пора....

ЛИЗА, (*останавливая его.*)

Да не спѣшите....
Вотъ къ вамъ письмо, сударь, останьтесь, по-
сидите.

ГРАФЪ, (*взявъ письмо*).

Письмо.... отъ князя? да! — Я ѣхалъ самъ къ
нему.

(*Читаетъ громко и весьма скоро.*)

«Неимѣя, милостивый государь мой, воз-
«можности лично объясниться съ вами, я при-
«нужденъ увѣдомить васъ, что вы, дорожа, какъ
«кажется, болѣе пустыми разсказами, нежели
«собственною пользой, и наконецъ не собрав-
«шись сегодня ѣхать со мною къ тому, отъ
«кого зависѣлъ успѣхъ вашего предпріятія, те-
«ряете ожидаемое вами мѣсто, которое назна-
«чено уже господину Модестову, по просьбѣ той
«самой особы, которую и я хотѣлъ преклонить
«на вашу сторону.»

ЛИЗА.

Скажите жъ, рады ли вы этому письму?

ГРАФЪ.

Гдѣ жъ истина, и гдѣ заслугамъ ободренья?
Но я потребую на это объясненья.
А впрочемъ, сей ударъ любовь мнѣ облегчитъ!

—

XVI.

ТѢЖЕ, ЧВАНОВА, ПРЕЛЕСТИНА, МОДЕСТОВЪ.

ЧВАНОВА, (*не видя графа, говоритъ Модестову.*)

Судьбу племянницы мой выборъ здѣсь рѣшитъ.
(*Всторону, увидя графа.*)
Тиранъ! онъ здѣсь еще—я рвуся отъ досады!

ГРАФЪ, (*Чвановой.*)

Теперь, сударыня, я жду отъ васъ награды.

ЛИЗА, (*тихо Чвановой.*)

Модестовъ, говорятъ...

ЧВАНОВА.

Я знаю все отъ нихъ;

(*Прелестиной.*)

Ну подойди жъ ко мнѣ, и вотъ тебѣ женихъ.

(*Показывая на Модестова.*)

ГРАФЪ.

Какъ! послѣ отзыва, которымъ я ласкался....

ЧВАНОВА.

Напрасно, мой отецъ, на слухи полагался.
Сердися или нѣтъ, а въ этомъ извини;
Да ты такой злодѣй, что Боже сохрани!

(*уходитъ.*)

МОДЕСТОВЪ, (*графу.*)

Прошу на сватьбу къ намъ.

ПРЕЛЕСТИНА, (*графу, отходя съ Модестовымъ.*)

За лишнее болтанье
Вы все теряете.

ГРАФЪ.

Но я вамъ въ оправданье....

ЛИЗА, (*откланиваясь.*)

Мы слушать не хотимъ; прошу намъ не мѣшать.

(*уходитъ.*)

ГРАФЪ.

На эти дерзости не стоитъ отвѣчать;
Но мнѣ пересказать объ этомъ остается,
И всѣмъ и каждому—кто первый попадется!

ВОЗДУШНЫЕ ЗАМКИ.

КОМЕДІЯ

ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ, ВЪ СТИХАХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ.

Аглаева, молодая вдова.

Альнаскаровъ, отставной мичманъ.

Викторъ, его слуга.

Саша, служанка Аглаевой.

Ипатъ, слуга

Дѣйствіе въ домѣ Аглаевой.

ВОЗДУШНЫЕ ЗАМКИ.

КОМЕДІЯ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ, ВЪ СТИХАХЪ.

I.

АГЛАЕВА (*сидитъ за работою*), **САША**.

САША, (*вбѣгая.*)
Ну, вотъ и новостей мы дождалися съ вами:
Сей-часъ изъ города, съ какими-то вѣстями,
Ипатъ къ вамъ прискакалъ отъ тетушки по-
сломъ.

АГЛАЕВА.
Отъ тетушки? а съ чѣмъ?

САША.
Да, кажется, съ пись-
момъ,
Которое отдастъ вамъ въ собственныя руки.
Я было кой о чемъ повыспросить отъ скуки,
Но онъ мнѣ ничего на зло не говоритъ.

АГЛАЕВА.
Зови жъ его!

САША.

Да вотъ посланникъ самъ летитъ.

—

II.

ТѢЖЕ, ИПАТЪ.

АГЛАЕВА.

А! здравствуй, я тебя никакъ не ожидала.
Что тетушка? она давно мнѣ не писала.

ИПАТЪ.

Да, слава Богу, все по прежнему; вотъ къ вамъ
Письмо, сударыня.

АГЛАЕВА, (*беретъ письмо и читаетъ.*)

Какъ рада я!

САША, (*Ипату.*)

А намъ
Еще чего нибудь ты не привезъ другова?

ИПАТЪ.

Нѣтъ, ничего.

САША.

Да онъ сказать не хочетъ слова!
Постой же, плутъ, ужъ я отдѣлаю тебя!
(*Примѣтя, что Аглаева, читая письмо, смѣется.*)
Но барыня моя смѣется про себя...
И, кажется, письмо съ такимъ читаетъ жаромъ...

Чтобъ это значило?—О, вѣрно ужъ не даромъ!
Спрошу... сударыня....

АГЛАЕВА.

Ахъ, не мѣшай!

САША.

А мнѣ
Хотѣлось бы спросить...

АГЛАЕВА, (*смѣясь.*)

Ну, право, и во снѣ
Такія чудеса иной бы не приснились.

САША.

А съ вами на яву, какъ вижу я, случились.
Позвольте же мнѣ узнать, что это за секретъ?

АГЛАЕВА.

Нѣтъ, отгадай.

САША.

Во мнѣ совсѣмъ догадки нѣтъ.
Что мучить вамъ меня? прочтите поскорѣе!

АГЛАЕВА.

Ну, хорошо.

САША.

Оно и легче, и яснѣе.

АГЛАЕВА, (*отводя Сашу въ сторону.*)

Послушай же: но съ тѣмъ, чтобъ только не болтать.

САША.

О! что до тайностей, не хвастовски сказать,
Такъ я не проронію конечно даромъ слова.

АГЛАЕВА, (*читаетъ письмо.*)

«Любезная племянница!.. Я уже нѣсколько «разъ писала тебѣ о молодомъ и любезномъ «графѣ Лестовѣ, который, увидя у меня твой «портретъ, влюбился въ тебя не на шутку. У- «знавъ, что ты изъ деревни пріѣдешь въ Пе- «тербургъ не прежде осени, онъ потерялъ тер- «пѣніе тебя дожидаться. Вчера онъ за тайну «открылъ способъ скорѣе тебя увидѣть: дѣло «въ томъ, что графъ подъ чужимъ именемъ «завтра же пріѣдетъ къ тебѣ въ деревню. Ты «живешь на большой дорогѣ, онъ пойдетъ ми- «мо тебя, у него, я думаю, сломается коляска, «онъ будетъ просить позволенія войти къ хо- «зяйкѣ, познакомиться съ тобою, и если ты «ему покажешься такъ же мила, какъ прекрас- «на, то онъ, конечно, будетъ искать руки тво- «ей. Вотъ, другъ мой, пріятное для тебя из- «вѣстіе; я правда и обѣщала графу свято со- «хранить тайну нашу, но я женщина..... (*пере- стаетъ читать.*)

Довольно—и читать не нужно остальнова.
Ну, Саша, каково?—Ахъ, я восхищена!

САША.

А я, вамъ признаюсь, я въ графа влюблена!

АГЛАЕВА.

Влюбиться въ мой портретъ! что этого нѣжнѣе?

САША.

Онъ подлинникъ найдетъ въ сто разъ еще милѣе;
Но разспросите-ка Ипата вы объ немъ.

АГЛАЕВА.

И точно;—что, Ипатъ, вѣдь съ тетушкой знакомъ
Графъ Лестовъ?

ИПАТЪ.

Барыня страхъ графа полюбила,
И право молодецъ!

АГЛАЕВА.

Да я вѣдь такъ спросила;
Мнѣ, впрочемъ, никакой нѣтъ нужды до него.

САША.

Ужъ разумѣется;—да ты, я чай, съ его
И камердинеръ знакомъ? — Вѣдь ты тамъ въ знати!

ИПАТЪ.

Да что тебѣ?

САША.

Да такъ... спросить пришлося кстати.
Какое дѣло мнѣ объ этомъ узнавать!

ИПАТЪ.

Онъ малый пожилой, — лѣтъ эдакъ... въ пятьдесятъ.

САША.

Какъ въ пятьдесятъ?

АГЛАЕВА.

Ты лжешь, Ипатъ; неужли точно?

САША.

(Всторону.)

Онъ это выдумалъ изъ ревности, нарочно.

(Ипату.)

Ну какъ повѣрить намъ, чтобъ баринъ молодой
Связался съ старикомъ?

ИПАТЪ.

Да онъ совсѣмъ сѣдой.

АГЛАЕВА, *(смѣясь, поглядываетъ на Сашу.)*

О, вздоръ; онъ пудрится.

САША, *(съ досадой.)*

Да, пудрится, конечно;
Вотъ страсть, на счетъ другихъ подсмѣиваться вѣчно!

ИПАТЪ.

Помилуйте, да онъ совсѣмъ хоть брось изъ рукъ,—
Въ очкахъ...

АГЛАЕВА.

Что-жъ за бѣда? онъ вѣрно близорукъ.

ИПАТЪ.

И сверхъ того, старикъ ужъ сколько не лечился,
А такъ раскашлялся....

САША.

Ты врешь, онъ простудился,

А это и съ тобой случиться бы могло,
Дуракъ!—

АГЛАЕВА, (*смѣясь, Ипату.*)

Ну отдохни жъ.

ИПАТЪ.

Мнѣ въ ближнее
село
Хотѣлось бы съ родней заѣхать повидаться.

АГЛАЕВА.

Такъ поѣзжай, но тамъ прошу не загуляться.

(*Ипатъ уходитъ.*)

—

III.

АГЛАЕВА, САША.

АГЛАЕВА.

Ну, Саша, этого никакъ я не ждала.

САША.

Вамъ хорошо, а я чуть-чуть не умерла,
Услышавши, каковъ мой женишокъ. Прекрас-
ной—
Не правда ли?

АГЛАЕВА.

Да, жаль, состарѣлся...

САША.

Напрасно.
И если можно бы, такъ лучше не спѣшить.

АГЛАЕВА.

Повѣрь же, Саша, мнѣ: не можетъ это быть,
Чтобъ графъ на почтовыхъ привезъ его съ собою.
Онъ прилетитъ съ другимъ какимъ нибудь слугою,
И этотъ, посмотри, понравится тебѣ.

САША, (*обрадовавшись.*)

А что, и подлинно!

АГЛАЕВА.

Я вѣрю страхъ судьбѣ:
Какъ романически она играетъ нами!
Однако-жъ согласись, что нашими гостями
Я право наконецъ гордиться бы должна?
И барыня твоя ужъ видно не дурна,
Когда въ ея портретъ влюбляются заочно?

САША.

Не догадались вы, а то бы вамъ нарочно
Портретовъ тысячу повсюду разослать;—
Ужъ то-то бъ жениховъ!

АГЛАЕВА.

Да дай мнѣ помечтать!
Что лучше я другихъ, я въ томъ не виновата,
Ахъ Саша, посуди: я молода, богата,
Мнѣ надо нравиться, пожить, увидѣть свѣтъ;
А съ первымъ мужемъ здѣсь, проживши столько лѣтъ,
Повеселиться мнѣ какое было средство?

САША.

Что умеръ онъ, и вамъ оставилъ все въ наслѣдство:
Умнѣе ничего онъ выдумать не могъ.

АГЛАЕВА.

Къ несчастію!.... мой мужъ исполнилъ этотъ долгъ;
И я располагать могу моей рукою.
Но графъ.... ахъ, графъ! какъ милъ онъ долженъ быть собою!
Лицемъ онъ Ловеласъ, душой Малекъ-Адель!

САША, (*всторону.*)

Ну чтобъ ему за насъ да выдти на дуэль,
Такъ вотъ бы и романъ, а мы ихъ начитались.

АГЛАЕВА.

Что, если бъ не шутя, мы съ графомъ обвѣнчались?
Что я ему мила, такъ спору въ этомъ нѣтъ;
А онъ.... но посуди, мужчина этихъ лѣтъ,
Который, такъ какъ графъ, уменъ и милъ и знатенъ....
Ахъ, эдакой женихъ ужасно какъ пріятенъ!
Положимъ такъ, что я.... ужъ вышла за него.

САША.

Ну хорошо,—а я потомъ за своего.

АГЛАЕВА.

Вотъ тутъ мы заживемъ! О я воображаю:
Отсюда въ Петербургъ я съ графомъ пріѣзжаю;
Въ послѣднемъ вкусѣ свой обмеблирую домъ,
Столицу облетимъ съ визитами кругомъ,

А тамъ ужъ мы къ себѣ знакомыхъ приглашаемъ,
Пріемомъ, роскошью весь городъ восхищаемъ,
И къ знати, богачамъ; къ намъ ѣздитъ также знать....
Тутъ мужъ мой, чтобъ меня и блескъ нашъ поддержать,
Какъ баринъ, ко двору имѣя въѣздъ свободный,
Съ графинею своей, вотъ мужъ-то безподобный!
Поѣдетъ ко двору.... и что-же наконецъ?
Какое счастіе, я ѣзжу во дворецъ!
Нѣтъ, Саша, словъ, и я нѣма отъ восхищенья!

САША.

А я ударюся во всѣ распоряженья,
И съ муженькомъ у васъ всѣмъ буду управлять.
Вы насъ не будете за службу оставлять,
И я современемъ сама, по ласкѣ вашей,
Изъ Саши простенькой—преважной буду Сашей!
Что если бъ на яву случился этотъ сонъ?....
Но колокольчика послышался мнѣ звонъ....
Ахъ, Боже мой! *(подбѣгаетъ къ окошку.)*

АГЛАЕВА.

А я какъ на смѣхъ не одѣта!
Что Саша?

САША, *(смотря въ окошко.)*

Точно такъ.... четверкою карета....

АГЛАЕВА.

Карета!

САША, *(вскрикивая.)*

Ахъ!

АГЛАЕВА, (*также.*)

Ахъ! что?

САША.

Они кричатъ: стой! стой!

Сломалось колесо... мужчина...

АГЛАЕВА, (*подбѣжавъ къ окошку.*)

Боже мой!

Мужчина... это онъ! Ахъ, графъ! Куда мнѣ дѣться?

САША.

Вотъ и другой!

АГЛАЕВА.

Скорѣй, скорѣй переодѣться!

Пойдемъ!

САША.

И гардеробъ разстормошимъ мы весь.

АГЛАЕВА.

Нѣтъ, Саша, погоди; останься лучше здѣсь,
Проси гостей... а я одѣнусь поскорѣе. (*убѣгаетъ.*)

—

IV.

САША (*одна.*)

А я,—что-жъ за бѣда? чѣмъ проще, тѣмъ милѣе.
Такъ, въ бѣломъ фартучкѣ, вѣдь я здѣсь не въ гостяхъ.
Мнѣ, право, все они мерещутся въ глазахъ!

Такихъ я молодцовъ никакъ не ожидала:
Какъ барыня моя все это отгадала!..
Но мнѣ послышалось, что кто-то ужъ идетъ.
Ахъ, сердцу сердце вѣсть невольно подаетъ!
Тутъ быть чему нибудь, мнѣ что-то такъ
сдается:
То броситъ въ жаръ меня, то сердце вдругъ
забьется...
Такъ точно... это онъ!

—

V.

САША, ВИКТОРЪ.

САША.

Что здѣсь угодно вамъ?

ВИКТОРЪ, (*раскланиваясь.*)

Сударыня!... судьба!... доставя случай намъ,
Увидѣть васъ—у насъ сломала здѣсь карету,
И баринъ мой...

САША.

Да, да, мы знаемъ новость эту.
Такъ что-жъ?

ВИКТОРЪ, (*всторону.*)

Вотъ прелести!

САША, (*всторону.*)

Какъ ловокъ и
какъ милъ!

ВИКТОРЪ.

И такъ, сударыня, мнѣ баринъ поручилъ
У вашей госпожи просить намъ позволенье,
Чтобъ намъ... то есть, ему... ей сдѣлать посѣ-
щенье.

САША.

Скажите барину, что госпожа моя
Страхъ рада случаю принять его...

ВИКТОРЪ.

А я...
Могу ли?...

САША.

Почему жъ...

ВИКТОРЪ, (*съ нѣжностію.*)

Благодарю за ласки!

САША, (*всторону.*)

Ахъ, Боже мой! да онъ ужъ дѣлаетъ мнѣ глазки!
Ай, Саша! каково жъ?

ВИКТОРЪ, (*всторону.*)

Ай, Викторъ! да она
Ужъ по уши въ меня, что вижу, влюблена!
О, я на этотъ счетъ всегда бывалъ злодѣемъ!

САША.

Позвольте жъ мнѣ узнать, кого мы честь имѣемъ
(Примѣтя, что Викторъ задумывается.)
Просить къ себѣ?—А! онъ сбирается солгать.

ВИКТОРЪ.

На это нѣсколько мнѣ трудно отвѣчать.
Мой баринъ человѣкъ, сударыня, чудесной:
Хоть онъ не генералъ какой нибудь извѣстной:
Но хочетъ чѣмъ нибудь гораздо больше быть.

Иной для этого сталъ грудью бы служить,—
Напротивъ, баринъ мой ни гдѣ теперь не служитъ.
За то ужъ, признаюсь, онъ обо всемъ страхъ тужитъ!
Случится ли война—за книги, и всю ночь
Онъ сочиняетъ планъ, какъ арміи помочь.
Миръ, напримѣръ, опять намъ новая забота —
Зачѣмъ спѣшить, и что мириться за охота?
Онъ сядетъ, письменно все это утвердитъ,
И славный манускриптъ вѣкъ дома пролежитъ!
Работы нѣтъ, такъ онъ мечтаньями займется:
За тридевять земель въ минуту занесется,
И тутъ-то ужъ начнемъ творить мы чудеса:
То землю повернемъ, то мѣримъ небеса,
То въ море пустимся, штурмуемъ, побѣждаемъ,
Не только что себя, Россію прославляемъ!..
И что-жъ, сударыня, не больно ль, напримѣръ,
Что онъ за это все—лишь оберъ-офицеръ!

САША, (*в сторону.*)

Какъ лжетъ!—(*въ-слухъ.*) Да, очень жаль! но вы мнѣ не сказали
Фамиліи его?

ВИКТОРЪ.

Вы, можетъ быть, слыхали
Объ Альнаскаровѣ?

САША.

Нѣтъ, признаюся вамъ
Не удавалось мнѣ.

ВИКТОРЪ.

Вотъ онъ-то это самъ;

Онъ мичманъ отставной;—но, впрочемъ, въ на-
шей волѣ
Быть... чѣмъ нибудь...

САША.

Быть чѣмъ нибудь
гораздо болѣ?

ВИКТОРЪ.

Такъ точно, мы теперь за этимъ и летимъ.
Любя отечество, намъ съ бариномъ моимъ
Ужъ стало совѣстно сидѣть поджавши руки,
И какъ-то заглянувъ въ газеты разъ отъ скуки,
Вдругъ видимъ наконецъ, что съ выгодой боль-
шой
Американская компанія весной
Свой собственный фрегатъ вкругъ свѣта от-
правляетъ.
Вотъ этотъ насъ фрегатъ ужасно поджигаетъ!
И баринъ въ радостяхъ, судьбу благодаря,
Рѣшается на немъ объѣхать всѣ моря!
Мы мигомъ формою отправили прошенья;
Но такъ, какъ нѣтъ еще на это разрѣшенья,
Такъ мы подумали и взяли сами трудъ
Пуститься въ Петербургъ, гдѣ насъ навѣрно
ждутъ.
И вотъ, сударыня, нашъ планъ добиться славы.

САША, (*всторону.*)

О! баринъ и слуги должны быть страхъ лукавы.
(*Виктору.*)
Скажите жъ мнѣ теперь, какъ васъ самихъ зо-
вутъ?

ВИКТОРЪ.

Меня-съ—да Викторомъ.

САША.

Вы Викторъ?

ВИКТОРЪ, *(в сторону.)*

Ну, какъ тутъ!

(Сашѣ.)

Вамъ это нравится? *(в сторону.)* Онѣ навѣрно наши!

А васъ?

САША.

Да Сашею.

ВИКТОРЪ, *(съ жаромъ.)*

Ахъ, что милѣе Саши!

Не знавши васъ, я былъ ужъ обожатель вашъ;

Такъ, вы первѣйшая изъ всѣхъ прелестныхъ Сашъ!

И я...

САША.

И, полноте—да вы ужъ позабыли,

Что баринъ вашъ...

ВИКТОРЪ.

Ахъ, вы меня обворожили!

САША.

Вы шутите, сударь; а графъ васъ вѣрно ждетъ.

ВИКТОРЪ.

Какъ графъ! какой? *(в сторону.)* Божусь, она съ ума сойдетъ!

Прощайте—я бѣгу...

САША.

А васъ здѣсь ожидаютъ!

ВИКТОРЪ, *(всторону.)*

Ай, молодцы! ужъ насъ за графовъ принима-
ютъ!
Прощайте-же! *(Уходитъ.)*

—

VI.

САША, *(одна.)*

И такъ, теперь все рѣшено:
Счастливица! но мнѣ страхъ право мудрено,
Что именно, когда о Святкахъ я гадала
Объ суженомъ,—его я точно увидала!
Вотъ послѣ этого прошу не ворожить?
Однако надобно намъ сватьбой поспѣшить;
Но къ этому меня онъ вѣрно самъ принудитъ.
А то-то парочка завидная насъ будетъ!
И Саша съ Викторомъ ну жить да поживать.
Намъ вѣрно поручатъ всѣмъ домомъ управлять:
Тутъ намъ перепадетъ — и Викторъ, мой дру-
жочикъ,
Вдругъ, смотришь, подаритъ турецкій мнѣ пла-
точикъ!
Графиня надѣлитъ нарядами меня, —
Вотъ тутъ-то посмотрѣть, какъ разряжуся я!
И бархатный капотъ, и шляпка щегольская!
Тутъ явится у насъ лошадка, тамъ другая;
Потомъ колясочку мы заведемъ себѣ —
И Саша съ муженькомъ, благодаря судьбѣ,
Чтобъ также и на насъ другіе посмотрѣли,

Поѣдетъ о Святой преважно подъ качели!
Что, если бъ этого дождаться поскорѣй!....
Но идутъ.... Побѣгу, чтобъ барынѣ моей
Для гостя нашего помочь принарядиться.
(убѣгаетъ.)

—

VII.

АЛЬНАСКАРОВЪ, ВИКТОРЪ.

ВИКТОРЪ, *(отворяя двери.)*

Пожалуйте!

АЛЬНАСКАРОВЪ.

И такъ, кто знаетъ, что случится?
Таинственность судьбы чудеснѣе всего!
Но я, однако-жъ, здѣсь не вижу ни кого;
Гдѣ жъ вдовушка?..... Оно немножко неучтиво.

ВИКТОРЪ.

Зачѣмъ же обвинять ее несправедливо?
Во-первыхъ, что она не ожидала васъ;
Была, чай, по-просту одѣта здѣсь безъ насъ,
Такъ понаряднѣе вамъ хочетъ показаться.

АЛЬНАСКАРОВЪ.

Ей для меня совсѣмъ нѣтъ нужды наряжаться.
Я занятъ, тороплюсь, и мнѣ не до невѣстъ.

ВИКТОРЪ.

А я не надивлюсь, какъ вамъ не надоѣстъ
Вѣкъ цѣлый по свѣту гоняться за мечтами?
Вѣдь что ни говори, а право, между нами,

Опасно, говорятъ, высоко залетать.

АЛЬНАСКАРОВЪ.

Ты глупъ, и не тебѣ объ этомъ разсуждать.
Кто служитъ, такъ тому простительно и должно
Всего надѣяться.

ВИКТОРЪ.

Надѣяться-то можно;
Но адмираломъ быть—ей Богу мудрено!

АЛЬНАСКАРОВЪ, *(съ жаромъ.)*

Мнѣ долго ли твердить все тоже и одно,
Что тотъ, кто службѣ всѣмъ пожертвовать рѣшился,
Кто такъ, какъ я, всему классически учился,
Кто храбръ, рѣшителенъ, все знаетъ, все видалъ;
Тотъ рано ль, поздно ли, а будетъ адмиралъ!
За это отвѣчать готовъ я головою!
Есть случаи, они назначены судьбою,
Которыхъ намъ никакъ не должно упускать.
Въ отставкѣ, напримѣръ, чтобъ могъ я предпринять?
Одно дурачество—жениться непремѣнно.
Что-жъ въ этомъ? это все ужъ страхъ обыкновенно.
Жениться можно всѣмъ: и трусамъ, и глупцамъ;
Но геніямъ временъ, отечества сынамъ —
Иную слава намъ стезю предназначаетъ;
Цѣня достоинства, заслуги награждаетъ,
Вездѣ объ насъ гремитъ ея безсмертный слухъ;
Она живитъ сердца, воспламеняетъ духъ!....

ВИКТОРЪ.

Ахъ, Боже мой! я самъ радъ, кажется, по-
драться!...

АЛЬНАСКАРОВЪ.

Лишь стоитъ моего фрегата намъ добраться,
И тутъ-то сдѣлаю я къ славѣ первый шагъ.
Мнѣ счастія искать назначено въ моряхъ;
Я ѣду.... и вояжъ мой живо представляю:
Тутъ это нахожу, тамъ то-то открываю,
То сѣвъ на палубѣ, рисую и пишу....
Наскуча западомъ, къ востоку я спѣшу,
Съ собою привожу: людей, звѣрей, растѣнья,
Печатаю свои прелестныя творенья;
И слава обо мнѣ промчится съ края въ край.
Вотъ тутъ-то лишь меня за это награждай!
Все сдѣлаю, я всѣхъ обогачу, прославлю....

ВИКТОРЪ.

А мнѣ....

АЛЬНАСКАРОВЪ, (*съ важнымъ видомъ, потрепавъ Виктора по плечу.*)

О! я тебя конечно не оставлю.
Ты, Викторъ, мнѣ всегда порядочно служилъ.

ВИКТОРЪ.

Благодарю; но жаль, что я васъ разбудилъ —
Вы чудо бъ сдѣлали въ пылу своихъ мечтаній!

АЛЬНАСКАРОВЪ.

И такъ, вотъ планъ моей и службы, и желаній.
Ахъ! кто въ восторга часъ о славѣ не мечталъ:
Но я ужъ, наконецъ, терпѣнье потерялъ.

Я жду и не дождусь, — не шутятъ ли здѣсь мною?
Но эти глупости надѣланы тобою:
Ты вѣрно переврáлъ, и вышелъ сущій вздоръ.

ВИКТОРЪ.

Помилуйте, да я весь помню разговоръ.
Посольство выполнить умнѣе не возможно.
Все разсказалъ, объ васъ все объяснилъ какъ должно:
Фамилью, чинъ...

АЛЬНАСКАРОВЪ.

Глупецъ!—тутъ очень нуженъ чинъ.
Ты просто бы сказалъ, что..... русскій дворянинъ,
Какъ водится, хотѣлъ ей сдѣлать посѣщенье.

ВИКТОРЪ.

Да такъ и сказано, и что за нетерпѣнье!
Карету вѣдь еще не скоро починятъ.
Да кстати, я забылъ вамъ странность разсказать:
Какъ вамъ покажется, что говоря со мною,
Вотъ здѣсь, служаночка, прелестная собою,
Примѣтя, что любовь надъ нею власть беретъ,
Вдругъ мнѣ: да полно-те, сударь, васъ графъ вѣдь ждетъ.
Что-жъ, каково? вы графъ! Ей Богу, это славно!
Вы графъ....

АЛЬНАСКАРОВЪ, *(съ усмѣшкою.)*

Я графъ! Вотъ это мнѣ забавно;
Но точно у иныхъ есть этотъ важный видъ,
Который не хотя, а что-то говоритъ.

ВИКТОРЪ.

Но берегитеся — вѣдь вдовушка богата,
Мила....

АЛЬНАСКАРОВЪ.

Не я, судьба въ томъ будетъ вино-
вата.
Но вотъ она—поди и насъ оставь однихъ.

ВИКТОРЪ.

Флотъ цѣлый, можетъ быть, рискуетъ въ этотъ
мигъ!
(уходитъ.)

АЛЬНАСКАРОВЪ.

Я думаю, что мнѣ здѣсь ночевать остаться!

VIII.

АЛЬНАСКАРОВЪ, АГЛАЕВА, САША.

АГЛАЕВА.

Ахъ, Боже мой! я васъ, заставя дожидаться,
Себя ничѣмъ почти не смѣю извинить.

АЛЬНАСКАРОВЪ.

Помилуйте, не вы, я долженъ васъ просить
Не гнѣваться, что васъ собою безпокою.

АГЛАЕВА.

Напротивъ, видѣть васъ я рада всей душою.

АЛЬНАСКАРОВЪ, *(всторону.)*

Вѣдь надобно жъ, чтобъ такъ она была мила!
(Аглаевой.)
Я ѣду въ Петербургъ, гдѣ ждутъ меня дѣла,

Какъ вдругъ, у васъ моя ломается карета;
Но я не ожидалъ, чтобъ непріятность эта
Такимъ свиданіемъ была награждена.

АГЛАЕВА.

И я вамъ точно жъ тѣмъ равно одолжена.
(*Тихо Сашѣ*)
Ахъ, какъ онъ милъ! — (*въ-слухъ.*) Подай намъ стулья поскорѣе.
(*Альнаскарову.*)
Я признаюсь, всего въ деревнѣ веселѣе,
Когда любезный гость пустынницъ посѣтитъ.
(*Саша становитъ стулья.*)

АЛЬНАСКАРОВЪ, (*всторону.*)

Да это хоть кого, ей Богу, соблазнитъ!

АГЛАЕВА.

Но сядемте, и мнѣ, пожалуйста, скажите,
Что новаго у насъ?

АЛЬНАСКАРОВЪ.

Ахъ, вы меня простите,
Я самъ три мѣсяца не вижу ужъ газетъ.

АГЛАЕВА.

Вы шутите! и въ васъ терпѣнья вѣрно нѣтъ
Читать извѣстія объ островѣ Еленѣ,
О буряхъ, о дождяхъ—не то, такъ объ измѣнѣ
Алжирцевъ....

АЛЬНАСКАРОВЪ.

Боже мой! Алжирцы всѣ шалятъ!
Алжирцы! — Это стыдъ; ихъ надобно унять.
Но, между тѣмъ, мое представьте положенье:
Я, напримѣръ, лечу въ ужасномъ нетерпѣньѣ

Изъ Крыма въ Петербургъ для самыхъ важныхъ
дѣлъ,
Но только выѣхать оттуда я успѣлъ,
Какъ вдругъ болѣзнь моя всѣ планы разрушаетъ.
Три мѣсяца меня изъ рукъ не выпускаетъ,
И въ это время я не слышу ни о чемъ!
Но, бывши твердъ, идя рѣшительнымъ путемъ,
Опять я, наконецъ, къ моей стремлюся цѣли.
Быть можетъ, тьму вещей надѣлать ужъ успѣли,
Но я никакъ, нигдѣ не могъ объ нихъ узнать.

АГЛАЕВА, (*смѣясь.*)

Такъ потрудитеся газеты прочитать.
Ихъ два раза ко мнѣ въ недѣлю присылаютъ.

АЛЬНАСКАРОВЪ.

Ахъ, съ радостью, меня газеты восхищаютъ!

АГЛАЕВА, (*тихо Сашѣ.*)

Какъ все обдумано!.... Что Саша, каково?

САША, (*тихо Аглаевой.*)

О! мастерски, но мы ужъ проведемъ его.

АГЛАЕВА.

Я примѣчаю въ васъ большое нетерпѣнье
Увидѣть Петербургъ.

САША, (*всторону, примѣтя, что Альнаскаровъ задумывается.*)

Опять за сочиненье!—
Послушаемъ.

АЛЬНАСКАРОВЪ.

Скажу чистосердечно вамъ,
Чтобъ путь себѣ открыть и къ славѣ и къ чинамъ,
Съ ребячества служить рѣшился я во флотѣ.

Окончивъ курсъ наукъ, по собственной охотѣ,
На Черномъ морѣ мнѣ хотѣлось послужить;
Но, признаюся вамъ, съ лѣтами, можетъ быть,
Мнѣ море Черное страхъ показалось тѣсно!
Въ два года все кругомъ мнѣ сдѣлалось извѣстно;
А съ турками никакъ до дѣла не дойдетъ!
Куда ни поплывешь—все знаешь напередъ,
И изъ Кафы весь путь не дальше Дарданеловъ!
Мой геній требовалъ обширнѣйшихъ предѣловъ!
Вдругъ слышу, наконецъ, что снова ужъ хо-
тятъ
Вкругъ свѣта, славы въ путь, отправить нашъ
фрегатъ:
Хвала ревнителямъ полезныхъ предпріятій!
И я, чтобъ ускорить плоды моихъ занятій
И экспедицію собою подкрѣпить,
Рѣшаюся надъ ней начальство испросить.
Я жду скорѣйшаго на это разрѣшенья,
И въ Петербургъ лечу на крыльяхъ восхищенья!

АГЛАЕВА.

Объ этомъ, кажется, слухъ носится давно.

АЛЬНАСКАРОВЪ.

Да, съ полгода,—но что-жъ? вѣдь это все равно;
Не подождать меня—ужъ это не возможно.

АГЛАЕВА.

О! я увѣрена, и согласиться должно,
Что эдакой вояжъ ужасно можетъ льстить;
Но послужа, вѣдь вы устанете служить,
И наконецъ, когда вы лавры всѣ пожнете,
Въ отставку вышедши, что-жъ дѣлать вы на-
чнете?

АЛЬНАСКАРОВЪ.

Тогда бъ.... я кѣмъ нибудь былъ также побѣжденъ;
Ахъ, признаюсь, я разъ ужасно былъ влюбленъ!

АГЛАЕВА.

Неужли не шутя?

САША, (*в сторону.*)

А, а, проговорился!

АГЛАЕВА.

Но чѣмъ же кончилось?

АЛЬНАСКАРОВЪ.

Другой на ней женился;
А я утѣшился и—воротился въ Крымъ.

АГЛАЕВА.

Но хладнокровіемъ, клянуся вамъ, такимъ
Самъ ангелъ—такъ и тотъ насъ всѣхъ перепугаетъ.

АЛЬНАСКАРОВЪ.

Что-жъ дѣлать? иначе все служба потеряетъ?
Мы флотскіе—всегда отъ женщинъ далеки.

САША, (*тихо Аглаевой.*)

Его сіятельство васъ сердитъ мастерски!

АГЛАЕВА, (*тихо Сашѣ.*)

Я слушать этого не въ силахъ равнодушно!....
(*Альнаскарову.*)
Но если вамъ самимъ съ женою будетъ скучно,
Такъ скоро и женѣ такой наскучитъ мужъ.

АЛЬНАСКАРОВЪ.

Сомнительно; но вамъ однако почему жъ
Такъ заключать? На все есть въ обществахъ законы:

Безъ насъ, для насъ, вездѣ женатыхъ милліоны!
Но сами геніи не терпятъ брачныхъ узъ.
Коломбъ и Робинзонъ, и Кукъ, и Лаперузъ,
Они, я думаю, всѣ не были женаты.

АГЛАЕВА.

Я радуюсь, а то мы были бъ виноваты.
Но лучше этотъ вамъ оставить разговоръ,
А то у васъ со мной престрашный выйдетъ споръ:
Я разсержусь и все нарочно изурочу,
И даже, можетъ быть, на зло вамъ напророчу,
Что вамъ на этотъ разъ не ѣхать воевать.

АЛЬНАСКАРОВЪ, *(вскакивая со-стула.)*

Не ѣхать? почему жъ, позвольте мнѣ узнать?

АГЛАЕВА.

Да такъ предчувствіе мнѣ что-то говорило,
Что вы....

АЛЬНАСКАРОВЪ.

Предчувствіе! вотъ это очень мило!

АГЛАЕВА.

И сонъ....

АЛЬНАСКАРОВЪ.

И сонъ! а что-жъ вы видѣли во снѣ?

АГЛАЕВА.

Да множество вещей.

АЛЬНАСКАРОВЪ, *(всторону.)*

Чего же больше мнѣ?
Одно свиданіе—и такъ влюбиться страстно!

САША, *(тихо Аглаевой.)*

Да полно-те, а то ужъ будетъ слишкомъ ясно,
И лучше погодить нашъ открывать секретъ;
Онъ догадается.

АГЛАЕВА, *(тихо Сашѣ.)*

Да по чему жъ?—о, нѣтъ!

(Альнаскарову.)

Но знаете, мнѣ жаль, мы время здѣсь теряемъ.
Пойдемте лучше въ садъ; я напою васъ чаемъ,
И это вѣрно насъ съ пріятностью займетъ.

АЛЬНАСКАРОВЪ.

Ахъ съ радостью! Но мнѣ позвольте напередъ
Здѣсь моему слугѣ отдать лишь приказанья.

АГЛАЕВА.

А я васъ жду. Теперь прощайте, до свиданья.

(Всторону.)

Я влюблена! *(Аглаева и Саша уходятъ.)*

IX.

АЛЬНАСКАРОВЪ, *(одинъ.)*

И такъ все случай довершилъ;
Каковъ же я? пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ!
Вотъ, господа, кружить какъ головы имъ должно.
Но этимъ вздоромъ мнѣ прельщаться не возможно:
Судя по всѣмъ вещамъ, я твердо убѣжденъ,
Что я къ чему нибудь чудесному рожденъ!
Не помню гдѣ.... читалъ я анекдотъ прекрасной:
Что кто-то изъ морскихъ, въ часъ бури преужасной,

Присталъ къ землѣ, дошолъ незнаемой никѣмъ...
Онъ поселился тамъ — и кончилося тѣмъ,
Что вскорѣ жители рѣшили межъ собою
Республики своей избрать его главою.

—

X.

АЛЬНАСКАРОВЪ, ВИКТОРЪ (*входитъ и подслушиваетъ.*)

АЛЬНАСКАРОВЪ, (*продолжая.*)

Онъ мудро управлялъ и, въ честь ему, потомъ
Народа общій гласъ избралъ его царемъ!
Что если бъ?... почему жъ! на счастье нѣтъ
закона:
Да чѣмъ же, Боже мой, я хуже Робинзона?
И я могу открыть прелестный островокъ.
Тамъ сдѣлавшись царемъ.... построю городокъ,
Займусь прожектами, народными дѣлами;
Устрою гавани, наполню ихъ судами —
И тутъ-то я до васъ, Алжирцы, доберусь!
Смиритеся! — не то.... пойду, вооружусь —
И вы познаете воителя десницу!
Рѣшивши бой, лечу съ трофеями въ столицу:
Я встрѣченъ въ гавани народною толпой,
Иду.... прохода нѣтъ! все ницъ передо мной!
Какой восторгъ! вездѣ одни лишь слышны клики:
Да здравствуетъ нашъ царь! да здравствуетъ
великій!....

ВИКТОРЪ.

Монархъ!

АЛЬНАСКАРОВЪ, (*въ жару мечтанья.*)

Что хочешь ты!.... надѣйся и вѣщай!

ВИКТОРЪ.

Великій государь! васъ просятъ — кушать чай.

АЛЬНАСКАРОВЪ.

Ахъ, Викторъ, это ты! я въ прелестяхъ мечтанья
Блаженствовалъ! мои свершалися желанья —
И ты, злодѣй, и ты всего меня лишилъ!

ВИКТОРЪ.

И царство и вашъ флотъ я на мель посадилъ!

АЛЬНАСКАРОВЪ.

Вѣдь надобно жъ, когда мы якорь лишь спускаемъ....

ВИКТОРЪ.

Мечтанія никакъ не напоятъ васъ чаемъ;
И, право, лучше вамъ, чтобъ время не терять;
Пойти къ хозяюшкѣ, заняться, погулять,
И распростившися, пуститься въ путь счастливо.

АЛЬНАСКАРОВЪ.

Ты судишь иногда довольно справедливо.
Пойду. (*уходитъ.*)

—

XI.

ВИКТОРЪ, (*одинъ*)

Ну, — баринъ мой проказитъ не путемъ:
Онъ хочетъ сдѣлаться, бездѣлица—царемъ!
Вотъ мѣсто славное для мичмана въ отставкѣ!
Тогда бъ не грѣхъ царя.... просить мнѣ о прибавкѣ
Сотняги лишней въ годъ?—Но, что ни говори,
А вѣрно не прыгнешъ изъ мичмановъ въ цари.
Какъ въ голову войдетъ дурачество такое?
Вотъ я такъ, напримѣръ, оно совсѣмъ другое:
Я лотерейный взялъ дорогою билетъ;
И какъ не взять, когда увидѣлъ изъ газетъ,
Что скоро разыграть хотятъ часы съ лихими
Курантами, ну такъ, что не разстался бъ съ ними!
Рискнулъ—и за билетъ взнесъ кровныхъ пять рублей.
Въ сто тысячъ выигрышъ! да кто жъ себѣ злодѣй?
Сто тысячъ! Боже мой! въ Твоей все это волѣ!
Пусть баринъ мой себѣ храбрится на престолѣ,
Да сто-то тысячъ Ты пошли его слугѣ!
А подлинно бъ, онѣ пришлись мнѣ по рукѣ.
Что если бъ мнѣ.... хоть часть досталася на долю....
Что сдѣлаю.... тотчасъ я выкуплюсь на волю,
Тутъ въ службу, выслужусь, и черезъ годъ какъ разъ

Вдругъ Викторъ нашъ махнетъ въ четырнадцатый классъ!
О, честолюбіе! оставь меня въ покоѣ.
Нѣтъ, Викторъ, нѣтъ, мой другъ, затѣялъ ты пустое:
Изъ службы не всегда вѣдь выдешь съ барышомъ.
Такъ лучше.... рѣшено: я дѣлаюсь купцомъ,
Хоть третьей гильдіи, чтобы по меньше сумму
Съ имѣнія платить мнѣ въ Городскую Думу.
Тутъ я, благословясь, пущусь тотчасъ въ торги;
По лавочкамъ мои всѣ заплачу долги;
Потомъ куплю себѣ я домикъ презатѣйной
Сперва въ полку, а тамъ, пожалуй, на Литейной
Обзаведусь и—самъ женюся наконецъ....
И Саша мнѣ жена! и Викторъ ужъ отецъ!
И вотъ, вокругъ меня цыпляточки, малютки,
Я стану говорить имъ сказски, прибаутки,
И въ счастьи проживу конечно до ста лѣтъ!....
Однако-жъ посмотрѣть, здоровъ ли мой билетъ?
(*шаритъ въ карманахъ.*)
Гдѣ жъ онъ? кой чортъ! не то все въ руки попадаетъ!
Билетъ! билетъ!—меня по кожѣ подираетъ!
Ахъ, Боже мой!

—

XII.

ВИКТОРЪ, САША.

САША, (вбѣгая.)

Сей-часъ васъ баринъ приказалъ
Позвать къ себѣ.

ВИКТОРЪ.

Я все билета не сыскалъ....
Безъ васъ, со мной ударъ убійственный слу-
чился!

САША.

Да что-же сдѣлалось!

ВИКТОРЪ, (въ отчаяніи.)

Супругъ вашъ раззорился!
Что будетъ съ вашими несчастными дѣтьми!
(Убѣгаетъ.)

XIII.

САША, (одна.)

Постойте! да куда жъ?.. ушелъ... тьфу, чортъ
возьми!
Что сдѣлалось? о чемъ онъ такъ расхлопотался?
Онъ раззоренъ! да чѣмъ?.. неужли проигрался?
Нѣтъ, пустяки? меня онъ хочетъ испытать.
Все хитрости!—и такъ мнѣ надобно послать
Ипата воротить—да кстати, вотъ и папа,
И что-то веселы.

XIV.

АГЛАЕВА, АЛЬНАСКАРОВЪ, САША.

(*Саша въ началѣ явленія уходитъ.*)

АГЛАЕВА.

Оставьте шутки ваши!
Прожектъ вашъ всякаго, ей Богу, разсмѣшитъ.

АЛЬНАСКАРОВЪ.

Вы счастливы, и васъ все въ свѣтѣ веселитъ;
Но въ этомъ, кажется, нѣтъ ничего смѣшнаго.

АГЛАЕВА.

И, полно-те!

АЛЬНАСКАРОВЪ.

Да что-жъ тутъ страшнаго такого?
Вѣдь надобно жъ служа открыть себѣ карьеръ.

АГЛАЕВА.

Конечно,—съѣздивши вкругъ свѣта, напримѣръ?

АЛЬНАСКАРОВЪ, (*всторону.*)

Вотъ женскій умъ — во всемъ находитъ затрудненье!

АГЛАЕВА.

Все это хитрости,—но ваше обращенье
Мнѣ ясно говоритъ, что вы не мичманъ, графъ.

АЛЬНАСКАРОВЪ.

Я васъ благодарю! (*всторону.*) А, Викторъ точно правъ;
Все графъ, да графъ!—оно, однако-жъ, очень странно.

САША, (*вбѣгая съ газетами.*)
Сей-часъ, сударыня, ни думано, ни жданно,
Изъ Петербурга вамъ—нашъ сельскій эстафетъ,
Разодолжилъ—привезъ два нумера газетъ.
Извольте.

АГЛАЕВА.
Брось за столъ.

АЛЬНАСКАРОВЪ.
Газеты! Ради Бога,
Подай!

САША, (*отдавая газеты.*)
Хорошаго тутъ вѣрно очень много.

АЛЬНАСКАРОВЪ.
Газеты!.. Наконецъ узнаю обо всемъ.
А, а, Санктпетербургъ.... что-жъ новаго, прочтемъ.

АГЛАЕВА.
Ужъ про себя... меня хоть этимъ одолжите.

АЛЬНАСКАРОВЪ, (*читая газеты.*)
Возможно ли!

АГЛАЕВА.
А что?

АЛЬНАСКАРОВЪ.
Злодѣи! подождите.
Несчастный! Боже мой! свершилось! я убитъ!
(*Падаетъ на стулъ и роняетъ газеты. Саша поднимаетъ ихъ.*)

АГЛАЕВА, (*смѣясь.*)
Что сдѣлалось?

САША.

Вашъ графъ, мнѣ кажется, шалитъ;

Но вотъ...

АГЛАЕВА (*беретъ отъ Саши газеты.*)

Подай, прочтемъ извѣстье роковое.
Боюсь, расхохочусь... Ахъ, Саша

САША.

Что-жъ такое?

АГЛАЕВА.

Представь! вѣдь нашъ фрегатъ изволилъ улетѣть.

САША.

Неужли? да когда жъ? (*обѣ смѣются.*)

АЛЬНАСКАРОВЪ, (*вскакивая со стула.*)

Какъ сдѣлать это смѣть!
Ужъ я же имъ!—И такъ, теперь вы все узнали...

АГЛАЕВА.

Они уѣхали, и васъ не подождали!

АЛЬНАСКАРОВЪ.

Они раскаются! но поздно... это вздоръ!
И если ужъ у насъ пошло на перекоръ—
Я не служу и — ихъ въ моряхъ постигнетъ бѣдство!
Но мнѣ утѣшиться еще осталось средство:
Женюсь, и, счастливый прелестною женой,
Въ свободѣ, въ тишинѣ, блаженствуя душой,
Въ деревню удалюсь;—въ деревнѣ все пріятно!
И сельскіе луга, и воздухъ ароматной....
Все это насъ займетъ...

АГЛАЕВА.

Въ деревню! навсегда?
Въ деревню? шутите! Что это за мечта?
Женившись по любви, вы вѣрно захотите
Повеселить жену. Вы волю ей дадите
Пожить, пощеголять, принять къ себѣ гостей.
Столица насъ живитъ пріятностью своей!
И кто богатъ, тому грѣшно не веселиться.

АЛЬНАСКАРОВЪ.

На это бы для васъ ужъ можно согласиться.

САША, *(в сторону.)*

Ну, кажется, теперь все слажено у нихъ!

XV.

ТѢЖЕ. ВИКТОРЪ, *(вбѣгаетъ.)*

ВИКТОРЪ, *(тихо Альнаскарову.)*

Карета, лошади готовы будутъ въ мигъ,
И я...

АЛЬНАСКАРОВЪ, *(тихо Виктору.)*

Бѣги, вели откладывать скорѣе,
Я здѣсь женюсь... но будь покуда поскромнѣе.

ВИКТОРЪ.

Вотъ радость-то! Я все распоряжу сей-часъ.
(убѣгаетъ.)

XVI.

ТѢЖЕ, КРОМѢ ВИКТОРА.

АЛЬНАСКАРОВЪ.

Теперь, сударыня, зависитъ все отъ васъ.
Клянуся вамъ, что вы меня обворожили,
Въ одно свиданіе—судьбу мою рѣшили!
Вы торжествуете и—цѣлый флотъ забытъ!
Но страсть мою одна взаимность наградитъ.
Не дайте испытать мнѣ страшныхъ двухъ ударовъ.

АГЛАЕВА.

Признайтесь же, что вы—не мичманъ Альнаскаровъ!

АЛЬНАСКАРОВЪ.

Но кто бы ни былъ я — что нужды въ этомъ вамъ?
И если выбирать мужей не по чинамъ,
Повѣрьте, прапорщикъ милѣе генерала.

—

XVII.

ТѢЖЕ, ИПАТЪ.

САША.

А, кстати, вотъ Ипатъ!

АГЛАЕВА, *(Альнаскарову.)*

Теперь я васъ поймала!

Вотъ тетушкинъ слуга. Ну, что-же ты, Ипатъ,
Да кланяйся—вотъ графъ... графъ Лестовъ....

ИПАТЪ.

Виноватъ.
Ихъ знать, сударыня, я чести не имѣю.

АГЛАЕВА.

Возможно ли!

САША, *(всторону.)*

Ай! ай!

ИПАТЪ.

Я побожиться смѣю,
Что этотъ господинъ не графъ.

АЛЬНАСКАРОВЪ.

Онъ точно правъ;
Но, можетъ быть... служа, я также буду графъ.
И вы...

АГЛАЕВА.

Ахъ, Боже мой! какъ эдакъ оши-
биться.

САША, *(всторону.)*

И мичмана слуга хотѣлъ на мнѣ жениться!

АЛЬНАСКАРОВЪ, *(Аглаевой.)*

Я удивляюся! Тогда, какъ отзывъ вашъ...

АГЛАЕВА, *(Ипату.)*

Я думаю, что ихъ готовъ ужъ экипажъ?
Узнай. *(Ипатъ уходитъ.)*

АЛЬНАСКАРОВЪ.

Возможно ли?—Но ваше снисхож-
денье,
Любовь моя...

АГЛАЕВА.

Любовь! какое одолженье!
Но вашъ фрегатъ...

АЛЬНАСКАРОВЪ.

Да гдѣ жъ его теперь мнѣ взять?

АГЛАЕВА.

Что-жъ за бѣда? его вы можете догнать.

АЛЬНАСКАРОВЪ.

Догнать? возможно ли! Нѣтъ, это ужъ ужасно!
Я не стерплю...

АГЛАЕВА.

И такъ—что-жъ мѣшкать вамъ напрасно?

АЛЬНАСКАРОВЪ.

Помилуйте! но такъ перемѣниться вдругъ!
Скажите—отъ чего?

АГЛАЕВА.

Мнѣ право недосугъ:
Здѣсь тетушкинъ слуга ждетъ моего отвѣта.

ИПАТЪ, (*входя.*)

Ужъ ихъ ссй-часъ въ сарай поставлена карета,
Такъ какъ прикажете?

АГЛАЕВА.

Въ сарай! да кто жъ велѣлъ?

АЛЬНАСКАРОВЪ.

Въ сарай! вотъ хорошо! кто сдѣлать это смѣлъ?
Не надобно, и прочь карету изъ сарая,
Я ѣду.

АГЛАЕВА, (*Ипату.*)

Поскорѣй! (*Ипатъ уходитъ.*) А я, васъ оставляя,
Желаю вамъ, сударь, счастливаго пути.
Прощайте! (*уходитъ.*)

—

XVIII.

АЛЬНАСКАРОВЪ, САША.

АЛЬНАСКАРОВЪ.

Боже мой! какъ это все снести?
Вотъ женщины! — но въ нихъ нельзя не ошибиться.

САША.

Прошу васъ Виктору отъ Саши поклониться.

АЛЬНАСКАРОВЪ.

Да растолкуй мнѣ, чѣмъ я разсердилъ ее?

САША.

Мы думали, что вы графъ Лестовъ—вотъ и все.

—

XIX.

ТѢЖЕ, ВИКТОРЪ.

ВИКТОРЪ, (*вбѣгая.*)

Помилуйте, вы здѣсь, я слышу, накутили!
Что сдѣлалось?

АЛЬНАСКАРОВЪ.

Онѣ — намъ обѣ измѣнили!

(Разсматриваетъ дорожную свою ландкарту.)

ВИКТОРЪ.

Возможно ли? но, нѣтъ, не вѣрю я никакъ,
Что Сашенька...

САША.

Пошелъ, не тронь меня, дуракъ!

ВИКТОРЪ.

Дуракъ!.. Измѣнница, теперь я понимаю:
Ты думала, что я билетъ мой затеряю,
Что раззорюсь, лишусь стотысячныхъ часовъ?
Такъ нѣтъ; нашелъ, смотри, съ печатью!—Что
каковъ?

САША.

Пожалуй, жди себѣ... ужъ эта лотерея
Давнымъ давно...

ВИКТОРЪ.

Ну что?—дорѣзывай скорѣе!

САША.

Давно разыграна — и ты кругомъ банкрутъ.
(Убѣгаетъ.)

—

XX.

АЛЬНАСКАРОВЪ, ВИКТОРЪ.

ВИКТОРЪ.

Разыграна! поддѣлъ меня какой-то плутъ!

АЛЬНАСКАРОВЪ.

Ну, Викторъ, радуйся: мы побѣдимъ природу!
Рѣшись...

ВИКТОРЪ.

Готовъ на все: съ отчаянья — хоть
въ воду!

АЛЬНАСКАРОВЪ.

Повѣрь, мой другъ, судьба располагаетъ всѣмъ!
Поѣдемъ въ Индію.

ВИКТОРЪ.

Помилуйте, зачѣмъ?

АЛЬНАСКАРОВЪ.

Поищемъ счастія по сухопутной части.

ВИКТОРЪ.

И ѣхать и служить, все это въ вашей власти,
Но я ужъ въ Индію, конечно, не ѣздокъ.
Но вашъ фрегатъ и вашъ прелестный остро-
вокъ...
Забыто все!

АЛЬНАСКАРОВЪ.

Ахъ, ихъ ужъ воротить не можно!
Фрегатъ нашъ улетѣлъ!

ВИКТОРЪ.

Вотъ это ужъ без-
божно!
Флотилія, престолъ, невѣста, мой билетъ—
Пропало все, и намъ ни въ чемъ удачи нѣтъ!
Ахъ, Боже мой, за что я погибаю съ вами?

АЛЬНАСКАРОВЪ.

Утѣшься! Индія осталася за нами.

НЕРѢШИТЕЛЬНЫЙ

или

СЕМЬ ПЯТНИЦЪ НА НЕДѢЛѢ.

КОМЕДІЯ

ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ, ВЪ СТИХАХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ.

—

Армидинъ.

Зворскій, отсавной полковникъ.

Людмила, } его дочери.
Наташа, }

Мадамъ Вертеръ, трактирщица.

Романъ, слуга Армидина.

Дѣйствіе въ Валдаѣ, въ трактирѣ.

НЕРѢШИТЕЛЬНЫЙ.

КОМЕДІЯ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ, ВЪ СТИХАХЪ.

═

I.

М. ВЕРТЕРЪ, (*въ дверяхъ.*)

Вотъ люди! Подлинно, безпечные счастливцы!
Да что у васъ за сонъ, негодные лѣнивцы?
Стыдитеся, начнутъ пріѣзжіе вставать.
(*входя на сцену.*)
Какъ трудно женщинѣ трактиромъ управлять!
Порядокъ у меня идетъ съ дня на день хуже,
И нехотя, теперь подумаешь объ мужѣ!
А мой покойникъ былъ на это очень крутъ;
Бывало, ни жена, ни слуги не заснутъ;
За то все прибрано, все чисто, всѣ опрятны,
И надо честь отдать, что нѣмцы акуратны—
Ужъ мастера вести порядокъ и расчетъ...
Но кто-то, кажется, въ гостиную идетъ...
А, старый гость.

—

II.

М. ВЕРТЕРЪ, РОМАНЪ.

РОМАНЪ.

Какъ! Вы, сударыня, ужъ встали?

М. ВЕРТЕРЪ.

Не мудрено; всю ночь проѣзжіе мѣшали,
А всякому изъ нихъ я услужить должна.
Хлопочешь, бѣгаешь, а всюду я одна!
За то ужъ и меня прославили Валдаи;
Работники жъ у насъ престрашные лентяи.
За нихъ же я безъ ногъ отъ лишней доброты!

РОМАНЪ.

Да, этотъ сортъ людей ужасные скоты;
Но съ мелочью такой есть средство управляться.

М. ВЕРТЕРЪ.

То есть, какъ водится, почаще съ ними драться?
Но бросишь наконецъ, какъ выбьешься изъ силъ.
Да кто сего-дня васъ такъ рано разбудилъ?
Не собралися ли вы съ бариномъ въ дорогу?

РОМАНЪ.

Что до пути, такъ мы не ѣдемъ, слава Богу!
А сонъ!—Когда душа горюетъ и больна,
Такъ эдакой душѣ, повѣрьте, не до сна.

М. ВЕРТЕРЪ.

Что-жъ это за болѣзнь?—Вы шутите конечно?

РОМАНЪ.

Любовь! Я такъ влюбленъ, что не опомнюсь
вѣчно.

М. ВЕРТЕРЪ.

Вотъ что! Вы влюблены, въ кого жъ бы, на-
примѣръ?
По мнѣ во всѣхъ частяхъ вы славный кава-
леръ,
Посватайтесь, авось все кончится счастливо.

РОМАНЪ.

А я молчу—любовь робка и молчалива!

М. ВЕРТЕРЪ.

Любовь, сударь, глупа, когда она молчитъ,
Разсудокъ не зѣвать, а дѣйствовать велитъ;
Но балагурничать, я знаю, ваше дѣло.
Скажите мнѣ—я васъ давно спросить хотѣла:
Какимъ вы образомъ, заѣхавши сюда
Съ дороги отдохнуть, и именно, когда
Вы на другой же день отправиться хотѣли,
Живете у меня ужъ около недѣли?

РОМАНЪ.

Неужли съ бариномъ наскучили мы вамъ?

М. ВЕРТЕРЪ.

Ну, какъ вамъ не грѣшно? Да эдакимъ гостямъ
Я рада отъ души; но все же есть причина...

РОМАНЪ.

Ахъ! Если бъ моего вы знали господина,
Не удивили бъ васъ такія чудеса.
Прекрасный нравъ! Божусь, что много въ пол-
часа
Онъ камердинеру всѣ ноги отколотитъ:
Разъ двадцать васъ пошлетъ и сорокъ поворо-
титъ,
За все хватаешься, чтобъ кончить и начать;

То ѣдетъ, то идетъ, и словомъ вамъ сказать:
Такъ нерѣшителенъ, что истинно нѣтъ средства.
Онъ ѣздилъ къ батюшкѣ по случаю наслѣдства,
А главное за тѣмъ, чтобъ, сладивши съ родней,
Жениться по любви на дѣвушкѣ одной.
Вопросъ отца, на комъ? насъ сильно озадачилъ,
Мой баринъ двухъ невѣстъ въ умѣ себѣ назначилъ,—
А изъ хорошенькихъ страхъ трудно браковать!
Отецъ хоть не любилъ насъ слишкомъ баловать,
Но къ счастью, будучи старинный другъ съ отцами
Двухъ нашихъ прелестей, и, сжалившись надъ нами,
Тотчасъ же написалъ къ обѣимъ по письму,
Чтобъ нужное отдать—Богъ знаетъ ужъ кому!
Депеши получа, мы съ батюшкой разстались,
Въ Валдаѣ по пути отчаянно промчались;
Но здѣсь-то насъ судьба рѣшилася пугнуть,
Въ Москву и Петербургъ отсюда равный путь,
Невѣсты—тутъ и тамъ, гдѣ лучше, не рѣшили.
Куда жъ прикажете, чтобъ мы поворотили?
И чья же тутъ въ-тупикъ не станетъ голова,
Поѣдешь въ Петербургъ—разсердится Москва,
Въ Москву—такъ Невская взволнуется столица,
И вотъ что насъ крушитъ, душа моей царица!

М. ВЕРТЕРЪ.

Ахъ, Боже мой!—Да онъ, я вижу, пречудакъ?

РОМАНЪ.

Я все бы съ нимъ еще поладилъ кое-какъ,
Когда бъ въ другихъ вещахъ мнѣ не было накладно.
Я, напримѣръ, одѣтъ ужъ очень не нарядно,
А терпишь нехотя по милости его!
Все жду и не дождусь—а это отъ чего?
Нѣтъ денегъ? Деньги есть,—скупится. Не скупится,
Да видите фасонъ, во-первыхъ, не годится,
А во-вторыхъ... еще препятствіе одно:
Чтобъ новый сшить кафтанъ, такъ надобно сукно,
И выбрать цвѣтъ, а онъ—мой капатунъ ужасный,
Все думаетъ какой зеленый или красный?

М. ВЕРТЕРЪ.

Ахъ, бѣдненькой! Мнѣ васъ, ей Богу, очень жаль!

РОМАНЪ.

Что-жъ дѣлать? Мы за то не наровимся вдаль,
Намъ слишкомъ дороги: бездѣлье и свобода!
Онъ, правда, состоялъ по арміи два года,
То есть, безъ должности — родъ службы ужъ такой!
Какъ вдругъ приказано, чтобъ мы вступили въ строй:
Вотъ это навело намъ страшную заботу,
Служить ли въ конницѣ, или вступить въ пѣхоту,

Что лучше, да куда—ну думать, разсуждать:
Въ одной наѣздничать, въ другой маршировать,
А чтобъ не вздумали шурнуть васъ за неявку,
Онъ вышелъ въ Сентябрѣ поручикомъ въ отставку.

М. ВЕРТЕРЪ.

Я вижу, баринъ вашъ затѣйникъ пребольшой;
Но я заслушалась, а право, чай, за мной
Все остановится, и мнѣ пора за дѣло.
А въ ночь ко мнѣ гостей путемъ понапетѣло,
И между прочими весь заняли мой домъ
Дѣвицы Зборскія.

РОМАНЪ.

Какъ! Зборскія съ отцомъ!

М. ВЕРТЕРЪ.

Такъ точно! Стало вамъ знакомы эти дамы?

РОМАНЪ.

Какъ! Зборскій! Боже мой! Онъ именно тотъ самый,
Въ чью дочь прелестную проказникъ мой влюбленъ.
Вотъ встрѣча! Вотъ судьба! Я право восхищенъ.
Теперь разрушена Валдайская преграда!

М. ВЕРТЕРЪ.

Я сватьбѣ эдакой была бы очень рада.

РОМАНЪ.

Но сватьбы мы сыграть могли бы даже двѣ.

М. ВЕРТЕРЪ.

Вы шутите, у васъ все вздоры въ головѣ,

Но мнѣ пора, божусь; нѣтъ времени, ни силы
Приходовъ записать.

РОМАНЪ.

Приходовъ?—Какъ вы милы!

М. ВЕРТЕРЪ.

Вы льстите мнѣ!

РОМАНЪ.

Я льщу!.. Скажите, этотъ домъ
Вашъ собственный?

М. ВЕРТЕРЪ.

Онъ мнѣ покойникомъ отцомъ
Съ долгами подаренъ.

РОМАНЪ.

Вотъ это ужъ напрасно.

М. ВЕРТЕРЪ.

Долги заплачены.

РОМАНЪ.

Заплачены!—Прекрасно!

М. ВЕРТЕРЪ.

Сначала, правда, онъ былъ слишкомъ запущенъ.

РОМАНЪ.

Нѣтъ, домикъ очень милъ! Я думаю, что онъ
Не дешевъ?

М. ВЕРТЕРЪ.

Хоть кому имѣть бы не мѣшало.

РОМАНЪ.

Вы чудо—женщина, какихъ, конечно, мало!

М. ВЕРТЕРЪ.

Насмѣшникъ.

РОМАНЪ.

Какъ мила! А что, скажите, въ годъ
Вамъ эдакой трактиръ приноситъ, чай, доходъ
Порядочный?

М. ВЕРТЕРЪ.

Всегда кареты и коляски
Безъ выѣзда!—Чего жъ желать?

РОМАНЪ.

Какіе глазки!

М. ВЕРТЕРЪ.

Ужъ я не проживу изъ денегъ нажитыхъ.

РОМАНЪ.

Помилуйте! Да кто васъ спрашивалъ объ нихъ,
Не деньги, вы однѣ—и не боитесь Бога
Объ деньгахъ говорить! А денегъ развѣ много
У васъ накоплено?

М. ВЕРТЕРЪ.

Да, есть что посчитать.

РОМАНЪ.

Нѣтъ средства! Дайте жъ мнѣ себя разцѣловать,
Нельзя, такъ я къ ногамъ въ восторгѣ упадаю!

М. ВЕРТЕРЪ.

Ахъ, встаньте поскорѣй!

—

III.

ТѢЖЕ. АРМИДИНЪ.

АРМИДИНЪ.

Прекрасно! Поздравляю!
Люблю: рѣшить, начать и кончить въ два мига,
И по пословицѣ: по барину слуга!

М. ВЕРТЕРЪ.

Ахъ, стыдъ какой!

АРМИДИНЪ.

Вотъ вздоръ, и ничего не
значитъ.

М. ВЕРТЕРЪ.

Я вся сконфужена...

РОМАНЪ, (*тихо Армидину.*)

Она, сударь, заплачетъ.

АРМИДИНЪ.

Не бойся; полноте жъ, не стыдно ли краснѣть,
Нельзя жъ на жениховъ вамъ видовъ не имѣть.
А онъ—не слишкомъ глупъ, расчетистъ, добрый
малой.
Вы нравитесь ему... особенно. Такъ стало
Скорѣй...

М. ВЕРТЕРЪ.

Мнѣ надобно подумать напередъ.

АРМИДИНЪ.

А я охотно бы... но время не уйдетъ.

РОМАНЪ.

Я благодарнымъ вамъ останусь до гроба!

За то мы счастливы сегодня будемъ оба.—
Все кончено!

М. ВЕРТЕРЪ.

А! а! Мы васъ подстерегли!

АРМИДИНЪ.

Какъ! Въ чемъ?

РОМАНЪ.

Вѣдь Зборскій здѣсь!

АРМИДИНЪ.

Какъ! Зборскій? Неужли?

М. ВЕРТЕРЪ.

Они сегодня въ ночь въ трактирѣ здѣсь пристали.

АРМИДИНЪ.

Вотъ новость! Очень радъ; да какъ мнѣ не сказали?
Я встрѣчи эдакой никакъ не ожидалъ.
Романъ!

РОМАНЪ, (*въ сторону.*)

Пошла писать!

АРМИДИНЪ.

Полковникъ вѣрно всталъ.
Узнай, проснулся ли?—Романъ! постой покуда,
Полковникъ вѣрно спитъ—ей Богу! Это чудо...
Они пріѣхали—ступай, я очень радъ!
Романъ! Лѣнтяй! никакъ не вернется назадъ!

—

IV.

АРМИДИНЪ, М. ВЕРТЕРЪ.

АРМИДИНЪ.

Ну, чтожъ? Пожалуйста, скажите откровенно:
Вамъ дочь полковника понравилась?

М. ВЕРТЕРЪ.

Отмѣнно!
Красавицы! Да ихъ здѣсь не одна, а двѣ.

АРМИДИНЪ.

Какъ развѣ обѣ здѣсь? А странно, въ головѣ
Одна все вертится.

М. ВЕРТЕРЪ.

А вы изъ нихъ съ кото-
рой
Хотѣли бъ видѣться?

АРМИДИНЪ.

Съ которой — слишкомъ
скоро,
Не хорошо, вы все узнать хотите вдругъ.

М. ВЕРТЕРЪ.

Что-жъ за бѣда сказать, которой вы изъ двухъ
Интересуетесь?

АРМИДИНЪ.

Которой?

М. ВЕРТЕРЪ.

Какъ вы скрытны!

АРМИДИН.

Которой?... Знаете... вы слишкомъ любопытны?
Хотѣлъ—да ужъ теперь нарочно не скажу.

М. ВЕРТЕРЪ.

Такъ я узнаю же.

—

V.

ТѢЖЕ, РОМАНЪ.

РОМАНЪ.

А я вамъ доложу,
Что нашъ полковникъ всталъ, и со двора пу-
стился.

АРМИДИНЪ.

Вѣкъ цѣлый прослужилъ и все не уходился.
Вотъ человѣкъ! Но я сей-часъ его найду.
Идти... или нейти?—Увижу, какъ пойду.
Эй, шляпу! Все равно—и шляпу и фуражку.

РОМАНЪ.

Да что-жъ изъ двухъ?

АРМИДИНЪ.

Опять за старую замашку?
Что именно? Твержу, а вѣчно все одно,
Фуражка, шляпа ли, не все ли мнѣ равно?
Что тутъ разспрашивать? Ну то, или другое.
Да только поскорѣй. (*Романъ убѣгаетъ.*) Я что-то
вамъ такое.

Пренужное сейчасъ хотѣлъ препоручить.
Такъ точно! Надобно пріѣзжихъ угостить.
Нельзя ли что нибудь придумать вамъ?

М. ВЕРТЕРЪ.

Да что же?

Не завтракъ ли?

АРМИДИНЪ.

Ну... да, такъ, что нибудь,
все тоже.

(Романъ приноситъ палку перчатки, фуражку, шляпу, и становится подлѣ Армидина.)

М. ВЕРТЕРЪ.

Когда прикажете, я сдѣлаю обѣдъ?

АРМИДИНЪ.

(Беретъ палку, перчатки, и, разговаривая, примѣриваетъ то шляпу, то фуражку.)

Ну! такъ, а у самихъ догадки нѣтъ, какъ нѣтъ.
Что за допросъ!

М. ВЕРТЕРЪ.

Безъ васъ рѣшиться я не смѣю.

АРМИДИНЪ.

Что-жъ тутъ рѣшить? Я далъ вамъ полную
идею,
Все это можно вамъ настряпать, порасчесть,
И сдѣлать что нибудь, чтобъ было что поѣсть.
Да только не забыть пирожное.

М. ВЕРТЕРЪ.

Какое
Угодно приказать?

АРМИДИНЪ.

Пирожное?—Любое...
Но только сладкое.

М. ВЕРТЕРЪ.

Да горькаго и нѣтъ.
Не приготовить ли вамъ кстати ужъ десертъ.

АРМИДИНЪ.

Десертъ? Не худо бы.

М. ВЕРТЕРЪ.

Но вѣдь десерты разны...
Какой цѣны?

АРМИДИНЪ.

Ахъ, вы ужасно безотвязны!
И съ вами эдакъ—вѣкъ не кончишь ничего.
Прощайте; впрочемъ, гдѣ жъ я отыщу его?
Чѣмъ попусту ходить, я лучше здѣсь его до-
ждуся.

М. ВЕРТЕРЪ.

Такъ какъ же?..

АРМИДИНЪ.

Вы опять?... Я право ворочуся,
Вѣдь скучно толковать объ этихъ пустякахъ,
Мы послѣ...

М. ВЕРТЕРЪ.

Боже мой! Все дѣло въ двухъ
словахъ.

АМИДИНЪ, (*уходя.*)

Такъ подождите же.

М. ВЕРТЕРЪ, (*провожая.*)

Да чѣмъ же вы рѣшили?

РОМАНЪ.

Каковъ?

(Армидинъ возвращается, перемѣняетъ фуражку на шляпу, и, ни слова не говоря, уходитъ.)

М. ВЕРТЕРЪ.

А это что?

РОМАНЪ.

Да, такъ... перемѣнили!
Ужъ не прогнѣвайтесь, мы таковы во всемъ.

—

VI.

ТѢЖЕ, ЛЮДМИЛА, НАТАША.

ЛЮДМИЛА.

Но эдакъ батюшки нигдѣ мы не найдемъ.

НАТАША, (*трактирщицѣ.*)

А, здравствуйте! Вы здѣсь? Какъ это все проворно!
Что, вы здоровы ли?

М. ВЕРТЕРЪ.

Благодарю покорно.

НАТАША.

Какъ васъ зовутъ?

М. ВЕРТЕРЪ.

Меня-съ? Шарлотою.

НАТАША.

А какъ
Фамилья?

М. ВЕРТЕРЪ.

Вертерша.

НАТАША.

Ахъ, Боже мой! Ну, такъ.
Сестрица, радуйся—Вотъ Вертера Шарлота!

М. ВЕРТЕРЪ.

Такъ точно, это я.

ЛЮДМИЛА, (*Наташѣ.*)

Стыдись! Что за охота
Такъ пародировать чувствительный романъ?

РОМАНЪ, (*всторону.*)

Романъ! Подслушали.

М. ВЕРТЕРЪ.

Что это не обманъ,
Я въ этомъ побожусь.

НАТАША.

А я васъ поздравляю!

ЛЮДМИЛА, (*тихо Наташѣ.*)

Сестрица! Посмотри, я право примѣчаю,
Что этотъ человѣкъ съ меня не сводитъ глазъ.

НАТАША.

Ну, что-жъ, любуется.

ЛЮДМИЛА.

Онъ, вѣрно, знаетъ насъ,
И презнакомое лицо!

НАТАША.

Да и ливрея...
Спрошу.

ЛЮДМИЛА.

Ахъ, спрашивать—что это за идея?

НАТАША.

А чей ты человѣкъ?

РОМАНЪ.

Сударыня!.. Да я,

Слуга Армидина.

НАТАША.

Такъ точно! И моя

Сестрица...

ЛЮДМИЛА.

Что за вздоръ вы это говорите?

Къ чему тутъ вмѣшивать сестрицу?

НАТАША.

Извините.

ЛЮДМИЛА, *(тихо Наташѣ.)*

Ты можешь отъ себя спросить.

НАТАША.

Мнѣ всё равно.

Когда жъ пріѣхалъ онъ?

РОМАНЪ.

Съ недѣлю.

НАТАША.

Какъ давно!

Да что-жъ онъ дѣлаетъ?

РОМАНЪ.

Дѣла-съ.

НАТАША.

Я очень рада.

М. ВЕРТЕРЪ.

А мнѣ такъ кой о чемъ похлопотать бы надо,
Хозяйкѣ каждая минута дорога.

ЛЮДМИЛА.

Подите жъ поскорѣй.

РОМАНЪ.

Покорнѣйшій слуга.

—

VII.

ЛЮДМИЛА, НАТАША.

НАТАША.

Ну, вотъ и новости! Прекрасно, поздравляю,
А встрѣча странная.

ЛЮДМИЛА.

Но я не понимаю,
Какъ это сдѣлалось?

НАТАША.

Конечно, мудрено,
А весело?

ЛЮДМИЛА.

Вотъ вздоръ! Мнѣ право все равно!

НАТАША.

Пожалуйста, и я... ужъ знаю...

ЛЮДМИЛА.

Что-жъ ты зна-
ешь?

НАТАША.

Да то, что иногда ты многое скрываешь,—
И что въ Армидина ты точно влюблена.

ЛЮДМИЛА.

Ты удивительно, Наташа, какъ смѣшна:
Я отъ тебя терплю всегдашніе нападки.
Поговори объ комъ, вотъ и пошли догадки:
Что я влюбилася, что я ужъ безъ ума,
И вѣчно обо мнѣ,—а между тѣмъ сама
Армидинымъ всегда изволишь восхищаться!

НАТАША.

Не я, а развѣ онъ, такъ это можетъ статься.

ЛЮДМИЛА.

Тобой?

НАТАША.

Да, кажется.

ЛЮДМИЛА.

Какой пріятный вздоръ!

НАТАША.

Но если, наконецъ, пойдетъ у насъ на споръ,
То я вамъ докажу, что это справедливо.

ЛЮДМИЛА.

Ты удивительно, мой другъ, самолюбива!
Доказывать—чего нѣтъ средства доказать.

НАТАША.

Когда бъ изволили получше примѣчать,
То вы замѣтили бъ, какъ онъ... съ иными скученъ,
И веселъ—съ прочими.

ЛЮДМИЛА.

За тѣмъ, что равнодушенъ,
И говоритъ съ тобой, что въ голову войдетъ.

НАТАША.

А съ вами — такъ онъ словъ достойныхъ не найдетъ!
Но шутки въ сторону, а знаешь, право чудно,
Что какъ онъ ни знакомъ, — а вѣдь, ей Богу, трудно
Рѣшить, въ кого изъ насъ онъ именно влюбленъ.

ЛЮДМИЛА.

Въ кого? Въ меня!

НАТАША.

Ахъ, нѣтъ, въ меня!

ЛЮДМИЛА.

Ей Богу, онъ
Не думаетъ...

НАТАША.

Ну, такъ!

ЛЮДМИЛА.

У васъ во всемъ чрезмѣрность.

НАТАША.

Да онъ со мной игралъ *Притворную невѣрность*
И ясно доказалъ... чувствительность свою.

ЛЮДМИЛА.

А мы играли съ нимъ при васъ *Свою семью*;
Армидинъ былъ *Любимъ*, а я была *Наташа*,
И я пошлюсь на всѣхъ, какъ шла піэса наша.

НАТАША.

Не дурно.

ЛЮДМИЛА.

И мечтать, что въ мірѣ ты одна
Всѣхъ удивлять, прельщать, обворожать долж-
на!
Что-жъ? Надо замолчать, за тѣмъ, что спорить
скучно.

НАТАША.

Какъ это ласково и какъ великодушно!
За это, я сама все уступаю вамъ.

ЛЮДМИЛА.

Не нужно.

НАТАША.

Вѣрно онъ... предстанетъ скоро самъ.
И что за страшное произойдетъ свиданье!
Прощай!

ЛЮДМИЛА.

Постой! Куда жъ?

НАТАША.

Развлечь мое стра-
данье!

ЛЮДМИЛА.

Я вашихъ не люблю трагическихъ тирадъ;
Останьтесь.

НАТАША.

Я сей-часъ гулять пускаюсь въ садъ,
А тамъ...

ЛЮДМИЛА.

Ты ничего не скажешь равнодушно.

НАТАША, (*присѣдая.*)
Я уступаю вамъ—за тѣмъ, что спорить скучно.
(*убѣгаетъ.*)

—

VIII.

ЛЮДМИЛА, (*одна.*)
Мы эдакъ, не шутя, поссоримся съ сестрой,
Смѣшно! Но чѣмъ же мнѣ заняться здѣсь одной?
Нѣтъ, лучше побѣгу съ Наташей помириться.

—

IX.

ЛЮДМИЛА, АРМИДИНЪ.

АРМИДИНЪ.
Искать и не найти; пойти и воротиться—
Досадно!... Это вы? Воображалъ ли я
Васъ видѣть!

ЛЮДМИЛА.
Боже мой!

АРМИДИНЪ.
Вотъ встрѣча, не шутя,
Чудесная!

ЛЮДМИЛА.
Какъ мы здѣсь съѣхались престранно.

АРМИДИНЪ.
Ужъ подлинно сказать недуманно, нежданно.
Я ѣхалъ, напримѣръ...

ЛЮДМИЛА.

Вы ѣхали, куда?

АРМИДИНЪ.

Я ѣхалъ... какъ я радъ!—Я ѣхалъ вотъ туда,
Какъ вдругъ нечаянно встрѣчаюся здѣсь съ
вами;
Въ деревнѣ мѣсяцы казались мнѣ годами,
Но, кончивши дѣла, надѣюсь, что опять
Вы мнѣ позволите васъ видѣть, посѣщать,
Какъ прежде.

ЛЮДМИЛА.

Это намъ, повѣрьте, страхъ пріят-
но.

АРМИДИНЪ.

А я соскучился безъ васъ невѣроятно.
Желанье страшное увидѣть поскорѣй...

ЛЮДМИЛА.

Кого жъ?

АРМИДИНЪ.

Кого? Да всѣхъ—знакомыхъ и дру-
зей,
Всегда влекли меня въ пріятную дорогу.

ЛЮДМИЛА.

А что, вашъ батюшка, здоровъ ли?

АРМИДИНЪ.

Слава Богу!
И даже къ вашему отправилъ онъ со мной
Кой что, въ чемъ тайны нѣтъ конечно никакой,
Письмо... которое отмѣнно интересно.

ЛЮДМИЛА.

Письмо,—объ чемъ?

АРМИДИНЪ.

Объ чемъ—письмо... мнѣ неизвѣстно...
Но, кажется, оно касается до васъ.

ЛЮДМИЛА.

Письмо отъ батюшки, и писано объ насъ?
Мнѣ любопытно бы узнать загадку эту.

АРМИДИНЪ.

Объ эдакихъ вещахъ онъ пишетъ по секрету,
Такъ я въ подробности никакъ не могъ узнать.

ЛЮДМИЛА.

Помилуйте! Да кто жъ просилъ васъ увѣрять,
Что будто писано объ чемъ-то...

АРМИДИНЪ.

Это точно.

ЛЮДМИЛА.

Объ чемъ же?

АРМИДИНЪ.

Знаете:—я вамъ сказалъ нарочно—
Въ письмѣ не сказано ни слова ни объ чем

ЛЮДМИЛА.

Такъ вы пріѣхали съ пустымъ листомъ?
Прелюбопытное жъ вы привезли посланье!

АРМИДИНЪ.

Такъ знайте же, что въ немъ скрывается желанье,
Которымъ удивить надѣюсь скоро васъ.

ЛЮДМИЛА.

Насъ удивить! Но мы толкуемъ цѣлый часъ,
Другъ друга, кажется, совсѣмъ не понимая,

И признаюсь, у васъ привычка предурная—
Изъ скрытности никакъ не кончишь ничего.

АРМИДИНЪ.

Напротивъ, я пошлюсь Богъ знаетъ на кого,
Что откровеннѣе не сыщите другова —
И побожусь, что жизнь мужчины холостова
Своей безпечностью и вѣчной суетой
Такъ мнѣ наскучила, что я... что я... какой
Сего-дня славный день, однако жъ!

ЛЮДМИЛА.

Удивленье!
Да съ вами надобно ужасное терпѣнье!

АРМИДИНЪ.

Но вы ужъ сердитесь?

ЛЮДМИЛА.

Напротивъ, я смѣюсь.

АРМИДИНЪ.

Надѣюсь, а не то я право не рѣшусь,
У васъ же попросить пренужнаго совѣта.

ЛЮДМИЛА.

Совѣта, въ чемъ?

АРМИДИНЪ.

Да въ томъ...вотъ видите... но это
Конечно не уйдетъ и послѣ объяснить.

ЛЮДМИЛА.

Да вы ужъ надо мной рѣшилися шутить!
Такъ знайте же, что я серьёзно разсердилась.

АРМИДИНЪ.

Помилуйте! За что-жъ?

ЛЮДМИЛА.

Ни слова—я рѣшилась,—
И слышать не хочу, повѣрьте, ни объ чемъ.

АРМИДИНЪ.

Ужъ это варварство! Божусь, все дѣло въ томъ,
Что въ вашемъ дружескомъ нуждаюсь я совѣтѣ,
И вы должны рѣшить....

ЛЮДМИЛА.

Нѣтъ, ни за что на свѣтѣ!

АРМИДИНЪ.

За что-же? Сжальтеся! Какъ эдакъ обижать!
Такъ знайте жъ....

ЛЮДМИЛА, *(всторону.)*

Дождалась!

АРМИДИНЪ.

Такъ вы хотѣли знать?
Вы все узнаете, но съ тѣмъ, чтобъ не сердиться.
Извольте, дѣло въ томъ, что я хочу...садиться,
Вамъ неугодно ли?

ЛЮДМИЛА, *(всторону.)*

Садиться? Боже мой?
Несносный человѣкъ!

АРМИДИНЪ.

Теперь моей судьбой,
И всѣмъ располагать вы властны, какъ хотите,
И вотъ письмо... письмо, въ которомъ посмотрите,
Въ которомъ именно.... теперь который часъ?

—

X.

ТѢЖЕ, РОМАНЪ.

РОМАНЪ, (*вбѣгая.*)

Полковникъ на крыльцѣ.

АРМИДИНЪ.

Какъ кстати—и для насъ
Тѣмъ лучше.

ЛЮДМИЛА.

Боже мой!

АРМИДИНЪ.

Куда жъ?

ЛЮДМИЛА.

Нѣтъ, воля ваша!

(*въсторону, убѣгая.*)

Ну, кажется, теперь попалася Наташа.

—

XI.

АРМИДИНЪ, ЗБОРСКІЙ, РОМАНЪ.

ЗБОРСКІЙ.

Гдѣ онъ? Давай его!—Здорово, какъ я радъ!
Въ дорогѣ встрѣтиться съ знакомымъ, право кладъ!
Я вѣрить не хотѣлъ почти такому чуду!

АРМИДИНЪ.

А я такъ хлопоталъ и васъ искалъ повсюду,
Чтобъ чудной встрѣчею васъ удивить скорѣй,

ЗБОРСКІЙ.

Мы, братецъ, безъ тебя соскучились ей-ей!
Когда же съ батюшкой разстался ты?

АРМИДИНЪ.

Недавно.

ЗБОРСКІЙ.

Здоровъ ли онъ?

АРМИДИНЪ.

Здоровъ и веселъ.

ЗБОРСКІЙ.

Это славно!
А чай, за лѣностью прислалъ одинъ поклонъ?

АРМИДИНЪ.

Напротивъ... можетъ быть... (*Роману.*) Ты можешь выдти вонъ.
Здѣсь дѣлать нѣчего.

ЗБОРСКІЙ.

А ты сюда когда же
Пріѣхалъ?

АРМИДИНЪ.

Я сюда? Я совѣщуся даже
Признаться вамъ...

ЗБОРСКІЙ.

Вотъ вздоръ.

АРМИДИНЪ.

И не хотя живешь —
Что-жъ дѣлать! Отъ того... (*Роману.*) Ты все-таки нейдешь?
Сей-часъ же вонъ! (*Романъ уходитъ.*)

ЗБОРСКІЙ.

Чортъ съ нимъ!

АРМИДИНЪ.

Я не люблю, признаться,
Зѣваютъ для того, чтобъ дѣломъ не заняться.

ЗБОРСКІЙ.

На эти мелочи не стоитъ тратить словъ,
Но ты не досказалъ?...

АРМИДИНЪ.

Я былъ все нездоровъ;
И какъ больной, не смѣлъ отправиться въ дорогу...

ЗБОРСКІЙ.

А что теперь?

АРМИДИНЪ.

Теперь прошло.

ЗБОРСКІЙ.

Ну, слава Богу!
Куда же ѣдешь ты?

АРМИДИНЪ.

Куда?... Да сами вы
Куда же ѣдете?

ЗБОРСКІЙ.

Я ѣду изъ Москвы
Въ нашъ славный Петербургъ.

АРМИДИНЪ.

И я... почти что тоже.

ЗБОРСКІЙ.

Почти?—Да это, братъ, на старое похоже!

АРМИДИНЪ.

На старое?—А чѣмъ, позвольте мнѣ узнать?

ЗБОРСКІЙ.

Да это самому не трудно разгадать.
Ты нерѣшителенъ ужасно въ самомъ дѣлѣ,
И у тебя всегда семь пятницъ на недѣлѣ.

АРМИДИНЪ, (*вынимая изъ шляпы письмо.*)

Я нерѣшителенъ?—Такъ я вамъ докажу.

ЗБОРСКІЙ.

Что это за письмо?

АРМИДИНЪ.

Я послѣ покажу,
Но замѣчаніе мнѣ ваше страхъ обидно.

ЗБОРСКІЙ.

Сердися или нѣтъ, а это, братецъ, видно,
И эта у тебя привычка съ дѣтскихъ лѣтъ.
Все медлишь, думаешь, не скажешь да, ни нѣтъ,
И нерѣшительность тебя какъ за носъ водитъ,
А время, между тѣмъ, уходитъ да уходитъ;
Вѣдь для тебя оно не вернется назадъ.

АРМИДИНЪ.

Но должно доказать.

ЗБОРСКІЙ.

Пожалуй, очень радъ.
Начнемъ съ того: зачѣмъ ты, напримѣръ, не въ службѣ?

АРМИДИНЪ.

За тѣмъ... вотъ вамъ письмо, которое по дружбѣ
Мнѣ лично батюшка отдать препоручилъ.

ЗБОРСКІЙ.

Письмо? Да ты объ немъ не ужъ-то позабылъ?
Мнѣ должно бы его давно отдать.

АРМИДИНЪ.

Конечно. —
Но я....

ЗБОРСКІЙ.

Но ты... но ты... раздумываешь вѣчно.
Вотъ доказательство, ты видишь, что я правъ.
Смотри жъ, я отучу тебя. (*читаетъ письмо.*)

АРМИДИНЪ, (*всторону.*)

Ужасный нравъ!
Самъ виноватъ!... Къ чему я такъ поторопился!

ЗБОРСКІЙ, (*читая.*)

Вотъ новость!

АРМИДИНЪ, (*всторону.*)

Хорошо, что я еще рѣшился,
И выбралъ, кажется, а то бъ мнѣ съ нимъ бѣда.

ЗБОРСКІЙ.

Я такъ обрадованъ, какъ не былъ никогда
И поджидалъ давно такого предложенья,
Что-жъ, съ Богомъ, по рукамъ!

АРМИДИНЪ.

А я, отъ восхищенья,
Не знаю истинно, какъ васъ благодарить!

ЗБОРСКІЙ.

Такого молодца я очень радъ женить.
Мы тотчасъ выполнимъ взаимное желанье,
Ты молодъ, ты уменъ, имѣешь состоянье,
Такъ можешь выбирать любую изъ невѣстъ.

АРМИДИНЪ.

А холостая жизнь ей Богу надоѣстъ!
И согласитеся — пора остепениться.

ЗБОРСКІЙ.

Ужъ разумѣется—что-жъ лучше, какъ жениться!
Да ты — въ которую изъ дочерей моихъ
Влюбленъ?

АРМИДИНЪ.

Въ которую?—Въ которую изъ нихъ?
Я признаюсь — одна — гораздо мнѣ милѣе.

ЗБОРСКІЙ.

Да ну, которая жъ? — Досказывай скорѣе.

АРМИДИНЪ.

Я нерѣшительнымъ кажуся въ мелочахъ, —
За то похвастаюсь, что въ эдакихъ вещахъ —
Ихъ пообдумавши минуты не теряю;
И та, которую я страстно обожаю,
Есть именно....

—

XII.

ТѢЖЕ, НАТАША.

НАТАША, *(подбѣгая къ отцу.)*

Вы здѣсь?

ЗБОРСКІЙ, *(тихо Армидину.)*

Которая жъ?

АРМИДИНЪ.

Тотчасъ.

НАТАША, (*Армидину.*)

Вотъ встрѣча!

АРМИДИНЪ.

Боже мой! Представьте, что я васъ
Никакъ бы не узналъ; вы такъ похорошѣли.

НАТАША.

Ужасно!

АРМИДИНЪ.

Не шутя.

ЗБОРСКІЙ.

Ужъ эти мнѣ мамзели!
Въ минуту явятся — займися только съ кѣмъ.

НАТАША.

Пожалуй я уйду.

АРМИДИНЪ.

Помилуйте. Зачѣмъ?
(*Тихо Зборскому.*)
Вы губите меня.

ЗБОРСКІЙ, (*тихо Армидину.*)

Она, или другая?

АРМИДИНЪ.

Вы этимъ шутите... но, здраво разсуждая,
По обстоятельствамъ — мнѣ нужно подождать.

НАТАША, (*всторону.*)

Они все шепчутся.

ЗБОРСКІЙ.

Объ чемъ тутъ разсуждать?
Въ которую влюбленъ, такъ стоитъ откровенно
Сказать....

АРМИДИНЪ.

Я черезъ часъ скажу вамъ непремѣнно.

ЗБОРСКІЙ.

Тьфу, чортъ возьми! Да ты... однако-жъ, такъ и быть,
Я, между тѣмъ, пойду кой-чѣмъ распорядить.—
И милости прошу съ рѣшительнымъ отвѣтомъ.

АРМИДИНЪ.

Вы черезъ полчаса узнаете объ этомъ.

ЗБОРСКІЙ, (*Наташѣ.*)

У насъ есть новости, сказалъ бы я... да нѣтъ,
Разсердится. — Прощай! (*уходитъ.*)

—

XIII.

АРМИДИНЪ, НАТАША.

НАТАША.

Что-жъ это за секретъ?

АРМИДИНЪ.

Ну такъ! Не утерпѣлъ; ей Богу, это стыдно!
А намъ совѣтуетъ....

НАТАША.

Вы сердитесь; такъ видно
Вы не хотите мнѣ объ этомъ разсказать?

АРМИДИНЪ.

Я ничего отъ васъ не думаю скрывать,
Да что разсказывать?

НАТАША.

Объ чемъ же вы шептались?
Я видѣла....

АРМИДИНЪ.

Да такъ....

НАТАША.

Шутили?

АРМИДИНЪ.

Посмѣялись.

НАТАША.

Я это видѣла — и тотчасъ поняла,
Что вы шепталися не даромъ. —

АРМИДИНЪ, (*всторону*).

Какъ мила!
Не трудно счастливымъ съ такою быть женою.

НАТАША.

Что вамъ за выгода секретничать со мною?

АРМИДИНЪ.

Я все вамъ разскажу.—Вашъ батюшка и я...
Мы думали... но вы за это на меня
Разсердитесь.

НАТАША.

За что-жъ? — Да вы сперва скажите.

АРМИДИНЪ.

Вы позволяете?—Теперь ужъ какъ хотите,
А я скажу...

НАТАША.

Да кто жъ мѣшаетъ, Боже мой!

АРМИДИНЪ.

Представьте... я взялся секретно, подъ рукой
Сыскать вамъ жениха.

НАТАША.

Вотъ это очень мило!

(всторону.)
Ужъ не рѣшились ли?

АРМИДИНЪ.

Васъ это удивило!
А вѣдь не дурно бы?—

НАТАША.

Я эдакихъ услугъ
Совсѣмъ не требую.—Что за идея вдругъ
Пуститься въ сватовство?

АРМИДИНЪ.

Да именно..... отъ страха,
Чтобъ между тѣмъ другой...

НАТАША.

Вотъ вздоръ, что вы за сваха?
Стыдитесь!

АРМИДИНЪ.

Я хотѣлъ вамъ этимъ услужить,
Не вы—такъ, можетъ быть, сестрица.

НАТАША.

Можетъ быть,
Попробуйте.

АРМИДИНЪ.

Да что-жъ, конечно...

НАТАША.

И прекрасно.

АРМИДИНЪ.

Признайтесь, что собой вы заняты ужасно.

НАТАША.

Я занята собой?—Неправда!

АРМИДИНЪ.

Какъ никто!

НАТАША, (*въсторону.*)

Я отплачу ему. (*въ-слухъ.*) Скажите лучше то,
Что я разборчива.

АРМИДИНЪ.

Но въ этомъ нѣтъ дурнова.

НАТАША.

А главный мой порокъ, я всякому готова
Охотно разсказать—и признаюсь, что я
Страхъ нерѣшительна.

АРМИДИНЪ.

Не ужъ ли не шутя?
Какъ страшно!

НАТАША.

И сама я этому не рада.

АРМИДИНЪ.

Не хорошо—и вамъ исправиться бы надо.

НАТАША.

За то отъ батюшки какъ часто я терплю!

АРМИДИНЪ.

И очень хорошо, за это я хвалю.
Дурное надобно искоренять сначала.

НАТАША.

Я очень бы сама исправиться желала,
Но въ затруднительныхъ вещахъ страхъ мудрено
Рѣшиться...

АРМИДИНЪ.

Стало, вы согласны, что оно
Ужасно тяжело!

НАТАША.

А всѣ мнѣ попрекаютъ!

АРМИДИНЪ.

Да, многіе слегка объ этомъ разсуждаютъ.

НАТАША.

Вы согласитеся, есть случаи, что вдругъ...

АРМИДИНЪ.

Ихъ тысячи! И какъ намъ выбирать изъ двухъ
Хорошенькихъ... вещей—одну безъ затрудненья.

НАТАША.

Что-жъ? Бросить жеребій—другова нѣтъ спасенья.

АРМИДИНЪ.

Какъ жеребій?—

НАТАША.

При всѣхъ я эдакъ ворожу.

АРМИДИНЪ.

Да какъ же?

НАТАША.

Узелкомъ,—вотъ я вамъ покажу.
Взять два конца... простой... а въ узелкѣ желанье.
Задумать, выдернуть,—и кончено гаданье.

АРМИДИНЪ, *(завязываетъ на платкѣ узелокъ.)*

Вотъ такъ?

—

XIV.

ТѢЖЕ, РОМАНЪ.

РОМАНЪ.

Полковникъ васъ нетерпѣливо ждетъ.

АРМИДИНЪ.

Ужъ я предчувствовалъ, что онъ за мной пришлетъ.

РОМАНЪ.

Онъ тотчасъ требуетъ.

АРМИДИНЪ.

Ужъ это слишкомъ строго.

Скажи, что я приду.

НАТАША.

Подите-жъ, ради Бога!

Вѣдь онъ разсердится!

АРМИДИНЪ.

Нельзя же мнѣ бѣжать.

Скажи, что я иду. *(Романъ уходитъ.)* Еще бы загадать,

Мнѣ страхъ понравилось.

НАТАША.

Тетерь вы научились.

Сестрица!

—

XV.

ТѢЖЕ, ЛЮДМИЛА.

ЛЮДМИЛА.

Боже мой! Какъ вы развеселились!

НАТАША.

Ужасно!

АРМИДИНЪ, *(завязывая узелокъ.)*

А у насъ идетъ здѣсь ворожба.

ЛЮДМИЛА.

Вамъ очень весело!

АРМИДИНЪ, *(выдергивая конецъ платка.)*

Представьте жъ! — Вотъ судьба!

ЛЮДМИЛА.

А что?

АРМИДИНЪ

Да ничего... а право это чудо!

—

XVI.

ТѢЖЕ, М. ВЕРТЕРЪ.

М. ВЕРТЕРЪ.

Скорѣй, сударь, скорѣй, не то вамъ будетъ худо.
Полковникъ сердится и тотчасъ васъ зоветъ.

АРМИДИНЪ, *(всторону.)*

Мнѣ этотъ человѣкъ покою не даетъ.
(въ-слухъ.)
Сей-часъ!

ЛЮДМИЛА.

Подите же, что тутъ за разговоры!

НАТАША.

Вотъ нерѣшительность! Ну, что у васъ за сборы?
Вѣдь эдакъ батюшка разсердится на насъ.

ЛЮДМИЛА, *(М. Вертеръ.)*

Скажите, что идетъ. *(Мадамъ Вертеръ уходитъ.)*

АРМИДИНЪ.

Ахъ, Боже мой! Сей-часъ!

ЛЮДМИЛА.

Что съ вами сдѣлалось?

НАТАША.

Большое затрудненье!

АРМИДИНЪ.

Ахъ, вы незнаете, въ какомъ я положеньи!
(всторону.)
Вѣдь надо жъ прискакать обѣимъ изъ Москвы!

XVII.

ТѢЖЕ, РОМАНЪ, *(вбѣгая.)*

По вашей милости мнѣ быть безъ головы.
Полковникъ...

АРМИДИНЪ.

Я пропалъ!

НАТАША.

Что-жъ этаго смѣш-
нѣе!

АРМИДИНЪ.

Въ минуту!—Надобно рѣшиться поскорѣе.
(уходитъ съ Романомъ.)

XVIII.

ЛЮДМИЛА, НАТАША.

ЛЮДМИЛА.

Что за отчаянье? Я не могу понять.

НАТАША.

А я такъ поняла.

ЛЮДМИЛА.

Вамъ какъ не отгадать;
Вы здѣсь. я думаю, не даромъ ворожили.

НАТАША.

Вы столько сердитесь, что васъ не пригласили?
Но такъ дурачиться уняться бы пора

И я, ужъ такъ и быть, какъ добрая сестра,
Армидина тебѣ охотно уступаю,
Хоть онъ... да нѣтъ, тебя я этимъ испугаю.

ЛЮДМИЛА.

Да что, скажи?..

НАТАША.

Представь себѣ, что онъ
Чуть не признался мнѣ...

ЛЮДМИЛА.

Признался, что влю-
ленъ?

НАТАША.

Хоть онъ не досказалъ, а не шутя похоже.

ЛЮДМИЛА.

Такъ онъ обѣимъ намъ твердитъ одно и тоже?
Прекрасно! Онъ двоихъ обворожаетъ вдругъ!

НАТАША.

Да ужъ не разомъ ли онъ женится на двухъ?

ЛЮДМИЛА.

Ты можешь хохотать,—но это преобидно.

НАТАША.

Сердиться! И за что? Ну какъ тебѣ не стыдно?
Все отъ того....

ЛЮДМИЛА.

Что въ немъ нѣтъ сердца, ни
души.

НАТАША.

Мы, можетъ быть, съ тобой такъ обѣ хороши,
Что онъ не въ выборѣ изволитъ затрудняться,
А просто, ни съ одной не хочется разстаться.

ЛЮДМИЛА.

Я не простила бы ужъ эдакой винѣ,
И если бъ вздумалъ онъ посвататься на мнѣ,
Такъ я божусь тебѣ...

НАТАША.

Къ чему, мой другъ, божиться?

ЛЮДМИЛА.

Что я...

НАТАША.

Что ты тотчасъ изволишь согласиться.

ЛЮДМИЛА.

Такъ ты увидишь же.

НАТАША.

Изволь, я подожду.

—

XIX.

ТѢЖЕ, ЗБОРСКІЙ.

ЗБОРСКІЙ.

Тьфу, чортъ возьми! Я съ нимъ связался на бѣду!
Гдѣ-жъ онъ?

НАТАША.

Да кто, сударь?

ЗБОРСКІЙ.

Какъ кто? Вашъ обожатель.

ЛЮДМИЛА.

Какой, сударь?

ЗБОРСКІЙ.

Ну! Нашъ рѣшительный пріятель,
Армидинъ.

ЛЮДМИЛА.

Да онъ къ вамъ отсюда побѣжалъ.

ЗБОРСКІЙ.

Ко мнѣ? Не можетъ быть! Куда же онъ пропалъ?
Я съ нимъ раздѣлаюсь! Но здѣсь объ чемъ онъ съ вами
Успѣлъ потолковать?

НАТАША.

Мы важными дѣлами
Не занимаемся.

ЗБОРСКІЙ.

Все такъ, однако-жъ онъ,
Какъ увѣрялъ меня, въ одну изъ васъ влюбленъ.

ЛЮДМИЛА.

Влюбленъ? Ахъ, Боже мой!

ЗБОРСКІЙ.

Что тутъ за удивленье?
Вамъ нужны женихи, онъ сдѣлалъ предложенье;
Все это хорошо, — да вещь-то такова,
Что надобно сойтись съ невѣстою сперва.
Онъ стало ничего не говорилъ такова?
Что-жъ вы задумались?

НАТАША.

Со мной, сударь, ни слова.

ЗБОРСКІЙ.

Молчать, когда бы могъ въ минуту кончить все!
Такъ вѣрно онъ тебѣ?...

ЛЮДМИЛА.

Да такъ, ни то, ни се.

ЗБОРСКІЙ.

Такъ эдакъ? — Хорошо-жъ!

НАТАША.

Мы ничего не знаемъ.

—

XIX.

ТѢЖЕ, РОМАНЪ, М. ВЕРТЕРЪ.

РОМАНЪ.

Спасите насъ, сударь, мы оба погибаемъ!
Мой баринъ приказалъ готовить лошадей
И все укладывать, чтобъ ѣхать поскорѣй.

ЗБОРСКІЙ.

Чтобъ ѣхать? Пустяки! — Да гдѣ жъ онъ пропадаетъ?
И гдѣ найти его?

М. ВЕРТЕРЪ.

Онъ по двору гуляетъ.

ЗБОРСКІЙ.

Да что-жъ его ко мнѣ никто не позоветъ,
Бѣгите поскорѣй.

РОМАНЪ.

Я звалъ, да онъ нейдетъ.

ЗБОРСКІЙ.

Нейдетъ? Такъ безъ меня оно не обойдется.
(*Роману.*)
Пойдемъ!

ЛЮДМИЛА.

Ахъ батюшка!

ЗБОРСКІЙ.

Ужъ онъ не увернется,
(*уходятъ.*)

—

XX.

ЛЮДМИЛА, НАТАША, М. ВЕРТЕРЪ.

НАТАША.

Какъ любопытно бы послушать было ихъ.

М. ВЕРТЕРЪ, (*Наташѣ.*)

А мы къ вамъ съ просьбою—и я и мой женихъ.
Отчаянный Романъ несчастно погибаетъ!
Невѣста ждетъ его, а баринъ уѣзжаетъ!
И кто жъ, когда не вы заступится за насъ?

НАТАША.

Я съ радостью бъ взялась похлопотать за васъ.
Чтобъ быть протекторшей взаимной вашей стра-
сти,
Но имъ командовать я не имѣю власти;
Сестрица, кажется, скорѣй его уйметъ.

М. ВЕРТЕРЪ, (*Людмилѣ.*)

Что онъ васъ выберетъ, я знала напередъ.

ЛЮДМИЛА.

Ошиблись—и мое васъ не спасетъ участье.

М. ВЕРТЕРЪ.

Такъ онъ не женится? Вотъ новое несчастье!
Раздумалъ! Боже мой! Что сдѣлалося съ нимъ?

ЛЮДМИЛА.

Хоть онъ и думаетъ... да мы-то не хотимъ.

М. ВЕРТЕРЪ.

За что-жъ? Помилуйте!

ЛЮДМИЛА.

У насъ свои причины.

М. ВЕРТЕРЪ.

А интереснѣе не знаю я мужчины!
И молодъ, и богатъ, и молодецъ собой!

НАТАША.

Такой рѣшительный.

М. ВЕРТЕРЪ.

Порокъ хоть небольшой;
Но въ мужѣ этого не должно опасаться;
Вы будете рѣшать, онъ станетъ соглашаться,
Трудъ этотъ для жены конечно не великъ.

ЛЮДМИЛА.

Мы постараемся.

ЗБОРСКІЙ, *(за кулисами.)*

Ловите!

НАТАША.

Что за крикъ?

XXII.

ТѢЖЕ, АРМИДИНЪ, потомъ **ЗБОРСКІЙ.**

М. ВЕРТЕРЪ, *(удерживая Армидина.)*

Куда? Помилуйте!

АРМИДИНЪ.

Пустите, ради Бога!

ЗБОРСКІЙ, *(входя.)*

А! а! пріятелю отрѣзана дорога;
Попался, говори-жъ—зачѣмъ ты убѣжалъ?

АРМИДИНЪ.

Помилуйте!.. Да я...

ЗБОРСКІЙ.

Ну, что-жъ?

АРМИДИНЪ.

Я разсуждалъ.

ЗБОРСКІЙ.

Да чортъ ли мнѣ въ твоемъ безпутномъ разсужденьи?
Я потерялъ съ тобой послѣднее терпѣнье!
Ужъ видно ты привыкъ такъ дѣйствовать во всемъ,
Что скажешь напередъ, а думаешь потомъ?
Да вздоръ, и отъ меня ничѣмъ не отшутиться;
Какой лукавый духъ подбилъ тебя жениться?
Вѣдь ты хотѣлъ?

АРМИДИНЪ.

Хотѣлъ.

ЗБОРСКІЙ.

Ты выбирай тотчасъ;
Невѣсты на лицо.

ЛЮДМИЛА.

Ахъ, пощадите насъ!
Гдѣ это видано?

НАТАША.

Мы убѣжимъ.

ЗБОРСКІЙ, (*Армидину.*)

Не бойся.

АРМИДИНЪ.

Мнѣ право совѣстно...

ЗБОРСКІЙ.

Ужъ ты не безпокойся,
А прямо отвѣчай на то, что говорятъ.

(*Наташа и Людмила потихоньку уходятъ.*)

А иначе, смотри, самъ будешь виноватъ.
Ужъ потакать тебѣ я больше ненамѣренъ.

(*Примѣтя, что Армидинъ завязываетъ на платкѣ узлы.*)

Что это?

АРМИДИНЪ.

Ничего... привычка...

ЗБОРСКІЙ.

Я увѣренъ,
Что дѣло сладится, хоть я и разсерженъ.
Ну, признавайся же, въ которую влюбленъ?
Нельзя же, чтобъ онѣ до завтра простояли?

АРМИДИНЪ.

Помилуйте! Я радъ... да обѣ убѣжали!
Ужъ я не виноватъ.

ЗБОРСКІЙ.

Эй! Люди!—Кто нибудь...

АРИНДИНЪ.

Прикажете позвать?

ЗБОРСКІЙ, (*схватывая его за руку*.)

Вздоръ, братецъ, не ульнуть,
Ты легокъ на ногу — вотъ эдакъ повернѣе.

—

XXIII.

ТѢЖЕ, М. ВЕРТЕРЪ.

М. ВЕРТЕРЪ.

Что вы прикажете?

ЗБОРСКІЙ.

Эй, матушка! скорѣе
Зови, тащи сюда обѣихъ дочерей.

М. ВЕРТЕРЪ.

Я тотчасъ позову. (*уходитъ*)

ЗБОРСКІЙ.

Послушай же злодѣй,
Я у тебя никакъ не отнимаю волю;
Но никому себя дурачить не позволю.
Жениться, такъ женись — а нѣтъ, такъ чортъ
возьми,

Я слишкомъ дорожу такими дочерьми.
И могутъ ли онѣ нуждаться женихами?

АРМИДИНЪ.

Помилуйте! Да вы мнѣ обѣщали сами.

—

XXIV.

ТѢЖЕ, ЛЮДМИЛА.

ЗБОРСКІЙ.

Вотъ кстати и онѣ, изволь же выбирать.

АРМИДИНЪ, (*выжидая прихода Наташи.*)

Я не замѣшкаюсь.

ЗБОРСКІЙ.

Тутъ нечего зѣвать,
Сказалъ и кончено.

АРМИДИНЪ.

Когда вы приказали,
Такъ я...

ЗБОРСКІЙ.

Не то прощай — и поминай какъ звали!

АРМИДИНЪ.

Я въ выборѣ моемъ совсѣмъ не затрудненъ.
И если, наконецъ, признаться принужденъ
Такъ я... боготворю... прелестную...

ЗБОРСКІЙ.

Людмилу,

Не такъ ли?

АРМИДИНЪ.

Точно такъ.

ЗБОРСКІЙ.

Ну, батюшка, на силу
Признался намъ; теперь зависитъ отъ тебя,
Согласна, или нѣтъ?

ЛЮДМИЛА.

Вы знаете, какъ я
Всегда послушна вамъ; но мнѣ подумать надо.

ЗБОРСКІЙ.

А по просту сказать, такъ ты отмѣнно рада.

ЛЮДМИЛА.

Мнѣ кажется, сударь, что лучше подождать,
Чтобъ не раздумали...

АРМИДИНЪ.

Какъ эдакъ обижать!
За что-жъ?—Помилуйте! Я право удивляюсь.

ЛЮДМИЛА.

Вы обѣщаетесь?

АРМИДИНЪ.

Я жизнью вамъ ручаюсь.

ЗБОРСКІЙ.

Но церемониться не время эдакъ вамъ,
Я поздравляю васъ—и съ Богомъ—по рукамъ
Живите счастливо!

ЛЮДМИЛА, (*Армидину.*)

И помнить обѣщанье.

АРМИДИНЪ.

Вамъ угождать мое первѣйшее желанье.

ЗБОРСКІЙ.

Ну, дѣло сладивши, въ дорогу намъ пора,
И какъ бы поскорѣй!—Да гдѣ-жъ твоя сестра?

—

XXV.

ТѢЖЕ, НАТАША.

НАТАША, (*вбѣгая.*)

Я здѣсь—и кой чего тихонько поджидала.

ЗБОРСКІЙ.

Ну, не прогнѣвайся Наташа, опоздала! —
Вѣдь мы съ сестрой тебя поддѣли женихомъ.
Поздравь.

НАТАША, (*цѣлуя Людмилу.*)

Какъ рада я... вотъ видишь ли объ
чемъ
Мы спорили... сбылось!

ЛЮДМИЛА,

Лишь только пожелали.

НАТАША, (*Армидину.*)

Я поздравляю васъ.

АРМИДИНЪ.

Вы славно отгадали.

ЗБОРСКІЙ.

Ну, полноте-жъ, прошу пожаловать за мною,
Пріѣхавъ, въ Петербургъ съ невѣстой дорогою

Надѣюсь съ рукъ спустить ужъ кстати и другую.

АРМИДИНЪ, *(всторону.)*

Напрасно, кажется, не выбралъ я меньшую.

ПИСЬМА ИЗЪ-ЗА ГРАНИЦЫ.

ПИСЬМО I.

Взять курсъ на заграничныхъ водахъ, налюбоваться живописною Швейцаріею и отогрѣться подъ небомъ Италіи, — вотъ что было цѣлью моей поѣздки.

Человѣку одинокому, безъ службы, безъ всякихъ спекуляцій на откупа, подряды, коммиссіи, акціи, золотоносные пріиски и проч. и проч. скажите... что оставалось дѣлать мнѣ въ Петербургѣ? писать стихи и комедіи въ нынѣшнемъ вкусѣ какъ-то совѣстно; разъѣзжать по гостямъ и собраніямъ, чтобъ начинать и оканчивать всеобщимъ преферансомъ — надоѣло смертельно; восхищаться по-

лярной природою, не смотря на весь патріотизмъ... истинно и сыро, и холодно. Оставалось большею частію сидѣть дома и читать... Но могъ ли я поправить этимъ и глаза, и здоровье, разстроенные спертымъ воздухомъ и мѣлкою печатью? Надобно было искать чего нибудь крупнѣе.

При такомъ взглядѣ на вещи, путешествіе лучшее лекарство, лучшее развлеченіе, можно сказать, даже лучшая книга: буквы ея крупны, содержаніе живо, слогъ увлекателенъ...

Я несогласенъ съ Лабрюеромъ, что будто путешествіе портитъ людей. Видя поперемѣнно разные нравы, обычаи и даже религіи, путешественники похожи, говоритъ онъ, на тѣхъ, которые для покупокъ забѣгаютъ въ разные магазины. Множество вещей и предметовъ, имѣющихъ свои относительныя достоинства и недостатки, погружаютъ ихъ въ какое-то раздумьѣ и они возвращаются домой съ пустыми руками. Если иностранцы заимствуются нашимъ, то и мы можемъ перенять у нихъ много хорошаго. Ознакомясь съ бытомъ другихъ государствъ, мы скорѣе замѣтимъ тѣ свѣжіе листья, которыхъ недостаетъ въ вѣнкѣ любезнаго нашего отечества.

Не ищите въ моихъ очеркахъ подробнаго описанія всего, что я видѣлъ, слышалъ, думалъ и чувствовалъ. Для одной Италіи съ ея вратами, дворцами, ваннами, трофеями, фонтанами, марморами и статуями, понадобились бы цѣлые фоліанты. Такимъ образомъ, не зарываясь въ исторію государствъ, наукъ и художествъ, въ эти скучныя, однообразныя и вѣчныя выписки чужихъ трудовъ и чужой учености, я стану набрасывать на бумагу только то, что мнѣ вздумается. Я не гонюсь за тѣмъ, чтобъ рукопись моя была толста, гонюсь за тѣмъ, чтобъ она была какъ можно легче.

—

Я отправился изъ Петербурга весною 1843, въ почтовой каретѣ. Садясь въ нее, мнѣ дали печатный маршрутъ, по которому въ двое сутокъ и 17 часовъ я долженъ былъ пріѣхать въ Ковно. Вышло совсѣмъ иначе: мы опоздали цѣлыми сутками, но причиною этому было одно изъ тѣхъ препятствій, объ которыхъ у насъ неразсуждаютъ. Сверхъ того, въ первую ночь нашего путешествія при 5° мороза выпалъ ужасный снѣгъ на

500 верстъ отъ Петербурга, отъ котораго въ иныхъ мѣстахъ, по случаю проѣзда за границу Великой Княгини Елены Павловны, должно было разчищать дорогу.

Шоссе до Ковно прекрасно, но пустынно до скуки. Первый, разпустившійся листокъ я встрѣтилъ въ Ломзѣ; первую муху — въ Варшавѣ; перваго комара — въ Вѣнѣ. По этимъ скачкамъ не подумайте однако-жъ, чтобъ я летѣлъ по-фельдъегерски. Нѣтъ, я проѣхалъ 12 дней, и въ томъ числѣ сутки пробылъ въ Варшавѣ и столько же въ Краковѣ.

Гостинница L'Hôtel d'Angleterre (англійская гостинница) лучшая въ Варшавѣ. Въ ней у ресторатора француза Мери обѣдаютъ по картѣ прекрасно, но очень дорого. Театръ и ратуша лучшія зданія въ Варшавѣ. Такъ называемый Замокъ (дворецъ), гдѣ живетъ фельдмаршалъ, не имѣетъ никакого фасада.

Загородные дворцы *Лазянки* (бывшія Королевскія бани) и смѣжный съ нимъ *Бельведеръ*, оба одноэтажные съ мезонинами. Они отлично содержатся и парки, ихъ соединяющіе, прекрасны.

Противъ дворца въ Лазянкахъ стоитъ памятникъ короля Собіескаго, съ которымъ

кончилась воинская слава Польши. Онъ представленъ въ шлемѣ, на конѣ, попирающемъ шведа. На городскихъ площадяхъ замѣчательны памятники Сигизмунда и Коперника. Первый, какъ царь, изображенъ съ мечемъ въ рукахъ, второй — сидящимъ и разсматривающимъ глобусъ.

Есть также нѣсколько памятниковъ въ честь *Св. Іоанна Непокума*. Надобно знать, что католики Польши, Моравскіе и Богемскіе, чрезвычайно привержены къ этому святому. Онъ былъ архіепископомъ и духовникомъ супруги короля Болеслава. Легенда разсказываетъ, что однажды, послѣ ея исповѣди, король по непростительному любопытству хотѣлъ вывѣдать грѣхи своей супруги. Архіепископъ не согласился и Болеславъ велѣлъ бросить его въ рѣку Молдаву. За такой подвигъ онъ почитается первымъ угодникомъ прекраснаго пола и мощи его покоятся въ Прагѣ, въ соборной церкви, сооруженной при Градчинскомъ дворцѣ. Но самый великолѣпный изъ всѣхъ варшавскихъ памятниковъ, стоитъ на Саксонской площади недалеко отъ городскаго сада. Онъ воздвигнутъ въ честь Полякамъ, павшимъ въ 1830 году *за вѣрность своему Государю*. Онъ имѣетъ видъ усѣченной пирамиды, обнесенной богатою рѣшеткою.

Надъ нимъ двуглавые, золоченные орлы и чугунные львы у подножія.

Самое необходимое сооруженіе въ Варшавѣ есть безъ сомнѣнія Александровская цитадель, строенная нѣсколько ниже города по теченію Вислы. Я въѣхалъ въ нее Константиновскими воротами и свободно осмотрѣлъ кругомъ, не выходя изъ коляски: казармы, разныя принадлежности и самыя укрѣпленія устроены и содержатся прекрасно.

Шоссе до Кракова (300 верстъ) также пустынно и скучно, какъ и до Варшавы. На всемъ этомъ пространствѣ вы проѣзжаете только два города: Кельцъ и Радомъ. За то скука облегчается необыкновенно быстрою ѣздою: я ѣхалъ такъ шибко, какъ нигдѣ и никогда мнѣ не случалось.

Краковъ похожъ на лучшій уголокъ Варшавы, и оба стоятъ на той же Вислѣ. Здѣшній такъ-называемый замокъ гораздо интереснѣе Варшавскаго — по своему прекрасному мѣстоположенію на горѣ, противъ мѣстечка Подгорже, Австрійской таможни. Съ лѣвой стороны Вислы городъ такъ стѣсненъ, что еслибъ русское правительство не предоставило ему земли верстъ на десять по дорогѣ къ Варшавѣ, то жители не имѣли бы даже городскаго выгона.

Я не успѣлъ быть въ здѣшнемъ театрѣ и предпочелъ осмотрѣть городъ; въ древнемъ соборѣ Св. Станислава мнѣ показали мѣсто, гдѣ епископъ былъ убитъ королемъ Болеславомъ. Брызги крови мученика, оставшіеся на стѣнѣ, покрыты круглыми стеклами, а мощи его хранятся въ замкѣ, палладіумѣ польской національности.

Очень жалѣю, что я, спѣша въ Вѣну, не былъ въ Величкѣ, но утѣшаюсь тѣмъ, по крайней мѣрѣ, что буду въ *Галейнѣ* близь Зальцбурга, гдѣ соляныя копи неуступятъ здѣшнимъ.

Отъ мѣстечка Подгорже — австрійской таможни, черезъ Тешенъ, главный Моравскій городъ, до *Липника*, гдѣ начинается желѣзная дорога: Kaiser Ferdinand-Nord-Bahn всего 32 мили. Это разстояніе взяло у насъ много времени, не потому, чтобъ австрійскія шоссе были хуже польскихъ, но потому, что тутъ (въ Галиціи) безпрерывно тянутся довольно живописныя, если вы хотите, но для ѣзды чрезвычайно несносныя Карпатскія горы.

Здѣшняя почтовая ѣзда совершенно противуположна русской. У насъ обыкновенно летятъ въ гору и спускаются шагомъ; у австрійцевъ тянутся на верхъ и, подтормозивъ колеса, летятъ къ низу. Такимъ образомъ,

по крайней мѣрѣ, все-таки подвигаешься впередъ понемножку. Здѣсь на каждомъ спускѣ поставленъ столбъ съ намалеваннымъ на немъ *тормазомъ* въ знакъ того, что тутъ слѣдуетъ тормазить экипажи, и почтальоны чрезвычайно акуратно исполняютъ это эмблематическое повелѣніе.

Наконецъ вотъ Липникъ! вотъ начало желѣзной дороги и какой? — на 200 верстъ, по славнымъ равнинамъ! вотъ станція! первая, вторая, третья, четвертая,- вотъ славное Ваграмское поле, вотъ жандармы... я близко столицы. Такъ и есть, какое счастье! Опять жандармы! застава, таможня — и мы пріѣхали!

—

ПИСЬМО II.

Вѣна $\frac{10}{22}$ Мая.

Въ веселую столицу хвораго императора я перенесся и очень скоро и очень кстати. Скоро потому, что 1800 верстъ проѣхалъ въ 10 дней; а кстати потому, что Фердинандъ I, вся его аристократія и вообще люди богатые, не прежде 1-го Іюня оставляютъ Вѣну, а теперь, пользуясь хорошей погодой и щеголяя прекрасными экипажами (*) они ежедневно разгуливаютъ по цвѣтущему Пратеру. Сверхъ

(*) Нигдѣ не встрѣчалъ я такого множества щегольскихъ и разнообразныхъ экипажей, какъ въ Вѣнѣ. На здѣшнемъ придворномъ экипажномъ дворѣ, между прочимъ, красуется, какъ жаръ птица, огромная карета, въ которой ѣздила короноваться Императрица Марія Тереза, и богато-вызолоченные сани, въ видѣ фазтона, въ которыхъ прогуливался по Вѣнѣ императоръ Александръ Павловичъ.

того я засталъ здѣсь итальянскую оперу, которая также въ іюнѣ мѣсяцѣ оставляетъ столицу.

При первомъ взглядѣ на Вѣну меня чрезвычайно озадачило то, что я незамѣтилъ ни одной полицейской будки, ни одного квартальнаго надзирателя. Сначала я какъбудто потерялся, но скоро, какъ дитя безъ няньки, какъ школьникъ безъ учителя, самъ незнаю чему обрадовался. Здѣшніе полицейскіе служители въ солдатскихъ мундирахъ обыкновенно стоятъ у мостовъ, на перекресткахъ и у разъѣздовъ, имѣя въ рукахъ трости, извѣстную эмблему старшинства и власти. Есть и жандармы, и даже очень много, и даже на коняхъ, и даже съ обнаженными саблями для эфекта.

Собственно городъ Вѣна, и соборъ Св. Стефана, и дворецъ, сжаты до крайности. Она окружена валомъ съ терассою и гласисомъ обдѣланными въ видѣ парка. Вѣнскіе форштаты, числомъ 34, въ шесть разъ больше города и разумѣется, что все это, вмѣстѣ взятое, составляетъ уже значительную массу строеній. Климатъ здѣсь не завидный, потому что Вѣна ничѣмъ не защищена отъ сѣверныхъ вѣтровъ, и еслибъ лѣтомъ ежедневно не поливали улицъ, что

притаптываетъ пыль и прохлаждаетъ воздухъ, то безъ этого, кажется, не возможно бъ было жить въ городѣ.

Соборъ Св. Стефана съ своей колокольнею въ 700 ступеней есть олицетворенная готика: высокъ, огроменъ, чоренъ и весь унизанъ лѣпными украшеніями. Меня удивило то, что онъ, кромѣ всегда открытыхъ двухъ боковыхъ дверей, со всѣхъ сторонъ окруженъ шалашами бѣдныхъ лавочниковъ. Хоть это и не относится къ его архитектурѣ, но на одной и той же улицѣ видѣть: съ одной стороны прекрасные магазины, а съ другой деревянные навѣсы съ самыми простыми издѣліями, показываетъ, мнѣ кажется, вниманіе правительства къ бѣдному классу народа, которому оно даетъ уголъ на всякомъ мѣстѣ.

Императорскій дворецъ (называемый Бургъ) есть квадратное зданіе съ разнокалиберными пристройками, безъ всякаго фасада и съ отвратительною черепичною крышею. Главное наружное достоинство его заключается въ томъ, что онъ стоитъ не въ видѣ неприступной крѣпости, а пересѣкаетъ самую проѣзжую улицу. Многіе, видя придворные экипажи, останавливаются, смотрятъ, прохаживаются, выжидаютъ, и это, по моему, какъ

будто сближаетъ народъ съ своимъ государемъ.

Здѣшняя *Импер. Библіотека*, въ которой считается 300 т. книгъ, помѣщена въ одномъ изъ лучшихъ зданій; она занимаетъ всего одну залу, но залу огромную, во весь этажъ, залу величественную съ колонадою и куполомъ, подъ которымъ посрединѣ стоитъ марморная статуя Импер. Карла VI, основателя библіотеки. На это дорогое и прекрасное книгохранилище я бросилъ только одинъ взглядъ и больше любопытствовалъ видѣть древнія рукописи. Между ними мнѣ показали одну писанную до Р. Х. и также собственноручную поэму Тасса, нигдѣ не напечатанную.

Картинная Галлерея помѣщается въ Бельведерскомъ дворцѣ и раздѣлена на три школы: Нидерландскую, Нѣмецкую и Итальянскую. Въ Нидерландской отличаются Ремброндъ, Рубенсъ, въ Нѣмецкой, Фареръ, Лампе, Шенбергъ и Крафтъ, а въ Итальянской есть картины всѣхъ знаменитостей. Мнѣ особенно понравились *Благовѣщеніе* Менгса; *Боевой циркъ гладіаторовъ* въ перспективномъ видѣ Юлія Римлянина; *Смерть Клеопатры* Гвидо-Рени, и наконецъ, *Купидонъ* не Менгса, не Дрезденской, но купидонъ

Пармиджіанино, на котораго я не могъ налюбоваться. Онъ поставленъ въ полуоборотъ къ свѣту и въ сердцахъ, упираясь одною ногою въ камень, ломаетъ объ колѣно стрѣлу, а внизу изъ-подъ его ногъ выглядываютъ двѣ головки прелестныхъ купидошекъ. Одинъ изъ нихъ язвительно смѣется, а другой зѣваетъ. По моему, и мысль и исполненіе картины прекрасны.

Лучшее изваяніе Кановы, а именно, колосальный его Тезей, побивающій Центавра, поставлено въ Аусгартенскомъ саду, въ особо устроенномъ для него павильонѣ.

Въ Вѣнѣ пять театровъ. Изъ національныхъ всѣхъ лучше Hof-Burg-Theater. Нѣмецкая опера славится пѣвицами *Гассельдъ*, *Люцеръ* и въ особенности Г-жею Гольдбергъ, ангажированною нынче на первый Неаполитанскій театръ. Разумѣется, что итальянская опера, какъ и вездѣ, лучше національной. Я видѣлъ, между прочимъ, первое представленіе оперы *La Regina de Golgonda* соч. Донизетти, здѣшняго придворнаго капельмейстера. Чудесные голоса и вѣрность музыкальнаго исполненія вполнѣ меня восхитили. И могло ли быть иначе тамъ, гдѣ оркестромъ дирижировалъ самъ Донизетти, а пѣли Полина Гарсія, Тадолини и Гг. Фарези, Ровере и Се-

вари? Одно, будь сказано не во гнѣвъ плодовитому Г-ну Донизетти (написавшему 60 оперъ) не совсѣмъ, можетъ быть, похвально, что онъ рѣшительно не терпитъ ничего чужаго и потому въ Вѣнѣ только и слышимъ одну его музыку.

Здѣсь тьма щеголихъ и красавицъ, онѣ щегольски одѣваются, и какъ не щеголять, когда соблазнительный Кольмаркъ (нашъ Невскій проспектъ) Гохмарктъ, Грабенъ и прочія улицы всѣ увѣшаны чудесными нарядами. И все это такъ ловко, такъ казисто, такъ свѣжо, что я хоть и не дама, благодаря Бога, но право всякое утро отправлялся любоваться товарами и покупщиками.

Нечего сказать... въ Вѣнѣ любятъ и пощеголять и повеселиться. Но гдѣжъ этого не любятъ? Конечно, разница въ томъ, вотъ видите, что у насъ загородныя прогулки по неустройству ямскихъ экипажей слишкомъ дороги, а здѣсь, по милости дальныхъ омнибусовъ и общаго ихъ употребленія, никто на счетъ удовольствія не отдѣляется отъ другаго. Дамскіе наряды дешевы; цѣны въ театрахъ самыя умѣренныя. За кресла въ нѣмецкихъ театрахъ вы платите отъ $1^1/_2$ до 3 руб.; въ итальянской оперы 5 руб. Управленіе желѣзной дороги въ

Баденъ и въ окрестности Вѣны назначило за проѣзды цѣны самыя умѣренныя; въ омнибусахъ, онѣ отъ 6 до 12 крейцеровъ, и ясно, что обозначенныя удовольствія и прогулки доступны здѣсь всѣмъ и каждому. Все это я могу подтвердить даже собственнымъ примѣромъ. На другой день пріѣзда моего въ Вѣну, мнѣ чрезвычайно хотѣлось послушать оркестръ Страуса. Какъ бы это сдѣлать. «Ничего нѣтъ легче» отвѣчалъ мнѣ швейцаръ въ гостинницѣ *Goldene Lamm*, гдѣ я остановился. «Сегодня г. Страусъ играетъ въ Гицингенѣ подлѣ Шенбруна въ главномъ воксалѣ Домейера.» Я узналъ, что было нужно, и отправился къ церквѣ Св. Стефана, гдѣ стоятъ Шенбрунскіе омнибусы. Вижу одинъ съ надписью: *Nach Gitzing 6 Kreuzer* (*); сажусь въ него не говоря ни слова; въ пять минутъ омнибусъ наполняется, меня везутъ за пять верстъ отъ Вѣны. Проѣзжаю загородный дворецъ Шенбрунъ, любуясь его садовымъ павильономъ *La gloriette*, до котораго 100 ступеней и откуда вы видите едва ли не лучшую панораму Вѣны. Пріѣзжаю въ Гицингенъ; беру за 20 крейцеровъ билетъ

(*) Крейцеръ нѣсколько менѣе серебряной копѣйки. Гульденъ имѣетъ 60 крейцеровъ.

для входа въ воксалъ; битыхъ два часа слушаю Страуса, гуляю въ Шенбрунскомъ саду, любуясь его густыми, роскошными, цвѣтущими каштановыми аллеями, выкуриваю двѣ сигарки, пью чай по русскому обычаю и возвращаюсь въ городъ, въ такомъ же омнибусѣ, издержавъ на все 50 крейц., то есть, всего около полтинника!

Надобно быть въ той же Вѣнѣ, чтобъ понять всю силу удовольствія пожуировать *im Grünen.* Эта нѣмецкая кантовка открывается тѣмъ, что на роскошныхъ лугахъ по сторонамъ Пратера, вы видите нѣсколько небольшихъ домиковъ. Передъ каждымъ разставлено сотни полторы столиковъ, покрытыхъ салфетками; на каждомъ пиво въ кружкахъ и въ бутылкахъ, и за каждымъ толпа посѣтителей съ трубками и сигарками. Истребленіе здѣсь курительнаго табаку должно быть необъятно... Проходящіе, ѣдущіе, разнощики, кучера, многіе даже караульные солдаты и въ городѣ и за городомъ курятъ безъ всякаго милосердія. На этихъ гульньяхъ, т. е. *im Grünen*, вы видите нѣсколько подмостковъ, на которыхъ бродящіе актеры въ разнокалиберныхъ костюмахъ представляютъ разные фарсы. Музыканты, пѣвцы и пѣвицы неумолкаютъ. Разнощики съ мѣшками хлѣба,

сыра, колбасъ и ветчины, наперерывъ другъ передъ другомъ, предлагаютъ посѣтителямъ свой холодный ужинъ и по карману каждаго, чрезвычайно проворно, отрѣзываютъ чего кому угодно, пожалуй хоть на крейцеръ. Это наслажденіе ремесленнаго народа любопытствуютъ видѣть многіе и потому тутъ встрѣчаешь и не однихъ пѣшеходовъ.

La haute volé нагулявшись и накатавшись по Пратеру, обыкновенно въ первыхъ числахъ іюня отправляется на лѣто въ Баденъ (въ 4 миляхъ), который считается столицею Вѣнской гігіены (*).

Вообще всѣ эти прогулки по прекраснымъ окрестностямъ, всѣ эти *Land-Partie* и *die Gelibten Blumen-Hallen* съ музыкой Страуса, чрезвычайно интересны.

Въ заключеніе этого письма скажу, что Вѣна освѣщена дурно, но вымощена чудесно, такъ, что каждая улица представляетъ видъ сплошнаго тротуара. На эту мостовую употребляютъ здѣсь гранитные квадраты въ 1/4 аршина, со всѣхъ шести сторонъ обтесанные.

(*) Баденскіе минеральные источники: Ursprung и Frauenbad, считаются чрезвычайно цѣлебными. Въ саду Teresiengarten обыкновенно собирается вся здѣшняя публика.

Каждый такой камень стоитъ около *цванцигера* (20 крейцеровъ) каждая сажень около ста рублей и вотъ почему говорятъ, что Вѣна *вымощена цванцигерами*. Надобно знать однакожъ, что эта мостовая, посредствомъ переворачиванья камней, служитъ до 30 лѣтъ и слѣдовательно, каждая сажень стоитъ до 4 руб. ежегодно, чего я однакожъ не думаю.

Но если и эти цѣны сравнить съ тѣми, которыя мы платимъ за наши штучные полы (40 руб.) и *торцовыя мостовыя* (120 руб.) изъ которыхъ первыя служатъ слишкомъ 20 лѣтъ, а послѣдняя всего 3 года, то выйдетъ, что наши торцовыя мостовыя вдвое дороже вѣнскихъ и въ четверо дороже паркета.

Вотъ что значитъ богатство обывателей! И если Вѣна, какъ говорятъ, вымощена цванцигерами, то ужъ конечно Петербургъ по улицамъ, гдѣ проходитъ *деревянная мостовая* — устланъ цѣлковыми.

ПИСЬМО III.

Пресбургъ $\frac{18}{30}$ Мая.

Узнавъ, что въ Пресбургѣ собрался Венгерскій народный Сеймъ и желая прокатиться 70 верстъ по теченію Дуная, я съ 5 часовъ утра сѣлъ на пароходъ и въ 8 былъ въ Пресбургѣ. На этомъ разстояніи берега Дуная и плоски и не живописны; но за то *Шлосъ-Бергъ*, прежняя Пресбургская крѣпость, на превысокой горѣ коронуетъ разостланный на покатости ея городъ и издали привѣтствуетъ и манитъ къ себѣ путешественника.

Лишь только на пароходѣ я разговорился по русски съ служителемъ молдавскаго князя Стурзы, который съ какимъ-то вагономъ отправилъ его въ Яссы, какъ вдругъ поднялась пальба изъ двухъ фальконетовъ нашего парахода; поводомъ къ этой неожидан-

ной для меня потѣхѣ была встрѣча наша съ Венгерскимъ палатиномъ Іосифомъ, который на придворномъ пароходѣ — *Вѣнъ* плылъ въ столицу для поздравленія императора со днемъ его тезоименитства.

Поравнявшись съ нами, высокій путешественникъ удостоилъ насъ военной чести и отпотчивалъ такимъ выстрѣломъ, отъ котораго взбѣсились и чуть не перебили насъ четыре лихихъ коня, бывшихъ на пароходѣ.

За такое милостивое вниманіе, капитанъ и матросы парохода гаркнули vivat! Этотъ возгласъ слился съ криками перепуганныхъ и составилъ совершенно русское ура, которое чрезвычайно кажется понравилось его высочеству, потому что, стоя на палубѣ, онъ чрезвычайно милостиво изволилъ поклониться пасcажирамъ.

По случаю Сейма, Пресбургъ былъ набитъ народомъ, и по случаю торжества разукрашенъ, особливо на мосту и по Дунаю Австрійскими и Венгерскими флагами. Я остановился въ гостинницѣ *Goldene Sonne* и тотчасъ отправился на здѣшній *Promenade Platz*. Нѣсколько полковъ стояли на площади передъ соборомъ; духовенство пропѣло *Te Deum* и потомъ начался парадъ, окончившійся

пальбою въ честь высокаго имянинника. Послѣ этого зрители разбрелись повсюду, а я, взявъ проводника, началъ, въ потѣ лица, взбираться на гору къ Шлоссъ-Бергу. Онъ почти совершенно развалился, кромѣ нѣсколькихъ стѣнъ, башень и казармъ, гдѣ квартируетъ артиллерійская рота съ 8 орудіями. Долго я съ этой высоты любовался чудесной панорамою Пресбурга, Дуная и его окресностей, а спустившись въ городъ, нашелъ свою гостиницу набитую венгерцами. Обѣдъ былъ самый скучный: говорили, спорили, ораторствовали, но къ-сожаленію неиначе, какъ по венгерски. Не смотря на всѣ старанія австрійскаго правительства, съумѣвшаго цѣлую Богемію заставить говорить по нѣмецки, этотъ языкъ нераспространяется между венгерцами, которые никакъ не могутъ предпочесть его отечественному.

Здѣшній Сеймъ обыкновенно назначается черезъ 3 или черезъ 4 года. Онъ состоитъ изъ 52 депутатовъ съ голосомъ и такого же числа депутатовъ безгласныхъ, избираемыхъ въ видѣ ассистентовъ для наблюденія только за дѣйствіями первыхъ. Вообще венгерцы горды и заносчивы. Они страстные наѣздники, здѣшніе магнаты нерѣдко сами правятъ цѣлою четвернею и потому здѣсь видишь

очень часто, что кучеръ и лакей сидятъ въ коляскѣ, а господа на козлахъ.

Высшій и среднiй классы народа не съумѣли сохранить своего національнаго костюма; всѣ они ходятъ въ общемъ европейскомъ мундирѣ, то есть, во фракахъ и сюртукахъ, но съ лихими однако-жъ бородами, на перекоръ обритымъ австрійцамъ. Простой народъ, напротивъ, носитъ прежнія куртки съ разными вычурами и шнурками. Впрочемъ, здѣсь всякой гусаритъ по своему: Палатинъ, магнаты и даже самъ венгерскій архіепископъ всѣ ѣздятъ съ гусарами на запяткахъ.

Нѣкоторые изъ застольныхъ моихъ собесѣдниковъ, узнавъ, что я русскій, вступили въ разговоръ со мною. «Какъ вы думаете,» спросилъ меня одинъ изъ нихъ: «кому при раздѣлѣ Турціи достанется Молдавія и Валахія?» Признаюсь, я никакъ не ожидалъ такого политическаго вопроса и отвѣчалъ ему: «я плохой дипломатъ, но въ случаѣ предполагаемаго имъ раздѣла, полагаю, что обѣ провинціи достанутся Россіи.» — «А почему жъ бы не Австріи?» подхватилъ другой. — Потому, что Австріи подручнѣе кажется Сербія, а намъ Молдавія и Валахія. — «Но согласитесь однакожъ,» замѣтилъ третій, «что области, по которымъ протекаетъ Дунай, столь необходи-

мой для свободной навигація и Австріи, и Венгріи естественно должны быть ихъ принадлежностью.» Я не хотѣлъ продолжать этого разговора, но ясно понялъ, чего добиваются гг. Венгерцы.

Послѣ обѣда я успѣлъ быть въ *Abchid* — въ концертѣ двухъ молоденкихъ итальянскихъ виртуозокъ дѣвицъ Марія и Терезы *Миланноло*. Онѣ обѣ превосходно играютъ на скрыпкѣ и гг. вѣнскіе журналисты ставятъ ихъ выше самаго Паганини.

Вышедъ изъ концерта я прошелъ еще по городу. Послѣ Песта его можно назвать самымъ красивымъ городомъ въ Венгріи. — Здѣсь обыкновенно коронуются короли и собираются представительныя Собранія. Скоро началъ я собираться въ дорогу. Плыть противъ теченія Дуная было бы очень продолжительно; я нашелъ товарища и отправился съ нимъ въ Вѣну по экстра-почтѣ.

Въ этомъ товарищѣ (вѣнскомъ типографщикѣ) я нашелъ человѣка чрезвычайно свѣдущаго, любезнаго и разговорчиваго. По его словамъ здѣшняя литература шлепнулась совершенно: въ Вѣнѣ пишутъ мало, читаютъ еще менѣе. Вся нынѣшняя столичная словесность ограничивается вздорными театральными новостями и журнальными статейками

и надувными возгласами коренныхъ газетчиковъ, изъ которыхъ г. Сафиръ занимаетъ первое мѣсто. Относительно венгерцевъ, о которыхъ я толковалъ съ нимъ всего болѣе, то онъ находитъ, что австрійское правительство совершенно ихъ избаловало; что они пользуются привиллегіями, которыхъ не имѣютъ природные австрійцы и что этому чрезвычайно содѣйствуютъ родственныя связи венгерской знати съ первыми сановниками имперіи. Графъ Сангоро, напримѣръ, женился на дочери князя Метерниха; Апони на дочери другаго вельможи; третій, четвертый также, и вотъ почему они преуспѣваютъ во всемъ и даже ко вреду самаго правительства. Ихъ самонадѣянность дошла до того, что они явно пренебрегаютъ Австрійцами.

—

ПИСЬМО IV.

Прага.

Едва успѣлъ я воротиться изъ Пресбурга, какъ поневолѣ началъ опять собираться въ дорогу, чтобъ неопоздать явиться въ Маріенбадъ къ 1-му числу іюня.

Признаюсь, мнѣ чрезвычайно было жаль такъ скоро разстаться не только съ Вѣною, но даже съ моею квартирою на лучшей улицѣ *Jaegerzeile*, по которой безпрестанная ѣзда съ Пратера и на Пратеръ. Правда, сначала въ моей гостинницѣ меня ужасно безпокоилъ неумолкаемый звонъ колокольчиковъ, которые, для удобности позвать человѣка, проведены въ каждую комнату. Разумѣется, звонили мои сосѣди и другіе живущіе, но я никакъ не могъ понять настоящей причины такого шума и безпрестанныхъ требованій.

Чтобъ допытаться, я вышелъ въ коридоръ и первое, что попалось мнѣ на глаза, была доска, исписанная самыми четкими буквами.

Я подошелъ къ ней и прочелъ слѣдующее:

1. Всякій изъ гг. живущихъ, чтобъ позвать *Гасть-Кнехта* (слугу) звонить 1 разъ.

2. Чтобъ позвать *Кельнера* (буфетчика) звонитъ 2 раза.

3. Чтобъ позвать *Zimmermaedchen* (служанку) звонитъ 3 раза.

Довольно! загадка разгадана и причина трезвона объяснилась. Надобно знать, что въ Германіи всѣ эти *Zimmermaedchen* прехорошенькія собою и, разумѣется, всякій гораздо охотнѣе прозвонитъ три раза, вмѣсто одного, чтобъ позвать горничную, а не лакея.

На другой день, за *Table d'Hote*, я сообщилъ мое замѣчаніе г. Гаубтману, содержателю гостинницы и совѣтовалъ для домашняго спокойствія совершенно переиначить его постановленіе. Онъ, не шутя обѣщалъ меня послушать и если нынче въ *Goldene Lamm*, а можетъ быть и въ другихъ германскихъ гостинницахъ гг. путешественники не учиняютъ прежняго трезвона, то за такое спокойствіе они, конечно, должны быть обязаны наблюдательности и совѣту русскаго туриста.

Дорога изъ Вѣны въ Прагу (300 верстъ) черезъ Моравскіе города Знаёмъ и Иглау не слишкомъ интересна. Что значитъ *Прагъ*, или *Порогъ*, которымъ названа столица Богеміи, извѣстно каждому славянину. Рѣка Молдава раздѣляетъ ее на двѣ части: на низменную и нагорную (Altstad и Neüstad). Ихъ соединяетъ постоянный мостъ, но мостъ необыкновенный, огромный, гигантскій, на 16 аркахъ и слишкомъ на 200 сажень длиною. Онъ строился цѣлыхъ полтораста лѣтъ и конченъ при королѣ Владиславѣ, въ началѣ XVI столѣтія. По моему, Прагскій мостъ можно назвать не только лучшимъ во всей Австріи, но въ цѣлой Германіи и едва ли даже не въ цѣлой Европѣ. Ни одинъ изъ тѣхъ, которые я видѣлъ въ Италіи, во Франціи и въ Англіи, не представляетъ такой монументальности.

Нагорная сторона города, по имени горы, на которой она раскинута, какъ и самый дворецъ и крѣпость, коронующіе ея вершину, называется Градчиномъ.

Этотъ дворецъ гораздо красивѣе Вѣнскаго и видъ изъ него на низменную часть города и рѣку Молдаву съ ихъ окрестностями удивительный! Лучшія улицы въ Прагѣ *Graben* и *Rossmart*; лучшія площади Grosse und

kleine *Ross*; лучшія гостинницы *Die drei Lippen* и zum schwarzen *Rosse*. Но что всего лучше — это необыкновенная на все дешевизна. За кресло, на-примѣръ (Sperr-Sitz) въ Нѣмецкомъ и Богемскомъ театрахъ платится отъ рубля до полутора ассиг. Въ первомъ изъ нихъ я слышалъ сестру знакомой намъ Гейнефетеръ въ оперѣ Ball-Nacht — музыка Обера, во второмъ старинную оперу: «Швейцарское Семейство музыка Вейгеля. Обѣ пьесы были выполнены очень недурно и еслибъ обѣимъ примадоннамъ т. е. и г–жѣ Гейнефетеръ и г–жѣ Подгорской сбросить съ плечь долой лѣтъ по 20 и болѣе каждой, то для ролей, которыя онѣ занимали, это бъ нисколько не попортило дѣла.

Г. Ганка, консерваторъ Прагскаго народнаго музеума, къ которому я имѣлъ письмо, сообщилъ и показалъ мнѣ много любопытнаго, особенно по части богемской нумизматики. Конечно, завѣдываемый имъ музеумъ требуетъ пополненій, но положить основаніе такому общеполезному учрежденію, осуществить его, устроить и все это почти безъ гроша отъ правительства, есть такой трудъ, такой подвигъ, который дѣлаетъ необыкновенную честь г. Ганкѣ. Это всѣхъ ближе и всѣхъ лучше оцѣнятъ тѣ, которые